ИСТОРІЯ РУССКАГО ПРАВА

М. М. МИХАЙЛОВА.

ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА ИСТОРІИ РУССКАГО ПРАВА ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ, ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХЪ НАУКЪ.

ОБЩІЙ УНИВЕРСИТЕТСКІЙ КУРСЪ, СТЕНОГРАФИРОВАННЫЙ.

ЛЕКЦІИ LV—LXXIX.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,

ПО МОЙКѢ, У КРУГЛАГО РЫНКА, Д № 5.

1871.

мѣстъ напр. жители остзейскихъ провинцій по указу Петра [1]). Затѣмъ опредѣлено количество подушной подати общее для всего государства указомъ 1724 г., и особенное въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; такъ сборъ съ государственныхъ крестьянъ, съ однодворцевъ въ Украинѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ количества подушной подати былъ не общій, а особенный. Мы уже замѣтили, что большая часть доходовъ государства была употребляема на устройство войска и флота. Такъ какъ подушныя подати не могли тотчасъ дать значительнаго прилива дохода въ казну, а между тѣмъ такъ какъ содержаніе требовало значительныхъ и постоянныхъ расходовъ то Петръ въ виду сокращенія денежныхъ расходовъ размѣстилъ полки въ разныхъ областяхъ и вмѣсто подушной подати обязалъ крестьянъ и мѣстныхъ жителей давать содержаніе частямъ войскъ, расположеннымъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ [2]). Затѣмъ я уже упомянулъ, что Петръ сначала, держась монополій, впослѣдствіи понялъ вредъ отъ нихъ происходящій и отмѣнилъ нѣкоторыя изъ нихъ; указами 1718 г. и 1719 г. Петръ предоставляетъ всѣмъ частнымъ лицамъ заниматься тѣми промыслами, которыя до тѣхъ поръ считались исключительнымъ правомъ казны. Въ видахъ увеличенія казеннаго дохода Петръ поручалъ казеннымъ учрежденіямъ нѣкоторое участіе въ торговыхъ предпріятіяхъ въ томъ смыслѣ, что тамъ, гдѣ была недостаточна частная дѣятельность, правительство само заводило фабрики, заводы, даже участвовало въ нѣкоторыхъ подрядахъ торговыхъ и вообще въ торговыхъ предпріятіяхъ. — Винокуреніе—казенная монополія сдѣлалась также доступною для частныхъ лицъ по указу 1716 г., съ обязанностью платить извѣстныя пошлины казнѣ. Вначалѣ своего царствованія Петръ дѣлалъ извѣстныя ограниченія частной собственности въ пользу казны; такъ напр. по указу 1704 г. всѣ мельницы, хотя-бы находящіяся на частныхъ земляхъ, объявлены были собственностью казны. Впослѣдствіе это отмѣняется и частныя лица обязаны были платить $^1/_4$ часть дохода

---

[1]) Ук. 1722. апр. 4, іюля 31, 1723. янв. 9.

[2]) Ук. 1734. Генв. 20, іюня 26.

съ этого производства въ казенное вѣдомство. Положеніе финансовъ заставило однако-же Петра прибѣгать и къ продажѣ нѣкоторыхъ казенныхъ имѣній и въ особенности земель. Такъ въ 1721 г. проданы казенныя земли и имущества въ различныхъ мѣстностяхъ, какъ оказавшіяся излишними для хозяйственнаго употребленія. Для описи казённыхъ имуществъ указами 1719 и 1721 г. назначены были царскіе коммисары. Эти подробныя описи подготовляли впослѣдствіи, уже въ новѣйшее время послѣ Петра, составленіе прочныхъ статистическихъ свѣденій о казенныхъ имуществахъ. Во всѣхъ этихъ мѣрахъ и распоряженіяхъ очевидно стремленіе знать матеріальныя средства, которыми можетъ располагать казна, для того чтобы опредѣлять и соотвѣтствующіе имъ государственные расходы. Въ особенности Петръ старался увеличить доходъ казны посредствомъ таможенныхъ пошлинъ [1]). Но онъ понималъ, что усиленіе дохода въ этомъ смыслѣ есть ни что иное, какъ результатъ успѣха торговли внѣшней и внутренней. Стараясь обезпечить успѣхи торговли внѣшней, Петръ заключаетъ торговые трактаты и договоры съ различными государствами; стараясь усилить дѣятельность торговли внутренней, Петръ издаетъ различные поощрительные законы, распространяетъ право занятія торговлей и на тѣхъ лицъ, которыя не имѣли до этого времени этого права, и, какъ результатъ всѣхъ этихъ мѣръ, мы видимъ, что доходы отъ таможенныхъ пошлинъ значительно увеличились. Таможенный уставъ 1721 г. есть въ этомъ отношеніи подробный и систематическій сборникъ Петра, въ которомъ излагается порядокъ сбора таможенныхъ пошлинъ, кантроль въ этомъ отношеніи и отчетность высшимъ учрежденіямъ. Кромѣ усиленія дохода отъ таможенныхъ пошлинъ Петръ заботился объ увеличеніи дохода казны посредствомъ развитія горнаго промысла и съ этою цѣлью дано право каждому лицу производить поиски металловъ не только на землѣ частныхъ лицъ, но и на землѣ казенной. Петръ опредѣлилъ, чтобы каждому предпринимателю казна отпускала все нужное для устройства заводовъ, и число заводовъ, и разработка рудъ

[1]) Тамож. Уставъ. 1724 г. Генв. 31.

значительно увеличилась. Частные владѣльцы рудниковъ должны были платить $^1/_{10}$ часть въ пользу казны. Понятно, что и въ этомъ отношеніи доходъ казны долженъ былъ увеличиться. Результатомъ всѣхъ этихъ стараній Петра было то, что при смерти Петра государственная казна заключала уже въ себѣ не только достаточное количество для удовлетворенія текущихъ, обыкновенныхъ потребностей, не смотря нагосударственныя преобразованія, но въ этой казнѣ находился еще значительный остатокъ отъ всей суммы государственныхъ расходовъ. Двѣ трети всего дохода шло на содержаніе войска и учрежденіе флота. Остальная часть расходилась на жалованіе должностнымъ лицамъ, и на различныя другія государственныя потребности. Петръ заботился о самомъ порядкѣ взиманія или сбора податей. Онъ поручалъ его губернаторамъ и другимъ должностнымъ лицамъ, строго запрещая притѣсненія, измѣненіе поборовъ, подвергая виновныхъ самымъ тяжкимъ уголовнымъ наказаніямъ. Наблюдали за этимъ коммисара и начальники полковъ и въ случаѣ неправильности сбора доносили высшимъ учрежденіямъ. Плательщики расписывались въ платежныхъ книгахъ и по указу 1721 г. должны были получать квитанціи во взносѣ. Книги должны были свидѣтельствоваться коммисарами и затѣмъ отправлялись въ камеръ коллегію. Ревизія должна была производиться каждые три мѣсяца (Ук. 1720 г. іюня 22) и въ случаѣ безпорядка должно было доносить сенату. Такимъ образомъ важно то, что Петръ установилъ не только удостовѣреніе во взносѣ, но и установилъ контроль для наблюденія за порядкомъ въ этомъ отношеніи. Подобнымъ же образомъ устроенъ былъ надзоръ и контроль за взиманіемъ таможенныхъ пошлинъ [1]) и различныхъ акцизныхъ и откупныхъ сборовъ. Кромѣ финансовой дѣятельности замѣчательна дѣятельность Петра въ отношеніи полицейскихъ мѣръ касательно благоустройства и благочинія. Впрочемъ Петръ смотрѣлъ въ этомъ отношеніи на полицію, какъ на такую дѣятельность, которая достаточно можетъ быть выполнена отдѣльными должностными лицами — губернаторами воеводами, и различными учрежденіями въ городахъ напр. магистратомъ. Замѣчательно то, что, установляя различныя кол-

[1]) Тамж. Устав. 1724 г.

*

легіи для разныхъ дѣлъ государственныхъ, установляя для нѣкоторыхъ дѣлъ, напр. финансовыхъ, не одну, а 2 коллегіи,— для полиціи Петръ не установилъ ни одной коллегіи. Причина заключалась въ томъ, что Петръ считалъ полицейскую должность достаточно исполнимою должностными лицами: губернаторами, воеводами (Инст. воевод. 1719 г. и др.). Петръ учредилъ однако по этому роду дѣятельности должности генералъ-полиціймейстера, въ Москвѣ оберъ-полиціймейстера; этимъ лицамъ подчинены были другія должностныя лица, которыя въ сущности должны были исполнять тѣ-же самыя обязанности въ столицѣ, какія губернаторы въ областяхъ. Кромѣ губернаторовъ и воеводъ обязанности полицейскія возложены были на коменданта, на старостъ, на коммисара (Ин. 1719 г.) и наконецъ на военное начальство. Что касается до самыхъ предметовъ дѣятельности этихъ лицъ, то Петръ опредѣлилъ эти предметы подробно въ инструкціи — оберъ-полиціймейстеру въ 1722 г. Подобныя-же инструкціи были даны воеводамъ въ 1719 г., земскимъ коммисарамъ въ 1719 г. Общій смыслъ всѣхъ ихъ тотъ, что полиція должна наблюдать за спокойствіемъ и благоустройствомъ, далѣе предупреждать преступленія и при происшедшихъ преступленіяхъ должна принимать предварительныя мѣры для прекращенія способовъ виновнымъ укрыться отъ суда и для собранія свѣденій относящихся къ преступленію. Полиція поставлена такимъ образомъ какъ учрежденіе, содѣйствующее судебнымъ учрежденіямъ. Кромѣ общихъ обязанностей, выраженныхъ инструкціями, Петръ заботился о томъ, чтобы въ волостяхъ и селахъ, въ особенности въ помѣщичьихъ селеніяхъ, помѣщики, сохранявшіе свою власть надъ крестьянами, не злоупотребляли-бы ею. Весьма замѣчателенъ указъ 1719 г. § 31 въ этомъ отношеніи, въ которомъ Петръ опредѣляетъ, что помѣщики, жестоко поступающіе съ своими крѣпостными и притѣсняющіе ихъ должны быть лишаемы своего имущества. Оно отдавалось въ опеку, передавалось ближайшимъ родственникамъ и, если эта мѣра окажется недѣйствительною, если помѣщикъ будетъ продолжать свое жестокое обращеніе, то совершенно отбирать его имѣніе и обращать его въ казённое. Кромѣ того на особенную обязанность полиціи возложено было наблюденіе за лицами

подозрительными, бродягами. Бродяги должны были быть забираемы въ особенные смирительные дома (Ин. 1718 г.) и назначаемы на казенныя работы; постройки. Хозяева домовъ должны были объявлять начальству по полицейской инструкціи 1724 г. іюня 16 и декабря 26 о живущихъ въ ихъ домахъ (Инст. 1718 и 1723 г.). Обязанность надзора касалась и до иностранцевъ. Затѣмъ обращено вниманіе Петромъ на различные роды промышленности. Въ этомъ отношеніи Петръ прежде всего заботился объ успѣхахъ земледѣлія. Въ регламентѣ камеръ-коллегіи 1723 г. Петръ поручаетъ этой коллегіи заботы и покровительство этому занятію и въ особенности занятію такими отраслями сельскаго хозяйства, которые наиболѣе соотвѣтствовали оборотамъ внѣшней торговли: напр. разведеніе льна, пеньки, такъ какъ вывозъ этихъ предметовъ происходилъ въ значительномъ количествѣ изъ Россіи. Земли незанятыя, но не состоящія въ казенномъ вѣдомствѣ разрѣшено было камеръ-коллегіи отдавать въ аренду частнымъ лицамъ и въ этомъ отношеніи Петръ указалъ камеръ-коллегіи на различныя земли, гдѣ подобная отдача могла производиться наиболѣе выгодно. Мануфактуръ-коллегіи вмѣнено было въ обязанность не только заботиться объ умноженіи фабрикъ и торговли, но и сноситься съ иностранными государствами, наблюдать, какія произведенія требуются въ томъ или другомъ государствѣ, чтобы поэтому обращать вниманіе купцовъ на производствоэтихъ отраслей промышленности. (Рег. 1723 г. д. 3.) Устройство цѣховъ, опредѣлено Петромъ въ подробности въ инструкціи главному магистрату. Каждый цѣхъ долженъ былъ заботиться о томъ, чтобы издѣлія каждаго мастерства производились по общимъ правиламъ, чтобы они соотвѣтствовали годности и достоинству. (Ук. 1722 г. апр. 27). Каждый цехъ долженъ былъ избирать себѣ старшину, который долженъ былъ осматривать работы. Самое званіе мастера должно было выдаваться такому изъ учениковъ, который оказалъ себя способнымъ производить извѣстную работу. Для поощренія мѣстной промышленности даны были Петромъ нѣкоторыя льготы, которыя были въ 1-й разъ еще опредѣлены. Въ видѣ преимуществъ фабрикантамъ и заводчикамъ должно отнести то постановленіе Петра, въ силу котораго онъ предпи-

салъ, чтобы всѣ лица, занимающіяся промышленностью вѣдались въ мануфактуръ коллегіи во всякаго рода дѣлахъ, кромѣ дѣлъ уголовныхъ. Такимъ образомъ подобно тому, какъ Петръ поставилъ городское населеніе въ исключительное завѣдываніе магистрата, ремесленники были поставлены подъ надзоръ мануфактуръ-коллегіи. Это была ихъ привиллегія. При Петрѣ возникли многія фабрики и заводы, первоначально имѣвшіе непосредственное отношеніе къ учрежденію войска и флота. Торговля вслѣдствіе всѣхъ этихъ преобраованій значительно улучшилась. Законы Петра имѣютъ непосредственное отношеніе къ значенію торговли. Здѣсь на 1-мъ планѣ стоитъ инструкція главному магистрату. Затѣмъ регламентъ адмиралтейской коллегіи 1722 апр. 5 имѣетъ отношеніе къ торговлѣ, потому что опредѣляетъ порядокъ надзора за внѣшнею торговлей, упоминаетъ о консульскихъ учрежденіяхъ въ разныхъ большихъ приморскихъ городахъ для облегченія сношеній съ иностранцами (§ 81. А. I) и кромѣ того многія постановленія по части морской торговли. Эти постановленія представляютъ совершенную новизну. Такъвъ регламентѣ адмиралтействъ-коллегіи встрѣчаются постановленія о нѣкоторыхъ договорахъ по части судостроенія, договоры по отношенію кораблей, перевозящихъ товары, отношенія между корабельщиками и судохозяевами, хозяиномъ товара или груза и судохозяиномъ. Въ ряду ихъ замѣчательно одно постановленіе по которому корабль считался русскимъ, если на немъ матросовъ не болѣе ¼ ч. изъ иностранцевъ. Это замѣчательно потому, что Петръ хотѣлъ составить свой русскій флотъ военный и купеческій, такъ чтобы всѣми преимуществами торговли пользовались только русскіе корабли. (Регл. кор. 1724 г.). Петръ понималъ, что по непривычкѣ къ дѣлу нельзя обойтись безъ иностранцевъ, но онъ не хотѣлъ дать обороты морской торговли въ руки исключительно иностранцевъ, какъ это было до него. Затѣмъ въ регламентѣ адмиралтействъ-коллегіи упоминается порядокъ найма матросовъ, заключенія сдѣлокъ съ ними, порядокъ разбирательства споровъ между судохозяевами и ихъ рабочими и др. подробности въ этомъ отношеніи. Рядъ указовъ сюда относящихся изложенъ, какъ въ регламентѣ адмир. коллегіи, такъ и

въ постановленіяхъ корабельщикамъ въ 1724 г. и въ таможенномъ уставѣ (1724 г.). Въ этихъ уставахъ кромѣ общихъ подробностей упоминается порядокъ надзора за привозомъ иностраннаго товара, за провозомъ русскихъ произведеній, запрещенія о вывозѣ и привозѣ. Кромѣ этихъ постановленій касательно торговли, нужно замѣтить еще указы 1713 г., 1717 и 1724 г., относящіеся исключительно къ торговлѣ петербургской. Петръ, создавъ Петербургъ, хотѣлъ особенно покровительствовать оживленію торговли петербургской Съэтою цѣлью изданы названные указы. Указъ 1713 г. повелѣваетъ всѣмъ купцамъ близъ лежащихъ мѣстностей, привозить въ Петербургъ всѣ товары, назначенные къ вывозу. Только мѣста, близкія къ архангельскому порту исключаются изъ этого. Петръ хотѣлъ придать Петербургу тотчасъ-же значеніе такого важнаго пункта въ дѣлахъ внѣшней торговлѣ, какимъ былъ Архангельскъ; указами 1717, 1719, 1720 и 1724 г. приглашаются значительные купцы Архангельска и Москвы. переселиться въ Петербургъ и производить тамъ главнымъ образомъ обороты своей торговли. Кто отправлялъ свой товаръ въ Петербургъ, тотъ платилъ менѣе таможенныхъ пошлинъ, чѣмъ положено было закономъ. Здѣсь платилось 3 процента, а съ товаровъ отправляемыхъ въ Петербургъ и потомъ за границу не взималось ничего. Такимъ образомъ эти особенныя льготы должны были оживить въ торговомъ смыслѣ этотъ вновь учрежденный городъ. Поощряя такимъ образомъ торговлю съ западомъ, Петръ не упускалъ изъ виду нашихъ старинныхъ и древнихъ сношеній съ востокомъ. При Петрѣ учреждены были различныя торговыя общества и компаніи для торговли съ восточными странами въ особенности съ Персіей. Указы 1719, 1722 и 1723 г. даютъ особенныя преимущества купцамъ, торгующимъ съ Персіею и важными странами. Такимъ образомъ мы видимъ, что и относительно дѣятельности промышленной и торговой Петръ сдѣлалъ значительныя улучшенія, и здѣсь, какъ и вездѣ дѣятельность эта клонилась къ тому, чтобы увеличить богатство какъ государства, такъ и народа.

LVI ЛЕКЦІЯ.

Послѣ обзора законодательства Петра, въ которомъ мы видѣли и цѣль его реформъ и тѣ мѣры, которыя онъ предпринималъ для осуществленія ихъ—весьма важный и существенный вопросъ есть тотъ, въ какой мѣрѣ, степени, эти преобразованія получили свой успѣхъ во время самаго Петра. Съ этою цѣлью мы обратимъ вниманіе на дѣятельность какъ высшихъ, такъ и другихъ государственныхъ учрежденій, установленныхъ Петромъ, и укажемъ на тѣ факты, на основаніи которыхъ дѣятельность установленныхъ Петромъ учрежденій: синода, сената коллегій, губернаторовъ осуществилась во время самаго его царствованія. Съ этою же цѣлью мы укажемъ въ дополненіе къ обзору законодательства Петра на степень приведенія въ исполненіе различныхъ его преобразованій. Остановимся прежде всего на значеніи реформъ въ отношеніи къ управленію дѣлами духовенства. Эти указанія находятся въ связи съ тѣмъ вообще преобразованіемъ, которое сдѣлалъ Петръ, не назначивъ новаго патріарха, а замѣнивъ его учрежденіемъ духовной коллегіи подъ названіемъ Св. Синода. Прежде всего укажемъ на положеніе монашествующаго духовенства во время Петра. Въ этомъ отношеніи представляются прежде всего различныя просьбы и жалобы монашествующаго духовенства правительству, Общая сущность всѣхъ этихъ жалобъ такова, что государственная казна слишкомъ много отобрала отъ монастырей различныхъ ихъ доходовъ: такъ у Троицкаго монастыря было взято на ратныя нужды болѣе 70.000 р. въ 1696 и 1697 г., затѣмъ 20,000 и пр. всего же взято около 250 тыс. руб. Эти просьбы указываютъ, что для пополненія средствъ казны Петръ нашелъ источникъ удовлетворенія нуждъ въ духовномъ имуществѣ. Затѣмъ мы упомянули, что Петръ хотѣлъ поднять значеніе бѣлаго духовенства; онъ хотѣлъ усилить нравственное его значеніе. Главнымъ образомъ было обращено вниманіе на назначеніе въ священники и дьяконы достойныхъ людей и для этого были заведены различныя учебныя заведенія по духовному вѣдомству. Замѣчательно, что въ этомъ отношеніи долженъ былъ содѣйствовать сенатъ. Одно постановленіе сената

1711 г. касается именно этого предмета, чтобы были приняты духовнымъ вѣдомствомъ слѣдующія мѣры въ отношеніи бѣлаго духовенства, чтобы въ дьяконы и священники посвящали не иначе, какъ по достиженіи извѣстнаговозраста—не моложе 25 и 30 лѣтъ, чтобы не было посвящаемо излишнее число людей, затѣмъ былъ запрещенъ произвольный переходъ священника изъ одного прихода въ другой, чтобы былъ усиленъ надзоръ за священниками. Въ особенности указомъ 1718 г. было подтверждено, чтобы дѣтей духовенства обучать въ школахъ заранѣе, чтобы они были годны къ посвященію въ попы; въ санъ священника, посвящать только тѣхъ, которые по ученію будутъ этого достойны, обратить вниманіе на то, чтобы священники не занимались промыслами и торговлей, чтобы они не занимались покупкою и продажею имуществъ, даже запрещено имъ имѣть свои собственные дома, а жить въ домахъ, купленныхъ на собранныя деньги, опредѣлены средства и доходы каждой церкви и они назначены были для поддержанія священнослужителей; обратить вниманіе на то, чтобы сами священники избирали изъ себя болѣе достойныхъ въ званіе поповскихъ старостъ и чтобы при самыхъ выборахъ не было никакихъ злоупотребленій. Замѣчательно, что еще во время самого Петра понимали всю важность этихъ различныхъ постановленій для поднятія нравственнаго значенія духовенства. Извѣстный Посошковъ заключаетъ объ этихъ преобразованіяхъ въ томъ общемъ смыслѣ что они подняли значеніе духовенства не только въ нравственномъ но и въ матеріальномъ отношеніи. Высшее церковное управленіе до учрежденія Синода сначала находилось въ переходномъ состояніи; патріарха не было; послѣ смерти послѣдняго Адріана сначала назначенъ такъ называемый блюститель патріаршаго престола —Стефанъ Яворскій Этому лицу были сдѣланы отъ правительства различныя инструкціи, даны указы ему въ 1711 году чтобъ дѣла вѣдалъ купно съ сенатомъ и въ послѣдующихъ годахъ кромѣ Стефана Яворскаго весьма дѣятельное участіе въ преобразованіи духовенства и въ основаніи духовной коллегіи т. е. будущаго сунода принималъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Онъ обратилъ на себя особенное вниманіе Петра своими рѣ-

чами, своими учеными трудами, и преобразователь нашелъ въ немъ человѣка съ обширною ученостью и блестящими дарованіями. Разъ понявъ эти личныя достоинства Ѳеофана Прокоповича, Петръ сохранялъ къ нему въ теченіи всего времени царствованія самое полное симпатическое расположеніе. Отчасти по мысли Ѳеофана Прокоповича, отчасти по собственному убѣжденію, что всякое дѣло лучше производить въ коллегіи царь объявилъ, что для лучшаго управленія духовными дѣлами ему кажется необходимымъ учредить духовную коллегію. Стефанъ Яворскій не раздѣлялъ этого мнѣнія царя, но Ѳеофанъ Прокоповичъ былъ въ пользу его и потому Петръ назначилъ его составителемъ духовнаго регламента. Въ 1 части духовнаго регламента Ѳеофанъ Прокоповичъ изложилъ причины учрежденія коллегіи; замѣчательно весьма въ этомъ отношеніи опредѣленіе духовнаго регламента, указывающее взглядъ Петра на коллегіальное управленіе. «Коллегіальное управленіе» говоритъ Петръ всегда способнѣе для изслѣдованія истины чѣмъ единоличное, приговоръ соборный имѣетъ болѣе силы, чѣмъ одного лица, къ тому-же скорѣе дѣла рѣшаются и правосуднѣе. Конечно не всѣ эти качества дѣйствительно нужно было признать особенными преимуществами коллегіальнаго управленія: напр. сказано, что дѣла скорѣе рѣшаются, но мы увидимъ, что Петръ самъ былъ недоволенъ медленностью производства дѣла. Сенатъ былъ также коллегіей, но дѣятельность его была медленна, Сенатъ также вызывалъ неудовольствіе Петра медленнымъ производствомъ дѣла. Замѣчательна также 2 часть Духовнаго Регламента, въ которой исчисляются дѣла принадлежащія духовной коллегіи т. е. суноду. Здѣсь какъ бы общій очеркъ, общее указаніе этихъ дѣлъ, такъ упоминается, что сунодъ долженъ имѣть попеченіе о истребленіи всѣхъ существующихъ суевѣрій, долженъ имѣть попеченіе о распространеніи правильныхъ свѣденій о догматахъ вѣры. Епископы обязаны имѣть въ своихъ домахъ школы для приготовленія священниковъ; епископы сами должны показывать примѣръ смиренія и не злоупотреблять своею властью надъ подчиненнымъ духовенствомъ. Въ одной изъ главъ 2 части «Духовнаго Регламента» упоминается о домахъ училищныхъ и учителяхъ;

въ отношеніи этихъ предметовъ Духовный регламентъ выражается слѣдующимъ образомъ: «Многіе говорятъ, что ученіе порождаетъ ересь, но наши раскольники не отъ грубости ли и невѣжества взбѣсновались; слѣдовательно правильный взглядъ на ученіе какъ на средство уничтоженія ереси, и невѣжества». Духовный регламентъ опредѣляетъ самый кругъ предметовъ обученія: грамматика, географія, исторія, ариѳметика, геометрія логика или діалектика, реторика, физика и съ присовокупленіемъ краткой метафизики, политика Пуффендорфа, — если найдется потребною, и богословіе. Президентомъ Сѵнода былъ назначенъ Стефанъ Яворскій, за нимъ назначены членами Сѵнода — архіепископы въ числѣ ихъ и Ѳеофанъ Прокоповичъ, нѣкоторые архимандриты и затѣмъ нѣсколько лицъ изъ бѣлаго духовенства. Это было также важнымъ преобразованіемъ: въ составѣ высшаго духовнаго учрежденія было дано, мѣсто и лицамъ бѣлаго духовенства, тогда какъ до Петра всѣ преимущества были на сторонѣ монашествующаго духовенства. Дѣятельность новаго учрежденія тотчасъ же выразилась представленіями царю о разрѣшеніи многихъ сомнительныхъ случаевъ. На всѣ доклады или донесенія сѵнода Петръ давалъ краткія, но существенныя резолюціи. Сначала эти запросы Сѵнода касались менѣе важныхъ и менѣе существенныхъ вопросовъ: такъ напримѣръ Сѵнодъ спрашивалъ Петра, какъ и когда во время богослуженія именовать Сѵнодъ—тамъ-ли гдѣ упоминалось патріаршество или въ другомъ мѣстѣ, спрашивалъ и о томъ, именоваться ли сѵноду святѣйшимъ. Затѣмъ послѣ подобныхъ запросовъ дѣятельность сѵнода выразилась въ различныхъ представленіяхъ объ управленіи патріаршими вотчинами, архіерейскими недвижимыми имуществами. Сѵнодъ спрашивалъ вѣдать ли эти дѣла въ монастырскомъ приказѣ или въ сѵнодѣ. Петръ на все это дѣлалъ подлежащія разрѣшенія. Замѣчательно, что эти разрѣшенія Петра были не всегда только кратки въ смыслѣ подтвержденія или неподтвержденія, иногда Петръ предпосылаетъ имъ подробныя соображенія или резолюціи вообще весьма замѣчательныя. Въ этомъ мы видимъ доказательство, что самые трудные исложные вопросы разрѣшались Петромъ по общимъ государственнымъ сообра-

женіямъ и онъ всегда предпосылаетъ ихъ своимъ разрѣшеніямъ. Затѣмъ новыя недоумѣнія представляетъ Сунодъ Петру. Сенатъ поставленъ въ равномъ значеніи съ правительствующимъ сунодомъ а между прочимъ въ производствѣ дѣлъ произошли нѣкоторыя недоумѣнія въ сношеніяхъ сунода съ сенатомъ и съ высшими должностными лицами. Петръ даетъ резолюцію указывая духовному вѣдомству, что эти недоумѣнія нисколько не служатъ умаленіемъ значенія Сунода, а напротивъ увеличиваютъ, потому что духовному вѣдомству не слѣдуетъ заниматься свѣтскими дѣлами. Такимъ образомъ Петру приходилось много работы; не только онъ указывалъ на значеніе, дѣятельность каждаго учрежденія, и на осуществленіе этой дѣятельности, но и разрѣшалъ много столкновеній юридическаго свойства. Посмотримъ на дѣятельность сената; былъ ли доволенъ Петръ этимъ высшимъ свѣтскимъ учрежденіемъ на которое онъ полагалъ всѣ свои надежды и облекалъ высшею государственною властью? Мы видимъ, что дѣла сената постоянно на виду у Петра, о дѣятельности сената Петръ думаетъ даже тогда, когда онъ находится въ походахъ: такъ находясь у Прута Петръ думаетъ, о чемъ занимается сенатъ и пишетъ на счетъ различныхъ монополій казенныхъ, на счетъ виннаго промысла и различныххъ другихъ внутреннихъ распоряженій; не забываетъ также и о томъ, что сенатъ долженъ заботиться о распространеніи внѣшней и внутренней торговли государства. Петръ требовалъ отъ сената быстроты и точности распоряженій. Петръ думалъ, что и во время его отсутствія сенатъ сохраняетъ тотъ дѣятельный контроль, къ которому онъ такъ привыкъ самъ. Но на дѣлѣ не выходило такъ: еще въ 1718 г. Петръ получаетъ донесеніе отъ тѣхъ лицъ которые наблюдали за сенатомъ, что многіе изъ его указовъ не исполнены, получаетъ донесеніе Зотова о томъ, что сенаторы не пріѣзжаютъ въ сенатъ для засѣданія. Озадаченъ Петръ этой лѣностью и нерадѣніемъ къ великому дѣлу! Петръ опредѣляетъ штрафъ за неявку сенаторовъ въ сенатъ, дѣлаетъ строгія подтвержденія, и это выражаетъ въ первый разъ какъ бы разочарованіе Петра въ значеніи этого высшаго учрежденія. Это обстоятельство было между прочимъ и при-

чиною, почему Петръ послѣ первоначальнаго устройства сената, сдѣлалъ въ немъ нѣкоторыя перемѣны: такъ онъ увеличилъ его нѣкоторыми должностными лицами, которымъ поручаетъ надзоръ за различными дѣлами государства. Онъ же сдѣлалъ распоряженіе, чтобы всѣ президенты коллегій присутствовали въ сенатѣ съ 1718 г. Но это было неудобно, такъ какъ президенты коллегій не имѣли времени. Для того, чтобы дѣла не забывались, для того, чтобы они шли правильною очередью, былъ приставленъ къ сенату особенный государственный чиновникъ подъ названіемъ генералъ-прокурора [1]). Обязанность этого лица заключалась въ томъ, чтобы не допускать медленности въ дѣлахъ сената и чтобы царскій указъ получалъ дѣйствительное исполненіе по той мысли, которая была въ немъ выставлена. Недоволенъ былъ Петръ и дѣятельностью вновь учрежденныхъ коллегій. Изъ числа всѣхъ коллегій большая часть занималась финансовыми дѣлами: такъ дѣятельность камеръ-коллегіи, ревизіонной коллегіи, статсъ-контръ-коллегіи, отчасти бергъ-коллегіи посвящена была исключительно финансовому дѣлу. Для военнаго дѣла оставались 2 коллегіи — воинская и адмиралтейская, для иностранныхъ сношеній одна и для суда также одна—юстицъ-коллегія. Интересы торговой и фабричной промышленности были поручены комерцъ-коллегіи и мануфактуръ-коллегіи. Для учрежденія коллегій Петръ имѣлъ образецъ не только въ шведскомъ государственномъ устройствѣ, но руководился мыслями нѣкоторыхъ знаменитыхъ ученыхъ напр. Лейбница. Лейбницъ совѣтовалъ Петру учредить еще особую коллегію полиціи, но Петръ назначилъ только высшихъ должностныхъ лицъ для дѣлъ полицейскихъ. Недостатки въ дѣятельности коллегій происходили отчасти и оттого, что отношенія къ коллегіямъ губернаторовъ, провинціальныхъ воеводъ и другихъ должностныхъ лицъ сосредоточивались не въ одной коллегіи, а зависѣли и отъ сената. Сенатъ имѣлъ право непосредственно давать указы губернаторамъ, имѣлъ право предавать ихъ суду, долженъ былъ получать отъ губернаторовъ донесенія, и между тѣмъ губернаторы были постав-

[1]) См. изслѣдованіе профессора Градовскаго «Высшая администрація» и Генералъ-Прокуроръ.

лены въ непосредственную зависимость отъ коллегій. Впослѣдствіи Петръ старался поправить этотъ недостатокъ и отчасти въ видахъ этого поправленія и тѣснѣйшаго соединенія коллегій съ сенатомъ онъ назначилъ, чтобы президенты коллегій были непремѣнно и членами сената съ 1718 года. Съ другой стороны различныя инструкціи, данныя губернаторамъ разъясняли, какимъ образомъ губернаторы въ исключительныхъ случаяхъ должны были относиться къ коллегіямъ и сенату. Болѣе всѣхъ на первый разъ обременена дѣлами юстицъ-коллегія. Все это доказываетъ, что всѣ вновь учрежденныя установленія Петра требовали много поправокъ и дополненій. Петръ понималъ это. Въ одномъ Петръ находилъ значительное зло и это одно огорчало его—это недостатокъ контроля за дѣйствіемъ каждаго новаго учрежденія. Мы видимъ, что онъ отчасти это и осуществилъ въ лицѣ генералъ-прокурора но надо было это учредить и за коллегіями. Для этого назначены были фискалы при коллегіихъ, но и этого было недостаточно: Петръ понималъ, что контроль необходимъ вездѣ даже и въ нисшихъ учрежденіяхъ. Для осуществленія этой мысли Петръ учреждаетъ должность фискаловъ для непосредственнаго наблюденія за дѣятельностью губернаторовъ и вообще низшихъ учрежденій. Сперва полагали, что назначеніе фискаловъ, какъ и показываетъ это самое слово (fiscus-казна) было наблюдать за интересами казны. Въ самое древнее время было понятіе о необходимости контроля и въ особенности за казенною прибылью. Но Петръ смотрѣлъ на контроль въ болѣе обширномъ смыслѣ. Вотъ почему мы видимъ, что должность фискаловъ неограничивалась только наблюденіемъ казённыхъ имущественныхъ интересовъ государства, но они должны были доносить и о всѣхъ вообще злоупотребленіяхъ должностныхъ лицъ и судебныхъ мѣстъ, и всѣ подобныя донесенія сенатъ долженъ былъ разсматривать и затѣмъ уже дѣлать запросы въ коллегіи по спеціальности дѣла—отчего происходятъ подобныя злоупотребленія? Вотъ въ этомъ-то отношеніи Петръ и хотѣлъ поставить низшія учрежденія въ прямую зависимость отъ сената, выгородивъ отсюда коллегіи. Подобное учрежденіе еще болѣе увеличивало число дѣлъ, подлежащихъ разбору

и дѣятельности сената. Петръ опредѣляетъ различными регламентами, инструкціями и указами дѣятельность этого новаго контрольнаго учрежденія, подчиняетъ фискаловъ оберъ-фискаламъ, находящимся при сенатѣ, опредѣляетъ, въ какихъ именно случаяхъ эти лица должны требовать необходимые запросы и справки въ коллегіяхъ, и какимъ образомъ сенатъ долженъ дѣйствовать въ такомъ случаѣ, когда онъ откроетъ злоупотребленіе въ низшихъ присутственныхъ мѣстахъ и недостатокъ въ дѣйствіяхъ коллегій. Петръ очевидно долженъ былъ ожидать самаго полнаго исполненія въ своихъ предначертаніяхъ тѣмъ болѣе, что каждое учрежденіе получило подробную инструкцію, но главный недостатокъ заключался въ томъ, что онъ на всѣхъ приближенныхъ лицъ вполнѣ не могъ ни на кого положиться для осуществленія своихъ цѣлей. Извѣстно, что Петръ былъ недоволенъ всѣми окружающими его приближенными высшими лицами.

LVII ЛЕКЦІЯ.

Всѣ недостатки въ дѣятельности учрежденій, которыя замѣтилъ самъ Петръ, перемѣнили конечно его первоначальное воззрѣніе и убѣжденіе въ превосходствѣ коллегіальнаго начала предъ началомъ единоличнымъ. Эта перемѣна убѣжденій Великаго Петра отразилась и въ характерѣ его законодательства послѣдующаго времени. Вторая половина его царствованія отличается уже недовѣрчивостью къ коллегіальному устройству и стараніемъ къ изданію подробныхъ инструкцій лицамъ, наблюдающимъ за дѣятельностью коллегій. Весьма многіе инструкціи даны прокурорамъ и фискаламъ. Укажемъ на содержаніе нѣкоторыхъ. Достаточно указать на содержаніе одной, чтобы понять значеніе всѣхъ прочихъ. Такъ въ инструкціи данной прокурорамъ и фискаламъ, вмѣняется имъ въ обязанность смотрѣть за исполненіемъ закона и чтобы не было никакихъ ущербовъ для царской казны. Извѣстно, что Петръ имѣлъ въ продолженіи сво его царствованія нѣсколько случаевъ убѣдиться [1]) въ

[1]) Такъ напримѣръ въ инструкціи Ушакову 1714 г. Петръ между про-

томъ, что казенныя имущества были расхищаемы при старинномъ положеніи финансовъ. Такое посягательство на интересы государственной собственности начало еще болѣе вооружать Петра противъ дѣятельности различныхъ должностныхъ лицъ. Затѣмъ вмѣняется въ обязанность фискаламъ и разнымъ другимъ должностнымъ лицамъ наблюдать за тѣмъ, чтобы не было проволочекъ въ судейскихъ дѣлахъ, чтобы не было притѣсненій торговымъ людямъ, чтобы не было утайки дворовъ крестьянскихъ, провѣдывать о тѣхъ, которыхъ можнопослать въ другія государства, но которые укрываются отъ службы, провѣдывать о различныхъ промыслахъ. Здѣсь мы видимъ, что порученіе провѣдывать относится къ различнымъ противоположнымъ дѣламъ, но всѣ они доказываютъ, что Петръ былъ недоволенъ и людьми и учрежденіями. Между тѣмъ это указываетъ на личность Петра въ томъ смыслѣ, что Петръ непокидалъ мысли оразличныхъ многосложныхъ потребностяхъ: въ одно и тоже время его безпокоитъ, что многіе лица, годные для службы остаются праздными, его тревожитъ и то, что есть много дѣтей, способныхъ учиться, но которыя остаются безъ дѣла. Онъ знаетъ, что есть много мѣстностей, годныхъ для заведеній извѣстнаго промысла, но онѣ остаются пустыми и т. п. Но, преслѣдуя свою цѣль усилить контроль и знать о положеніи государственныхъ дѣлъ во всей подробности, Петръ ставитъ учрежденіе фискаловъ подъ непосредственное охраненіе сената. Фискалы доносятъ безъ всякой боязни «и ихъ оберегать сенату» говоритъ Петръ возлагая на нихъ отчасти и прокурорскія обязанности въ качествѣ прокурора. Вмѣстѣ съ этимъ Петръ обращаетъ вниманіе неудовольствуясь и самымъ учрежденіемъ контроля, на усиленіе и распространеніе тѣхъ полезныхъ учрежденій, которымъ онъ наиболѣе сочувствовалъ. Такъ Петръ понималъ пользу отъ успѣховъ развитія торговли. Петръ полагалъ, что всѣ препятствія въ этомъ отношеніи происходили отъ того, что торговые люди не имѣли своихъ особенныхъ выборныхъ людей, не имѣли своихъ спеціальныхъ учрежденій. Петръ учре-

---

чимъ говоритъ, «смотрѣть: 1) подрядовъ, которые почитай всѣ на Москвѣ чинятся и невозможно статься, чтобъ *безъ великой кражи государственной казны и пр.*

дилъ магистратъ, далъ подробныя инструкціи ему. Много онъ надѣялся на пользу этого учрежденія и дѣйствительно: само учрежденіе и самая инструкція, должны были принести пользу, если бы были выполняемы добросовѣстно, но мы видимъ, что эти же самые новые члены магистрата притѣсняютъ торговыхъ людей, слѣдовательно то самое учрежденіе, которое было установлено для искорененія древняго зла, для веденія дѣла на основаніяхъ новыхъ, улучшенныхъ, это учрежденіе производитъ тотъ же самый недостатокъ, и это происходитъ отъ дѣятельности лицъ, а не отъ достоинства учрежденія. Изъ донесенія фискаловъ видно, что положеніе торговыхъ людей было то-же самое, какъ и прежде. Для того, чтобы поправить и этотъ недостатокъ, Петръ рѣшается на слѣдующую мѣру: онъ постановляетъ, чтобы сами торговые люди изъ среды своей выбрали бы въ фискальную должность, т. е. независимо отъ фискаловъ правительства Петръ хотѣлъ, чтобы они имѣли своего выборнаго наблюдателя, которые оказались также ненадежными. Затѣмъ другая мѣра, на которую въ особенности обращено было вниманіе — это содѣйствіе успѣхамъ образованія. Петръ понималъ, что для успѣха службы и для успѣха всякихъ другихъ частныхъ занятій, необходимо образованіе. Замѣчателенъ указъ въ этомъ отношеніи 1714 года: послать во всѣ губерніи по нѣскольку человѣкъ изъ школъ математическихъ, чтобы учить дѣтей цифири, геометріи и различнымъ другимъ наукамъ, и положенъ штрафъ такой, что не жениться до тѣхъ поръ, пока этимъ предметамъ не выучатся. Указъ замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что онъ указываетъ на необходимость образованія и также на то, что Петръ не считалъ его дѣломъ только дворянъ,— онъ приказываетъ въ 1714 году обучать дѣтей отъ 10 — 15 лѣтъ цифири, геометріи и проч. и не жалѣетъ никакихъ средствъ и силъ, чтобы достигнуть своей цѣли. Сенатъ однако къ этому прибавилъ замѣчательное толкованіе указа: а дѣтей посадскихъ людей неволею учиться не понуждать а принимать въ школы только такихъ кто сами собою къ наукѣ охоту имѣютъ потому что *дѣти посадскихъ въ эти годы начинаютъ заниматься торговлею, такъ чтобы отъ этого государственнымъ пода-*

тямъ не было ущерба! Какъ будто излишекъ денегъ, важнѣе образованія? Вотъ какъ извращали иногда самыя благія предначертанія Петра. Петръ учредилъ разныя общія и спеціальныя учебныя заведенія и мы конечно не войдемъ въ подробное ихъ исчисленіе. Затѣмъ является тогда-же новый указъ, относящійся также къ содѣйствію успѣховъ образованія, указъ о томъ, чтобы въ службу изъ дворянъ не принимать такихъ, которые ничему необучались; дальнѣйшіе чины получались не иначе, какъ по выдержаніи экзамена. Въ 1718 г. вмѣстѣ съ изданіемъ воинскаго устава было сдѣлано распоряженіе о заведеніи школъ для образованія военно-служащихъ лицъ и въ то-же время опредѣлено отослать за границу нѣсколько молодыхъ людей для обученія различнымъ необходимымъ для военнаго дѣла свѣденіямъ. Въ началѣ 1717 года Петръ послалъ во французскую военную морскую службу 20 гардемариновъ и въ Венецію 27 человѣкъ для того, чтобы тамъ научились не только морской службы, но и образовали-бы себя въ необходимыхъ знаніяхъ. Кромѣ того, извѣстно, что Петръ имѣлъ планъ и предположенія объ учрежденіи академіи наукъ, что осуществилось однакожъ уже послѣ Петра. Вмѣстѣ съ этимъ вопросомъ находятся въ связи заботы и попеченія Петра о распространеніи различныхъ ученыхъ сочиненій въ Россіи: о переводѣ нѣкоторыхъ необходимыхъ сочиненій въ этомъ отношеніи Петръ возлагалъ свои надежды на нѣкоторыхъ свѣдущихъ людей его времени и на будущую академію наукъ. Кромѣ мѣръ въ отношеніи содѣйствію образованія, необходимо указать на мѣры въ отношеніи къ успѣхамъ промышленности въ различныхъ видахъ и въ особенности на то, какъ эти требованія Петра достигали своего назначенія. Уже прежде, обозрѣвая финансовыя учрежденія Петра мы замѣтили, что Петръ сначала держался системы монополій до тѣхъ поръ пока неубѣдился, что онѣ приносятъ болѣе вреда странѣ, чѣмъ пользы. Въ 1718 году Петръ даетъ правило въ отношеніи казенныхъ монополій и различныхъ другихъ отраслей производства, находившихся въ исключительномъ завѣдываніи казны. Но уже здѣсь высказывается какъ-бы переходъ къ новому убѣжденію. Онъ говоритъ,

что въ тѣхъ случаяхъ, когда казна болѣе тратитъ, чѣмъ получаетъ или столько-же, то лучше отдать эти монополіи частнымъ лицамъ. Въ томъ-же 1718 г. Петръ поручаетъ сенату въ особенности заняться соображеніями о порядкѣ въ купеческомъ дѣлѣ, но сенатъ не выполняетъ успѣшно этого порученія. Въ 1720 г. при учрежденіи главнаго магистрата вмѣнено ему также въ обязанность представить въ сенатъ различныя соображенія о монополіяхъ, въ особенности въ регламентѣ главному магистрату 1721 г. поручено ему заняться устройствомъ русскихъ городовъ. Въ этомъ отношеніи регламентъ раздѣляетъ всѣ города на 5 разрядовъ по степени ихъ населенія. Смотря по тому какъ населенъ городъ магистратъ долженъ позаботиться не только объ управленіи, но и объ успѣхахъ внутренней торговой дѣятельности. Комерцъ-коллегіи поручено заботиться сверхъ того и объ успѣхахъ внѣшней торговли, и въ этомъ отношеніи Петръ старался о заключеніи различныхъ торговыхъ трактатовъ. Въ числѣ мѣръ предпринятыхъ Петромъ для оживленія внѣшней торговли нельзя не упомянуть о проведеніи нѣкоторыхъ каналовъ для соединенія Балтійскаго съ Каспійскимъ моремъ; для оживленія внутренней торговли, я уже упомянулъ, что Петръ хотѣлъ дать Петербургу первенствующее значеніе центра торговли, въ этомъ отношеніи мы видимъ постоянныя хлопоты Петра о томъ, чтобы весь избытокъ торговаго движенія, сосредоточивался не въ Архангельскѣ, а направлялся къ Петербургу. Такъ въ торговыхъ трактатахъ, заключенныхъ съ Голландіею, Англіей и другими опредѣлено чтобы торговля съ Петербургомъ была первоклассною, и здѣсь даны разныя привиллегіи купцамъ для того, чтобы оживить торговлю. Рядъ указовъ, начиная съ 1723 г. касается учрежденій различныхъ фабрикъ, мануфактуръ и заводовъ. Во всѣхъ этихъ указахъ, кромѣ общаго ихъ значенія, выказана забота Петра объ успѣхахъ каждаго производства. Такъ для успѣха суконныхъ фабрикъ онъ даетъ различныя привиллегіи, опредѣляетъ мѣста изъ казенныхъ земель въ помощь фабрикантамъ и различнымъ заводчикамъ. И то правда, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ указовъ «что нашъ народъ, какъ дѣти, не ученія ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда

*

отъ мастера не будутъ приневолены, которымъ сперва досадно, но потомъ, выучившись, благодарятъ; не все-ли неволею сдѣлано и уже за многое благодареніе Богу слышится за то, что произошло». Но несмотря на всѣ эти дѣйствія Петра промышленность шла весьма медленно: казенныя фабрики нужно было заводить по всѣмъ отраслямъ промышленности. Недоволенъ былъ Петръ дѣйствіемъ казенныхъ фабрикъ. «И заводы» говоритъ онъ въ одномъ изъ указовъ «дурны: половина дѣла сдѣлана, а другая нѣтъ, и нынѣ требуемъ чтобы были посланы за границу для изученія мастерства». Очевидно, что болѣе усернымъ образомъ Петръ старался объ улучшеніи тѣхъ производствъ, которые были необходимы для устройства флота, войска и различныхъ другихъ потребностей государства. Незабывалъ Петръ и тѣхъ производствъ, которыя издавна существовали, хотя въ самой малой степени развитія. Такъ заведеніе флота требовало заведеній парусныхъ фабрикъ, онѣ въ 1702 году заведены въ Москвѣ и затѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Петръ обращаетъ вниманіе на самые предметы внѣшней торговли и въ особенности на заграничный отпускъ товаровъ изъ Россіи. Въ числѣ этихъ товаровъ находились многіе предметы производства: хлѣбъ, кожи и различные другіе; Петръ дѣлаетъ нѣкоторыя запрещенія относительно такихъ предметовъ, которые необходимы для собственной надобности. Затѣмъ Петръ съ одинаковой энергіей, съ одинаковой дѣятельностью обращаетъ вниманіе на все то, что можетъ уменьшить недостатки народнаго хозяйства или тѣ причины такъ сказать бѣдности, которыя были чувствительны въ его время не только въ государственномъ но и частномъ быту. Такъ чтобы уменьшить роскошь частныхъ лицъ, особенно въ военное время, онъ опредѣляетъ запрещеніе ввоза дорогихъ матерій и украшеній; напр. издаетъ указъ въ 1717 г.: «объявить», говоритъ онъ: «что до окончанія войны, чтобы никакого золота и серебра пряденаго никто не носилъ, а носили-бы только китайскія и сибирскія шелковыя матеріи». Приведенныя распоряженія касались равно всѣхъ вообще лицъ въ государствѣ. Съ другой стороны Петръ обращаетъ вниманіе на отношеніе помѣщиковъ къ крестьянамъ и мы упо-

минали уже, что въ числѣ различныхъ мѣръ, принятыхъ имъ къ улучшенію сельскаго быта онъ запретилъ жестокое обращеніе съ крестьянами, объявивъ необходимость отбирать отъ подобныхъ лицъ имѣніе и обращать въ казенную собственность, но до кореннаго преобразованія, до великой реформы освобожденія, составляющей славу нынѣшняго царствованія еще было далеко, и дѣятельность Петра въ этомъ отношеніи блѣдна и слаба въ сравненіи съ другими его по истинѣ великими дѣлами. Наконецъ въ общемъ обозрѣніи мѣръ по различнымъ отраслямъ государственной дѣятельности Петра нужно сказать также о томъ что во все время, онъ обращалъ особенное вниманіе на преслѣдованіе различныхъ расколовъ и ересей и надѣялся въ этомъ отношеніи какъ на свою дѣятельность такъ и на общіе успѣхи образованія. Этимъ мы заканчиваемъ характеристику законодательства Петра. Мы видѣли дѣятельность Преобразователя въ которой достаточно высказывается геніальная личность Петра. Мы видѣли также и тѣ послѣдствія, которыхъ достигали его преобразованія. Не смотря на то, что Петръ былъ недоволенъ дѣятельностью нѣкоторыхъ учрежденій, это недовольство касалось ближе не самихъ учрежденій, а лицъ. Въ общемъ результатѣ было то что Петръ преобразовалъ весь государственный строй древней Россіи. И такъ вліяніе и сильное послѣдствіе преобразованій Петра положило новый характеръ въ законодательствѣ. Мы увидимъ, что первымъ преемникамъ оставалось только дополнять его преобразованія, уменьшать тѣ недостатки въ учрежденіяхъ, которые оказывались на самой практикѣ. Долгое время все то, что установилъ Петръ, считалось основаніемъ для дальнѣйшаго развитія. Но съ другой стороны въ устройствѣ высшихъ государственныхъ учрежденій тотчасъ-же послѣ Петра произошла нѣкоторая существенная перемѣна. Царствованіе первыхъ преемниковъ Петра отличается отмѣною нѣкоторыхъ изъ установленій, заведенныхъ Петромъ. Большая часть этихъ отмѣнъ касалась учрежденій государственнаго быта; въ частномъ быту, а также въ уголовномъ законодательствѣ все установленное Петромъ, оставалось до самаго новѣйшаго времени въ главныхъ своихъ чертахъ безъ суще-

ственныхъ перемѣнъ. Однако-же при этомъ общемъ характерѣ послѣдующихъ преобразованій нужно раздѣлить время на 2 эпохи, и границею этихъ эпохъ отмѣтить царствованіе Императрицы Екатерины II. Время отъ Петра до Екатерины II представляетъ также какъ-бы 2 подраздѣленія: время до парствованія Елизаветы и время до Екатерины II. Въ 1-й промежутокъ времени законодательство Петра въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ было значительно измѣнено. Напротивъ того время, начиная съ Елизаветы отличается возвращеніемъ къ старому порядку, установленному Петромъ. Все царствованіе Елизаветы, вся система ея законодательства есть дальнѣйшее стремленіе къ осуществленію постановленій Петра. Царствованіе императрицы Екатерины II представляется уже эпохою самобытнаго развитія законодательства: то, что сдѣлалъ Петръ въ отношеніи высшихъ государственныхъ установленій, то Екатерина преобразовала въ отношеніи областнаго управленія. Губернскія власти и подчиненныя имъ установленія совершенно перемѣнились въ царствованіе Екатерины II. Кромѣ того законодательство коснулось существенной перемѣны уголовнаго права; въ ея знаменитомъ Наказѣ были положены въ основаніе совершенно не тѣ мысли и начала которые были во время Петра. Такимъ образомъ дальнѣйшее развитіе успѣховъ законодательства очевидно принадлежитъ эпохѣ, начиная съ царствованія Екатерины II; затѣмъ, чѣмъ далѣе къ новѣйшему времени, тѣмъ болѣе является въ нашемъ законодательствѣ усовершенствованій и улучшеній разныхъ отраслей права. Этимъ самымъ опредѣляется и порядокъ дальнѣйшаго нашего изложенія. Прежде всего за разсмотрѣніемъ значенія законодательствъ Петра мы обратимся къ очерку тѣхъ перемѣнъ, которымъ подвергнулись и законы и учрежденія Петровскаго законодательства. Мы остановимся на значеніи этихъ перемѣнъ и на общемъ характерѣ законодательства этого времени. Съ нѣкоторою подробностью мы остановимся на разсмотрѣніи законодательствъ Елизаветы, но болѣе Екатерины II и затѣмъ обратимъ вниманіе на значеніе улучшеній каждой отрасли, каждой части права. Послѣ смерти Петра первоначальною перемѣною въ составѣ учрежденій

явилась перемѣна въ значеніи правительствующаго сената. Выше его является новое учрежденіе въ составѣ и въ ряду государственныхъ установленій а именно верховный тайный совѣтъ, вѣдавшій государственныя дѣлаи въ особенности дѣла, касавшіеся внѣшнихъ отношеній Россіи къ другимъ государствамъ. И такъ сенатъ утрачиваетъсвое первенствующее значеніе. Сначала верховный тайный совѣтъ собирался исключительно только для дѣлъ внѣшнихъ, но затѣмъ онъ потребовалъ подчиненія сената, спрашивалъ донесеній сената и въ обыкновенныхъ государственныхъ дѣлахъ и такимъ образомъ дѣятельность сената отступила на 2-й планъ. Это было первою и существенною перемѣною Петровскихъ учрежденій. Она имѣла существенное, важное послѣдствіе для самаго законодательства. До учрежденія верховнаго тайнаго совѣта, во время Петра указы сената на равнѣ съ закономъ должны были служить основаніемъ для разрѣшенія сужденій и управленія всякаго рода дѣлами. Съ подчиненіемъ сената верховный тайный совѣтъ, это высшее учрежденіе, которому не дано никакой особой инструкціи, началъ отмѣнять различныя постановленія сената, сдѣланныя въ прежнее время. Отъ этого происходило то, что не знали, чѣмъ руководствоваться, постановленіями-ли сената, регламентами-ли, указами ли верховнаго тайнаго совѣта. Другая существенная перемѣна заключалась въ подчиненіи коллегій отдѣльнымъ лицамъ. Различныя коллегіи потеряли свое прежнее положеніе высшихъ государственныхъ учрежденій, когда одна или 2 коллегіи были прямо отданы въ заведываніе одному какому либо лицу. Затѣмъ въ устройствѣ подчиненныхъ областныхъ и нисшихъ установленій произошли также перемѣны. Одна изъ важныхъ и существенныхъ перемѣнъ, которая коснулась вмѣстѣ съ тѣмъ и частнаго или гражданскаго быта заключалась въ отмѣнѣ петровскаго закона объ единонаслѣдіи: въ 1731 г. послѣдовалъ указъ отмѣнившій этотъ законъ, который былъ замѣненъ прежнимъ закономъ. Это были примѣры возвращенія къ старому порядку, за ними послѣдовали многіе другіе. Такимъ образомъ вообще законодательство достигло того положенія, что въ то время, когда реформы Петра начали прино-

сить свои существенные результаты, въ нашемъ законодательствѣ произошелъ поворотъ къ старинному порядку дѣлъ и это было чувствительно какъ въ государственной жизни, такъ и въ гражданскомъ быту. Система уголовнаго законодательства въ теченіи этого времени также подвергнулась нѣкоторымъ существеннымъ перемѣнамъ, но онѣ произошли не отъ изданія новыхъ законовъ, но отъ случайныхъ причинъ. Такъ извѣстно, что въ первое время послѣ Петра система наказаній и казней достигаетъ своего значительнѣйшаго размѣра. Система розыска или система различныхъ доказательствъ, учрежденныхъ для изслѣдованія дѣла — пытки и другія казни самыя жестокія являются въ усиленномъ размѣрѣ въ нашемъ законодательствѣ послѣ Петра. Все это продолжается до воцаренія Елизаветы Петровны. Указами Елизаветы производится отмѣна этого поворота къ старому и возстановленіе преобразованій петровскихъ установленій. Она видитъ общій недостатокъ подобно Петру въ различныхъ постановленіяхъ законодательства, видитъ общую потребность въ ихъ дополненіи и исправленіи. Нужно сказать однакоже, что и при самомъ Петрѣ, а въ особенности при его преемникахъ постоянно правительство заботилось о приведеніи въ систему всѣхъ вообще законовъ. Петръ поручалъ это дѣло сенату. Послѣ Петра постоянно до царствованія Екатерины II идетъ рядъ подобныхъ мѣръ кодификаціи т. е. собиранія и приведенія въ полную систему законовъ, но мы увидимъ, что это дѣло не получило своего выполненія и при императрицѣ Екатерины II.

LVIII. ЛЕКЦІЯ

Послѣ смерти Петра Великаго начинается рядъ перемѣнъ; эти перемѣны отчасти временныя, впослѣдствіи однако получаютъ иное назначеніе, иное направленіе. Такимъ образомъ въ ближайшее царствованіе Екатерины I законодательство возвращается къ прежнимъ началамъ, бывшимъ еще до Петра Великаго. Какъ мы уже упомянули первое время послѣ Петра Великаго, отличается поворотомъ къ нѣкоторымъ прежъ-

нимъ началамъ. При другихъ преемникахъ Петра мы видимъ поправленіе этихъ перемѣнъ и приданіе петровскимъ учрежденіямъ прежняго вида. Такъ въ силу постановленій Екатерины I закономъ 1726 года послѣдовало учрежденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта. Учрежденіе это опредѣлено въ смыслѣ высшаго правительственнаго установленія подъ предсѣдательствомъ самой государыни въ ея дворцѣ и получило значеніе какъ бы до-петровской государевой Думы. Такимъ образомъ это возвращеніе къ старому порядку должно было измѣнить значеніе сената. Сначала въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ положено было разсматривать только важнѣйшія дѣла государственныя, какъ внѣшнія, такъ и внутреннія, потомъ Верховный Тайный Совѣтъ получилъ право завѣдывать всякими дѣлами безъ исключенія и сдѣлался такимъ образомъ въ смыслѣ постояннаго и высшаго установленія. Значеніе Сената отошло на второй планъ, вмѣстѣ съ этимъ и всѣ коллегіи, которыя до тѣхъ поръ были подчинены непосредственно сенату, поставлены были подъ главное завѣдываніе высшаго тайнаго совѣта. Онъ посылалъ указы, какъ сенату, такъ и коллегіямъ и въ смыслѣ этого обстоятельства значеніе коллегій поднялось, а значеніе сената унизилось; коллегіи стали наравнѣ съ сенатомъ, потому что наравнѣ съ нимъ зависѣли отъ высшаго учрежденія. Такимъ образомъ всѣ регламенты Петра Великаго, опредѣлявшіе порядокъ судопроизводства въ коллегіяхъ по отношенію къ сенату должны были получить совершенно иное значеніе. Затѣмъ закономъ 7 марта отъ сената отнято право опредѣленія различныхъ должностныхъ лицъ по разнымъ вѣдомствамъ государственнаго управленія и право его ограничено назначеніемъ нѣкоторыхъ среднихъ и большею частью нисшихъ должностныхъ лицъ. Такъ сенату предоставлено право опредѣленія камерира, земскихъ комисаровъ, членовъ въ надворные суды, а о прочихъ же должностныхъ лицъ опредѣленіе и увольненіе которыхъ зависѣло отъ сената, онъ долженъ былъ представлять въ высшій тайный совѣтъ. Другая весьма важная перемѣна заключалась въ томъ, что губернаторы, вице-губернаторы и другіе были поставлены подъ непосредственную зависимость отъ сената; законъ 7 марта изъялъ

этихъ лицъ отъ сената и право надъ ними предоставлено было высшему тайному совѣту. Законъ 14 марта отнялъ отъ сената даже наименованіе «правительствующій», а повелѣно именовать его высокимъ сенатомъ и вообще эти перемѣны показываютъ, что сенатъ былъ лишенъ высшаго значенія, какъ въ административномъ, такъ и въ судебномъ отношеніи. Самая цѣль учрежденія высшаго тайнаго совѣта заключалась въ томъ, чтобы сенатъ лишить тѣхъ правъ и преимуществъ, которыя были даны ему Петромъ Великимъ. Этотъ примѣръ ясно доказываетъ, что тотчасъ же послѣ Петра Великаго воззрѣнія совершенно перемѣнились: то, что считалъ Петръ Великій однимъ изъ своихъ лучшихъ учрежденій, то какъ бы подверглось прежде другихъ преобразованію. Туже самую мысль, возвратиться къ старому порядку, мы встрѣчаемъ и въ другихъ законахъ, вышедшихъ въ царствованіе императрицы Екатерины I. Такъ за вышеприведенной перемѣной послѣдовала важная перемѣна и въ областномъ управленіи. Законъ 15 іюля 1726 года объявляетъ новые губернскіе и провинціальные штаты, т. е. на основаніи этого закона повелѣно по всѣмъ городамъ, гдѣ еще не было воеводъ, назначить воеводъ для всякихъ судебныхъ и розыскныхъ дѣлъ. Затѣмъ законъ 1726 г. сокращаетъ штатъ коллегій, учрежденныхъ Петромъ Великимъ и уничтожаетъ надворные суды въ нѣкоторыхъ городахъ, гдѣ они были введены. Законъ 24 фев. 1727 г. отмѣняетъ и уничтожаетъ всѣ *излишнія* административныя учрежденія по областямъ, введенныя Петромъ Великимъ, а именно вездѣ уничтожаются надворные суды, камериры, земскіе комиссары и конторы. Этимъ же самымъ закономъ повелѣно весь судъ и расправу въ городахъ и уѣздахъ отправлять по старому порядку, существовавшему до Петра Великаго, т. е. передать всю власть губернаторамъ и воеводамъ, а этихъ лицъ подчинить юстицъ-коллегіи. Затѣмъ послѣдовала перемѣна и въ отношеніи самыхъ предметовъ вѣдомства, такъ напр. магистратовъ, которымъ было поручено завѣдывать сборомъ податей; гдѣ же нѣтъ магистратовъ и гдѣ сборъ податей принадлежалъ мѣстнымъ административнымъ лицамъ передать по прежнему обыкновенію выборнымъ людямъ. Итакъ многія изъ

учрежденій установленныя Петромъ Великимъ по областямъ и провинціямъ уничтожились въ 1726 и 27 гг. Замѣчательно, что законы не только отмѣняли существо петровскихъ учрежденій, но изображали причины, побудившія сдѣлать эти перемѣны. Въ указѣ упоминается напр. слѣдующая причина: «а многія правительства и канцеляріи не только служатъ къ великому отягощенію казны, но и къ великой тягости народа, понеже вмѣсто того, чтобы къ одному правителю обращаться, нынѣ къ *10* и болѣе, а всѣ тѣ разные правители имѣютъ свои канцеляріи и каждый народъ волочитъ, умалчивя о другихъ непорядкахъ, которые ежедневно происходятъ». Это обстоятельство выставлено, какъ основаніе къ сокращенію различныхъ установленій, сдѣланныхъ Петромъ Великимъ. Понятно, что здѣсь законъ имѣлъ въ виду только временное положеніе дѣлъ, но не настоящія соображенія пользы государства. Дѣло въ томъ, что различныя установленія, введенныя Петромъ Великимъ, каждое имѣло свое отдѣльное спеціальное назначеніе. Нельзя было удивляться увеличенію ихъ потому что различныя государственныя потребности развились во время Петра Великаго болѣе противу прежняго Петръ Великій указалъ направленія общественной и частной жизни. Нужно было для нихъ установить и новыя установленія, слѣдовало наблюдать только затѣмъ, чтобы каждое учрежденіе дѣйствительно достигало той пользы, цѣли, ради которой оно было установлено и мы видимъ, что въ послѣдующихъ царствованіяхъ въ особенности при Елисаветѣ Петровнѣ мысль эта была дѣйствительно понята и возстановлены были многія изъ петровскихъ учрежденій, увеличеніе которыхъ нужно отнести и къ тому, что Петръ имѣлъ въ виду отдѣлять судебную дѣятельность отъ административной. Это важное отдѣленіе связано съ успѣхомъ отправленія государственныхъ дѣлъ. Оно при немъ получило осуществленіе если и не полное, то по крайней мѣрѣ въ значительной степени. И при Петрѣ сенатъ былъ столько же судебнымъ, сколько и административнымъ мѣстомъ. Правда, что нѣкоторыя изъ коллегій вмѣстѣ съ судебной дѣятельностью совмѣщали и административную дѣятельность, однако одна изъ важныхъ ре-

формъ заключалась въ томъ, что онъ отнялъ отъ губернатора право суда и право постановлять судебный приговоръ, но и это важное улучшеніе въ областномъ управленіи было отмѣнено указомъ 1727 года. Понятно, что и здѣсь законъ уклонился отъ той полезной цѣли, какую имѣлъ Петръ Великій, не желавшій соединять въ одномъ лицѣ два рода дѣятельности противоположной: судебной и административной. Наконецъ третій недостатокъ этихъ отмѣнъ заключался въ томъ, что отмѣняя нѣкоторыя существенныя учрежденія напр. камериръ и другія, онѣ не установили ничего въ замѣнъ этихъ перемѣнъ. Новое законодательство подверглось значительному недостатку: нѣкоторыя изъ учрежденій, напр. магистраты назначены исключительно въ смыслѣ учрежденій городскихъ, а имъ вмѣнено было въ обязанность завѣдывать сборомъ податей. Мы останавливаемся на этомъ именно, потому что въ нашей юридической литературѣ существуетъ двоякаго рода взглядъ на значеніе перемѣнъ послѣдующихъ послѣ Петра Великаго. Профессоръ Бѣляевъ видитъ не только недостатокъ, а напротивъ достоинство въ возвращеніи дѣлъ къ старому порядку. Онъ смотритъ на это такимъ образомъ, что Петръ установилъ слишкомъ многое и совершенно какъ-бы ненужное, что служило не къ улучшенію, а только къ отягощенію отправленія государственныхъ дѣлъ и въ отмѣнѣ онъ видитъ не замедленіе успѣха законодательства, а напротивъ новую степень его развитія. Мы указали, что эти отмѣны нельзя считать успѣхомъ и исторія доказываетъ, что эти отмѣны были постепенно уничтожены. Затѣмъ императрица Екатерина I сдѣлала нѣкоторыя перемѣны и въ отношеніи финансовомъ. Такъ сборъ податей, основанный на подушной системѣ, введенной Петромъ Великимъ, подвергся также существеннымъ перемѣнамъ. Назначена была особая комисія, которой поручено было разсмотрѣть: удовлетворительна ли подобная раскладка податей и нельзя ли возвратиться къ старому порядку взиманія не съ каждаго лица, а съ тягла? Хотя комисія и не выработала порученія, однакоже стремленіе это доказываетъ, что тотчасъ послѣ Петра Великаго важнѣйшія изъ его реформъ подверглись перемѣнамъ. Затѣмъ при преемникѣ Екатерины I несо-

вершеннолѣтнемъ Петрѣ II законодательство шло потому же направленію, которое дано было Екатериною I: высшее значеніе верховнаго тайнаго совѣта, которому подчиняется сенатъ и всѣ коллегіи. Коммисія, учрежденная для разсмотрѣнія подушнаго сбора, продолжаетъ свои занятія и свои дѣйствія, однако-же результатъ этихъ дѣйствій въ смыслѣ новыхъ законовъ непоявляется. Въ областяхъ вся власть поручена губернатору и въ руководство ихъ дѣйствій данъ общій наказъ губернаторамъ 1728 года. Но этотъ наказъ замѣчателенъ не тѣмъ, что онъ вводитъ какія-нибудь новыя правила, но тѣмъ, что содержаніе его взято изъ старыхъ воеводскихъ наказовъ съ отмѣною того, что было постановлено Петромъ, съ прямымъ указаніемъ что все управленіе и судъ должны быть сосредоточены въ губернской канцеляріи. Это возвращеніе къ старому порядку замедлило общій успѣхъ нашего законодательства. Этотъ наказъ есть какъ-бы возобновленіе старыхъ воеводскихъ наказовъ. Мы укажемъ на одинъ изъ нихъ. Въ одномъ пунктѣ говорится, между прочимъ, какъ нужно принимать губернатору дѣла своего вѣдомства: «управлять городомъ губернатору и воеводѣ, и гдѣ есть служилые люди собрать ихъ, повѣрить собранную денежную казну и все, что въ ихъ управленіи находиться, освидѣтельствовать по прежнимъ описямъ и спискамъ: деньги, провіанты въ приходныхъ и расходныхъ книгахъ, и все вышеписанное принять и прислать донесеніе въ сенатъ». Такимъ образомъ законодательство смотритъ на прежнія наказы, какъ на образецъ. Такимъ образомъ на время генеральный регламентъ Петра Великаго и тѣ общія обязанности, которыя онъ поясняетъ должностнымъ лицамъ, тотъ порядокъ, который заведенъ для контроля надъ должностными лицами — все это отмѣнено и поставлено по прежнему. Итакъ мы видимъ, что весь этотъ наказъ имѣетъ въ виду формальный порядокъ: собрать дѣла, составить списки, слѣдовательно въ основаніи: записываніе, распредѣленіе дѣлъ по роду ихъ, а основа только потому, какой подъячій завѣдуетъ дѣлами. Затѣмъ перемѣна и въ другомъ отношеніи, напр., касательно дѣлъ купечества или торговыхъ людей. Законъ 3 октяб. 1727 г. повелѣваетъ и этимъ дѣламъ быть по старому порядку, вѣдать ихъ стариннымъ торговымъ устано-

вленіямъ и новыхъ пошлинъ не взымать. Затѣмъ законъ 1727 года опредѣляетъ: чтобы всѣ лица по дѣламъ торговымъ обращались въ коммисію-коммерцію, представивъ все, что они знаютъ относительно торговли и оборотовъ каждаго горожанина Подобныя же соображенія требуются отъ губернатора и воеводы. Законъ этотъ не опредѣляетъ дѣятельности коммерцъ-коллегіи. Такъ было до временн императрицы Анны Іоанновны, которая дѣлаетъ первыя перемѣны въ этихъ первоначальныхъ преобразованіяхъ или отмѣнахъ петровскихъ учрежденій Чтобы понять перемѣны, послѣдовавшія въ царствованіе Анны Іоановны, обратимся опять къ дѣятельности верховнаго тайнаго совѣта. Изъ предъидущаго очевидно, что верховный совѣтъ стремился сосредоточить управленіе въ своихъ рукахъ Сначала сама царица управляла, потомъ вся власть перешла къ князю Меньшикову. Перемѣненъ порядокъ регламентовъ, установлены новыя правила касательно приходовъ и расходовъ денежной казны. Уничтожено право сената опредѣлять на должности, затѣмъ усиленъ надзоръ за дѣятельностію коллегій, губернатора и прочихъ установленій. Нѣкоторыя должности, значеніе которыхъ было важно, уничтожены. Такъ званіе генералъ-рекетмейстера было уничтожено. Въ отношеніи судебныхъ дѣлъ совѣтъ не оставилъ за сенатомъ право окончательно присуждать приговоръ въ важнѣйшихъ дѣлахъ, но предоставилъ это право самому себѣ. Неограничиваясь этими перемѣнами верховный тайный совѣтъ продолжаетъ передѣлку коллегій. Военная коллегія подчинена совѣту. Прежній контроль или ревизія надъ коллегіями и прочими учрежденіями были уничтожены 9 января. Всѣ эти перемѣны отразились на дѣятельности коллегій. Сначала они продолжаютъ стройное отправленіе своихъ дѣлъ по регламенту, но затѣмъ они стараются освободить отъ сената и достигли этой цѣли три коллегіи, военная, адмиралтейская и иностранныхъ дѣлъ; они совершенно освободились отъ сената и стали въ непосредственную зависимость отъ совѣта. Затѣмъ и другія стали стремиться освободиться отъ сената. Отъ этого произошла запутанность въ управленіи различныхъ государственныхъ дѣлъ, особенно финансовыхъ дѣлъ. Финансовыя дѣла были распредѣлены ме-

жду четырьмя коллегіями. Это держалось до тѣхъ поръ, пока сенатъ смотрѣлъ, чтобы эти коллегіи не вмѣшивались не въ свои дѣла, верховный совѣтъ не могъ этого наблюдать и потому строгое раздѣленіе финансовыхъ дѣлъ окончательно рушилось. Это было одно изъ лучшихъ дѣлъ Петра потому что оно отдѣляло завѣдываніе доходами отъ завѣдыванія расходами. Прочія коллегіи, бергъ-коллегія и мануфактуръ коллегія, завѣдывавшія отдѣльными частями промышленности, сначала также строго примѣняли уставъ, данный Петромъ Великимъ, но затѣмъ являются отдѣльныя привиллегіи, которыя уничтожили общую пользу регламента, даннаго Петромъ Беликимъ. Такъ бергъ-коллегіи данъ горный уставъ помимо ея участія въ этомъ дѣлѣ; появляются и совершенно новые законы; къ числу ихъ нужно отнести вексельный уставъ. Причина его изданія заключалась въ томъ, что обороты торговли значительно увеличились, какъ при Петрѣ Великомъ, такъ и послѣ его. а между тѣмъ одного изъ главныхъ орудій, именно, такъ называемыхъ, векселей у насъ не было. Между тѣмъ иностранцы, привыкшіе къ векселямъ, сами просили о введеніи такого порядка. Вслѣдствіе этого появился вексельный уставъ, но замѣчательно, что при самомъ обсужденіи: ввести-ли, или не ввести его, этотъ новый вексельный уставъ былъ введенъ помимо коммерцъ-коллегіи. Этотъ примѣръ указываетъ, что верховный совѣтъ не обращаетъ вниманія на спеціальность учрежденій коллегій: самъ по своей воли распоряжался, вводилъ новыя учрежденія. Такимъ образомъ система учрежденная, созданная Петромъ Великимъ, значительно была поколеблена и самое назначеніе тѣхъ изъ учрежденій, которыя подобно сенату и коллегіямъ еще остались, далеко различались на практикѣ и въ дѣйствительности отъ той мысли, которая была имъ предположена Петромъ Великимъ. Такимъ образомъ представляется многочисленная и разнообразная совокупность должностныхъ лицъ, не связанныхъ ничѣмъ общимъ безъ правильнаго распредѣленія отношеній, которыя были установлены Петромъ Великимъ. Въ силу этого каждая изъ коллегій стала развивать свою дѣятельность совершенно по личнымъ и случайнымъ причинамъ, а именно, смотря по тому, кого имѣла президентомъ, принад-

лежалъ-ли онъ къ членамъ верховнаго совѣта и дѣятельность этой коллегіи было болѣе или менѣе успѣшна. Преобладающее значеніе имѣли коллегіи военная, адмиралтейская и иностранныхъ дѣлъ; прочія, напримѣръ юстицъ-коллегія не имѣла важнаго судебнаго значенія и поддерживала значеніе въ общемъ административномъ смыслѣ. Затѣмъ были установлены многія учрежденія, такъ таможни, дирекціи, мюнцъ-директорія. Затѣмъ возникли коммисіи и канцеляріи, канцеляріи медицинскія, нѣсколько конторъ по военному вѣдомству. Эти новыя учрежденія являлись безъ всякихъ регламентовъ, безъ всякихъ опредѣленій степени ихъ власти, предмета вѣдомства и отношеній къ существующимъ учрежденіямъ. Такъ продолжалось до времени императрицы Анны Іоанновны. Императрица Анна Іоанновна уничтожаетъ значеніе верховнаго тайнаго совѣта и хотя не возстановляетъ въ прежнемъ значеніи петровскія учрежденія, однако-же во многомъ дѣлаетъ существенныя перемѣны. Обозрѣвая эти перемѣны прежняго времени нужно указать, что императрица уничтожила верховный тайный совѣтъ, признавъ дѣятельность этого учрежденія вредною и неправильною и возвратила прежнее значеніе «правительствующему» сенату. Неостанавливаясь на этомъ, императрица издала въ этомъ отношеніи замѣчательный законъ 5 іюля 1730 г. Сенатъ былъ раздѣленъ на департаменты.

LIX ЛЕКЦІЯ.

Сенатъ въ 1730 году былъ раздѣленъ въ первый разъ на департаменты. Такихъ департаментовъ было пять: департаментъ духовныхъ дѣлъ, деиврtаментъ военныхъ сухопутныхъ и морскихъ дѣлъ, департаментъ доходовъ и расходовъ государственныхъ; четвертый департаментъ юстиціи и пятый департаментъ коммерціи, заводской и фабричной производительности. Это раздѣленіе сената на департаменты имѣло цѣлью ввести большій порядокъ въ сенатѣ, раздѣливъ дѣла по ихъ спеціальности и успливъ дѣятельность сената. Такъ какъ сенатъ получилъ снова прежнія права, которыя онъ имѣлъ при Петрѣ и

такъ какъ все значеніе и дѣятельность высшаго государственнаго учрежденія должны были перейти къ сенату, то дѣятельность его, конечно, должна была увеличиться. Каждый департаментъ сената имѣлъ значеніе принадлежащее цѣлому учрежденію въ томъ смыслѣ, что власть, предоставленная сенату вообще принадлежала и каждому департаменту по отношенію къ дѣламъ, для которыхъ онъ былъ назначенъ. Затѣмъ законъ 10 ноября 1731 года учреждаетъ новое установленіе: императорскій кабинетъ министровъ. Онъ былъ учрежденъ для важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ и для разсмотрѣнія дѣлъ, которыя находились въ завѣдываніи одного какого-нибудь лица, но мало-по-малу это учрежденіе получило значеніе прежняго верховнаго совѣта и снова сенатъ и не только сенатъ, но и синодъ, коллегіи и всѣ новыя установленныя учрежденія: канцеляріи губернаторскія и областныя управленія подчинены этому одному высшему установленію. Такимъ образомъ мы видимъ въ законодательствѣ этого времени тоже самое колебаніе, какъ и въ предшествовавшее царствованіе. Сенатъ остается сначала въ прежнемъ значеніи, а потомъ и сенатъ и всѣ прочія Петровскія установленія подчиняются одному высшему установленію, сходному съ прежнимъ, только съ новымъ названіемъ. Затѣмъ законъ 31 декабря 1731 года дѣлаетъ перемѣну въ устройствѣ различныхъ коллегій. Эта перемѣна главнымъ образомъ касается коллегія военной и финансовой. Такъ нѣкоторые изъ предметовъ дѣятельности военной коллегіи отняты отъ этого учрежденія и предоставлены кабинетъ-министру. Одно изъ новыхъ установленій учреждено въ 1732 году: оберъ-фискалы и фискалы съ назначеніемъ состоять при военной коллегіи, но въ независимости отъ сената и притомъ въ смыслѣ контроля по военному дѣлу. Законъ 1733 года замѣчателенъ, какъ установившій нѣкоторыя полицейскія учрежденія во многихъ губернскихъ и провинціальныхъ городахъ: въ губернскихъ городахъ: назначены полиціймейстеры, въ провинціальныхъ городахъ назначены имъ помощники. Кромѣ того установлены различныя другія учрежденія по части полицейской дѣятельности, напримѣръ городская полицейская стража и т. п. Законъ 31-го октября 1733

года установилъ, чтобы распредѣленіе полковъ и различныхъ частей войскъ соотвѣтствовало новымъ штатамъ, т. е. новому росписанію по губерніямъ. При этомъ начальникамъ отдѣльныхъ войскъ предоставлено участіе въ дѣлахъ внутренняго управленія, въ видѣ содѣйствія губернаторамъ и прочимъ должностнымъ лицамъ. Болѣе замѣчателенъ новый регламентъ камеръ-коллегіи 25 іюня 1731 г. Въ немъ подробно опредѣлены всѣ правила сбора податей и пошлинъ, постановленъ надзоръ за взысканіемъ недоимокъ и приняты мѣры для предупрежденія накопленія недоимокъ на будущее время. Замѣчательно, что вслѣдствіи нового регламента на ряду съ камеръ-коллегіей учрежденъ въ 1733 году особый доимочный приказъ. Мы видимъ странное явленіе, что на ряду съ петровскими учрежденіями являются какъ бы добавочныя учрежденія съ прежнимъ характеромъ. Самое названіе добавочный приказъ, самое устройство его по старинному началу показываетъ, какую смѣсь представляетъ это время. Замѣчательно, что этому доимочному приказу предписано отъ всѣхъ коллегій, отъ всѣхъ канцелярій, отъ всѣхъ губернаторовъ требовать доимочныхъ вѣдомостей и взыскивать недоимки. Еслиже при взысканіи недоимокъ окажутся виновными губернаторъ или воевода своею медленностью или послабленіемъ, то на такихъ воеводъ взыскивать штрафъ не менѣе 10% недоимочной суммы. Такимъ же образомъ дана власть подвергать взысканію даже должностныхъ лицъ тогдашняго времени. Все это указываетъ намъ, что въ общемъ составѣ высшихъ государственныхъ учрежденій законодательство поступало различно: то удерживаются прежнія петровскія начала, то они признаются недостигающими цѣли и учреждаются приказы, какъ будто камеръ-коллегіи нельзя было предоставить власть взыскивать недоимки, а предоставлено это дѣло приказу; одно съ устройствомъ петровскимъ на началѣ коллегіальномъ, другое съ устройствомъ до петровскимъ и эти два учрежденія, завѣдуя однимъ и тѣмъже родомъ дѣлъ, должны были, конечно, встрѣчаться въ своей дѣятельности и отъ этого происходили запутанность и очевидное неустройство въ отправленіи дѣлъ финансовыхъ. Дѣйствительно сборы не въ одно изъ царствованій не были до такой степени запутаны и неисправ-

ны, какъ въ царствованіе имиератрицы Анны Іоанновны. Затѣмъ, въ періодъ этого царствованія выходитъ законъ, относящійся до судебныхъ дѣлъ. Законъ 1 февр. 1731 года опредѣляетъ въ интересахъ тяжущихся лицъ, взысканіе за промедленіе судебныхъ дѣлъ. Судья долженъ слушать дѣло въ присутствіи истца и отвѣтчика, которые имѣютъ право указывать на недостатки дѣлопроизводства и требовать надлежащихъ дополненій, относящихся къ дѣлу. Въ этомъ указѣ сказано, что по новому порядку, введенному съ учрежденіемъ коллегій при различныхъ докладахъ весьма часто бываютъ погрѣшенія, т. е. невѣрные справки, невѣрныя свѣдѣнія. Въ отвращеніе этого злоупотребленія законъ далъ право самимъ тяжущимся лицамъ присутствовать. Конечно, подобный законъ заключалъ въ себѣ значительныя усовершенствованія, но принимая въ соображеніе, что это былъ законъ, который касался только частности процесса, а не обнималъ цѣлой системы законовъ, нужно сознаться, что при подобных ъчастныхъ опредѣленіяхъ, общее положеніе судопроизводства оставалось въ томъ же видѣ, какъ его установилъ Петръ Великій; реформы не достигли полнаго значенія даже и въ его царствованіе. Затѣмъ, замѣчателенъ законъ 20 марта 1730 года. Законъ этотъ постановляетъ, чтобы по всѣмъ городамъ воеводъ перемѣнять черезъ два года и чтобы при смѣнѣ они являлись въ Сенатъ и давали отчетъ въ своемъ управленіи и представляли росписи и счетныя книги. При этомъ законъ тѣхъ только допускаетъ вторично къ этой должности, на которыхъ никакихъ жалобъ не послѣдуетъ. Правило это, очевидно, изданное въ видахъ соображенія пользы отправленія государственной службы но по существу своему оно не есть нововведеніе, напротивъ, разсматривая его, мы вспоминаемъ, что въ прежнихъ воеводскихъ наказахъ было тоже самое правило, что воеводы въ самое древнее время назначались на самый короткій срокъ и что вторично они допускались только въ томъ случаѣ, когда не было на нихъ никакихъ жалобъ. Затѣмъ, законъ 24 іюля 1740 г. замѣчателенъ, какъ вводящій новое учрежденіе установилъ почтовое управленіе по всѣмъ губерніямъ и провинціямъ. Этихъ примѣровъ достаточно для характеристики законодательства времени имиератрицы Анны Іоанновны; нѣкоторыя частныя улучшенія,

*

нѣкоторыя попытки, сначала къ удержанію учрежденій петровскихъ идей, но затѣмъ отмѣна петровскихъ постановленій и возвращеніе къ прежнему порядку. Законодательство императрицы Елизаветы Петровны отличается уже большимъ возстановленіемъ прежнихъ петровскихъ учрежденій. При самомъ восшествіи своемъ на престолъ императрица объявляетъ, что ея царствованіе будетъ продолженіемъ царствованія Петра Великаго. Прежде всего Сенату предоставляется полное его значеніе въ прежнихъ его правахъ, предоставляется ему право завѣдыванія и управленія всѣми внутренними государственными дѣлами, какъ это было при Петрѣ, возстановлена и судебная его власть въ смыслѣ высшей судебной инстанціи; вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ самый законъ уничтожаетъ учрежденіе кабинетъ министровъ и слѣдовательно уничтожаетъ причину по которой Сенатъ въ предъидущія царствованія не имѣлъ значенія. Затѣмъ, законъ отъ 7 апрѣля 1742 г. возстановляетъ коллегіи въ прежнемъ петровскомъ смыслѣ—Бергъ и мануфактуръ-коллегію, которыя при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ были замѣнены дирекціями и нѣкоторыми канцеляріями, онѣ возстановлены въ прежнемъ ихъ значеніи. Законъ 21 мая 1743 года возстановляетъ главный магистратъ въ Петербургѣ и въ городахъ. Всѣ дѣла и донесенія, которые были возложены послѣ Петра Великаго, какъ напр. сборъ податей, отмѣняются и они завѣдуютъ только дѣлами городскими. Законъ 11 сентября 1745 года повелѣваетъ изъ всѣхъ коллегій и канцелярій подавать отчеты и донесенія въ Сенатъ и строго придерживаться регламентовъ. Такимъ образомъ, и значеніе учрежденій и самый порядокъ дѣлопроизводства возстановлены. Одна эта отмѣна прежнихъ постановленій и возвращеніе къ петровскому законодательству есть въ полномъ смыслѣ уже несомнѣнная заслуга царствованія Елизаветы Петровны. Въ 1744 г. 22 января возвращается Сенату право назначать губернаторовъ и прочихъ должностныхъ лицъ областныхъ управленій собственною властію, даже безъ представленія императрицѣ. Возстановивъ такимъ образомъ, какъ Сенатъ, такъ и коллегіи, и различныя областныя учрежденія императрица Елизавета прибавила къ нимъ нѣкоторыя новыя, весьма важныя, административныя учрежденія. Такъ, одно изъ важнѣй-

шихъ ея установленій есть учрежденіе главной межевой канцеляріи въ 1755 г. Дѣло межеванія, какъ мы видѣли, при Петрѣ Великомъ не могло получить значительныхъ успѣховъ. Значительная часть пространства земель оставалась не размежеванною и при Петрѣ. Онъ имѣлъ въ этомъ отношеніи только частную заслугу: онъ указалъ, какъ нужно производить размежеваніе земель въ болѣе правильномъ смыслѣ. При немъ были сдѣланы попытки размежеванія Ингерманландіи; остальное оставалось въ прежнемъ положеніи до Елизаветы Петровны. Въ 1745 году учреждена была межевая канцелярія. Назначеніе этого учрежденія заключалось въ томъ, чтобы произвесть полное и правильное межеваніе по всему пространству государства. При этомъ было принято въ основаніе, чтобы для каждой земли, состоящей въ отдѣльномъ вѣдомствѣ, были составлены отдѣльные планы съ обозначеніемъ точныхъ границъ, чтобы они были исполнены съ помощію астралябій и чтобы независимо отъ плана былобы составлено подробное и точное описаніе. Для руководства главной межевой канцеляріи была издана подробная межевая инструкція. Это одинъ изъ важнѣйшихъ законовъ по части межеванія, хотя онъ былъ дополненъ болѣе подробными постановленіями императрицы Екатерины II и Николая I. Но главное основаніе всего межеваго законодательства положено въ этой инструкціи 1755 года. Областное управленіе при Елизаветѣ Петровнѣ оставалось безъ существенныхъ перемѣнъ: по прежнему оно было въ рукахъ воеводъ и губернаторовъ, такъ, какъ оно было устроено въ предшествовавшія царствованія Екатерины I и Анны Іоанновны. Такимъ образомъ, мысль императрицы возстановить все, какъ было при Петрѣ Великомъ, въ полномъ смыслѣ, не была осуществлена, въ отношеніи областнаго управленія, хотя была осуществлена вполнѣ въ отношеніи къ высшимъ государственнымъ учрежденіямъ. Нельзя однако же сказать, чтобы законодательство Елизаветы Петровны не заключало въ себѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ постановленій, касавшихся областнаго управленія, дѣло только въ томъ, что общихъ постановленій въ прежнемъ петровскомъ значеніи не было въ ея царствованіе. Въ смыслѣ частныхъ дополненій замѣчателенъ законъ 1744 г., которымъ дозволено было воево-

дамъ и губернаторамъ оставаться при своей должности безсмѣнно и послѣ прошествія срока, если о томъ будутъ просить сами жители. И здѣсь мы видимъ повтореніе древняго закона. Затѣмъ, законъ 26 октября 1760 года продолжаетъ срокъ воеводской службы на 5 лѣтъ и послѣ этого пятилѣтняго срока воевода смѣняется только въ такомъ случаѣ, когда падаютъ на него какія-либо подозрѣнія и жители будутъ просить, чтобы онъ былъ отставленъ послѣ пяти лѣтняго срока. Затѣмъ, законодательство императрицы Елизаветы Петровны замѣчательно по части уголовнаго права. Въ ея время многія изъ наказаній были значительно смягчены. Относительно другихъ наказаній были опредѣлены точно изданныя постановленія по части уголовнаго законодательства. Въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны, въ отношеніи къ уголовному законодательству и въ частности въ отношеніи къ уголовному судопроизводству, замѣчательно изданіе проэкта 1754 года, опредѣлявшаго болѣе и правильный порядокъ производства слѣдствій. Наконецъ, это царствованіе представляетъ попытку собранія всѣхъ прежнихъ законовъ и составленія новаго общаго уложенія законовъ, о чемъ думалъ и самъ Петръ Великій. Коммиссія для составленія законовъ, учрежденная въ царствованіе Елизаветы Петровны, имѣла уже передъ собою нѣкоторую часть матеріала, выработаннаго коммиссіями, учрежденными съ Петра Великаго и имѣла намѣреніе приступить къ составленію общаго Уложенія, но при этомъ дѣлѣ представлялись многія важныя препятствія къ его осуществленію. Прежде всего, при обиліи и множествѣ законовъ, нужно было ихъ собрать, распредѣлить ихъ по извѣстной системѣ хронологически и исторически для того, чтобы потомъ приступить къ этимъ законамъ, сличить и опредѣлить, какіе изъ нихъ сохранили свою силу и какіе были отмѣнены или дополнены въ послѣдующее время. Но при этомъ, кромѣ недостатка въ матеріалѣ, составители коммиссіи не сходились въ самыхъ своихъ воззрѣніяхъ на цѣль и на значеніе новаго Сборника Законовъ. Одни встрѣчали значительныя запутанности въ опредѣленіи разныхъ учрежденій, не видѣли никакого исхода изъ этой запутанности въ законодательствѣ при недостаткѣ общихъ началъ и составляли предположенія о новыхъ

правилахъ, которыхъ нѣтъ даже въ законодательствѣ Петра Великаго; другіе полагали необходимымъ составить Сборникъ Законовъ на основаніи такихъ правилъ, которыя содержатся въ существующихъ законахъ. Наконецъ, были и такіе, которые полагали необходимымъ заимствованіе изъ иностранныхъ кодексовъ такихъ законовъ, которыхъ не было въ нашемъ законодательствѣ. Главнымъ же образомъ дѣло не могло подвигаться впередъ, потому что матеріалъ еще не былъ собранъ и не былъ приведенъ въ систематическій порядокъ. Такимъ образомъ, мы прослѣдили значеніе развитія нашего законодательства въ эпоху до времени императрицы Екатерины II. Въ этотъ промежутокъ времени мы не видимъ никакихъ особенно замѣчательныхъ проявленій нашего законодательства, мы видимъ только рядъ попытокъ, и при томъ, рѣзко различающихся въ своемъ направленіи: одни стараются возвратиться къ старому порядку, другія имѣютъ своею цѣлью дополнить и поддержать то, что было установлено Петромъ Великимъ. Первыя попытки очевидно, не могли имѣть успѣха: преобразованія, сдѣланныя Петромъ были такъ вѣрны, съ такимъ сознаніемъ государственной и народной пользы, что отступить отъ нихъ и искать въ нашемъ древнемъ законодательствѣ чего либо лучшаго, оказалось по опыту совершенно невозможнымъ. Отъ этого мы видимъ, что даже въ такіе промежутки времени, какіе были въ царствованіе Екатерины I и Анны Іоановны, въ эпоху малолѣтства Петра II, при всемъ стараніи уничтожить петровскія преобразованія, въ общемъ результатѣ, не было особенныхъ существенныхъ перемѣнъ. Перемѣны касались устройства различныхъ установленій, касались отмѣны и назначенія новыхъ должностныхъ лицъ, но общія начала законодательства, по всѣмъ его частямъ, оставались безъ всякаго ослабленія. Одно исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ извѣстная уже намъ отмѣна указа о единонаслѣдіи, которая состоялась въ царствованіе Анны Іоанновны. Но она произошла отъ того, что дѣйствительно начала, введенныя Петромъ Великимъ въ указѣ о единонаслѣдіи, были несовмѣстны съ общимъ вѣковымъ историческимъ развитіемъ нашихъ убѣжденій о раздѣлѣ имущества между сыновьями поровну. Все же остальное, введенное Петромъ Великимъ, до та-

кой степени глубоко привилось къ государственной жизни, что въ царствованіе Елизаветы Петровны стало получать не отмѣну, а подтвержденіе и дальнѣйшее развитіе. Болѣе значительные успѣхи въ этомъ отношеніи представляетъ время императрицы Екатерины II. Обозрѣвая пространство этого времени, мы, прежде всего, обратимся къ указанію такого изъ законодательныхъ опредѣленій императрицы Екатерины II, которое составляетъ какъ бы основу всѣхъ ея воззрѣній и всѣхъ ея понятій о законодательствѣ, — это есть извѣстный наказъ, изданный коммиссіи, занимавшейся составленіемъ уложенія. Прежде всего, мы видимъ въ этомъ наказѣ обширный теоретическій взглядъ, высказанный Екатериною II о законѣ вообще и въ особенности о судѣ, какъ органѣ примѣненія закона. Потомъ, наказъ даетъ различныя руководящія правила членамъ коммиссіи, какъ составить уложеніе, къ какимъ источникамъ обратиться и въ какой системѣ располагать правила, которыя будутъ извлечены изъ этихъ источниковъ. Наказъ императрицы Екатерины II *1767* года замѣчателенъ для всего послѣдующаго нашего законодательства въ томъ же самомъ смыслѣ и значеніи, какъ замѣчательны въ этомъ же отношеніи регламенты Петра Великаго, въ которыхъ онъ нетолько установилъ законы, но и указывалъ своему народу цѣль, для которой онъ постановляетъ данный законъ. Въ собственномъ смыслѣ самъ наказъ не былъ закономъ, это была инструкція, руководящее начало, идея, мысль, положенная въ основаніи работы при составленіи Уложенія. Но именно эти то общія, руководящія начала и указывали на необходимость дальнѣйшаго усовершенствованія нѣкоторыхъ частей нашего законодательства, въ особенности уголовнаго права. Въ сущности наказъ есть извлеченіе изъ нѣкоторыхъ юридическихъ, теоретическихъ сочиненій, имѣвшихъ значительный успѣхъ на западѣ Европы во время Екатерины II. Онъ проникнутъ одною и тою же идеею улучшенія и развитія законодательства, на основаніи теоретическихъ началъ, въ примѣненіи къ потребностямъ государственнаго быта. Одно изъ самыхъ важнѣйшихъ и основныхъ началъ, въ немъ выраженныхъ, заключается въ томъ, что не можетъ быть ни одного наказанія иначе, какъ за преступленіе, опредѣленное по

закону. Затѣмъ, руководствующее правило дано въ отношеніи суда къ употребленію, примѣненію закона. Прежде всего въ этомъ отношеніи встрѣчаются правила, что для всѣхъ лицъ, живущихъ въ государствѣ, судъ равенъ. Правило это не новое, мы слѣдили за нимъ и въ прежнихъ сборникахъ законовъ но тѣмъ не менѣе это не мѣшало высказать его и въ новомъ наказѣ: «Граждане должны быть охраняемы закономъ, законъ долженъ быть охраняемъ судьями.» Отсюда выводитъ Наказъ, что судья не только не имѣетъ права отступить отъ закона и умалить его значеніе, но не имѣетъ права и произвольно толковать противъ того смысла, какой постановленъ самимъ закономъ.

LX. ЛЕКЦІЯ.

Наказъ обращаетъ вниманіе, что въ преступникѣ не нужно забывать общаго человѣческаго значенія, что нужно нетолько карать преступленіе силою наказанія, но нужно стараться и предупреждать преступленія. Въ этомъ смыслѣ Наказъ съ особенною подробностью распространяется о различныхъ мѣрахъ, помощью которыхъ могутъ быть предупреждаемы преступленія. Одна изъ самыхъ важнѣйшихъ мѣръ въ этомъ смыслѣ указывается Наказомъ въ смыслѣ образованія и увеличенія успѣховъ нравственнаго и религіознаго развитія. Наказъ весьма часто выражаетъ ту мысль, что чѣмъ болѣе поднятъ будетъ уровень образованія и духовнаго развитія, тѣмъ менѣе будетъ преступленій. Этотъ общій гуманный взглядъ на преступленіе, на самую личность преступника, не остался безъ благодѣтельныхъ послѣдствій на все послѣдующее новое наше законодательство. Подъ вліяніемъ мыслей, высказанныхъ въ Наказѣ, въ новѣйшемъ законодательствѣ отъ времени до времени появлялись, какъ мы увидимъ, различные проэкты о преобразованіи, о смягченіи уголовнаго законодательства, объ окончательномъ видоизмѣненіи нѣкоторыхъ, прежде существовавшихъ, наказаній. Въ видѣ образца подобнаго, можно указать на то, что уже самъ Наказъ

отвергъ многія изъ изувѣчивающихъ тѣлесныхъ наказаній и этою мѣрою подготовилъ дальнѣйшіе успѣхи законодательства въ этомъ отношеніи. Кромѣ этого, Наказъ замѣчателенъ и въ отношеніи къ взгляду императрицы на значеніе судебныхъ учрежденій и вообще на дѣятельность суда. Суды, въ смыслѣ Наказа, суть учрежденія, которыя должны охранять права гражданъ. Судья долженъ былъ примѣнять законъ, но Наказъ имѣетъ ту свою особенность, что онъ отнимаетъ возможность отъ судебныхъ учрежденій право толкованія закона и формулируетъ это свое убѣжденіе тѣмъ соображеніемъ, что если судья будетъ произвольно толковать законъ, то въ такомъ случаѣ, конечно, примѣненіе закона будетъ неравномѣрно, а эта идея равномѣрнаго примѣненія закона ко всѣмъ и каждому есть одна изъ основныхъ идей Наказа. Затѣмъ наказъ высказываетъ особенный взглядъ свой на классификацію или систему преступленій и на соотвѣтствующія этой системѣ наказанія. Всѣ вообще преступленія Наказъ дѣлитъ на нѣсколько категорій: преступленія противъ главы государства и безопасности государства, преступленія противъ религіи, преступленія противъ нравовъ, выражая въ этомъ новомъ раздѣленіи свои мысли и понятія о различныхъ новыхъ видахъ преступленія, и, наконецъ, преступленія, нарушающія общественное спокойствіе, тишину и права отдѣльныхъ лицъ. Соотвѣтственно этому раздѣленію, Наказъ упоминаетъ и о различныхъ наказаніяхъ, относя ихъ такимъ образомъ, чтобы каждый разрядъ или каждая группа преступленій имѣла и свой соотвѣтствующій родъ наказанія. Наказъ былъ данъ коммиссіи для составленія новаго Уложенія. Извѣстно, что императрица учредила въ 1766 г. коммиссію для сочиненія проэкта новаго Уложенія Самъ Наказъ объясняетъ намъ причину, почему Екатерина II признала необходимость составленія новой системы законодательства, отчего она была недовольна прежнимъ законодательствомъ, и это находится въ изложеніи самаго Наказа; такъ какъ въ Наказѣ встрѣчаются иныя мысли на значеніе законодательства и на значеніе судебной дѣятельности, въ особенности въ ея примѣненіи, то эти новыя мысли и указываютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что Екатерина II, какъ глубоко

просвѣщенная, какъ знакомая съ результатами науки права, считала необходимымъ составленіе новой системы законодательства. Самый фактъ собранія коммиссіи весьма замѣчателенъ. Подобно царю Алексѣю Михайловичу, императрица созываетъ коммиссію, состоящую изъ представителей отъ всѣхъ существовавшихъ въ ея время учрежденій, бывшихъ центральными и представителей отъ всѣхъ губерній, уѣздовъ, городовъ и волостей, даже изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ имперіи, даже изъ такихъ областей, которыя не имѣли правильнаго административнаго устройства, напримѣръ, не раздѣлялись на уѣзды и города, даже отъ инородцевъ имперіи были вызваны представители. Наказъ и былъ данъ въ смыслѣ инструкціи этой коммиссіи, потому то въ немъ и высказываются новыя мысли въ отношеніи закона, вообще указываются недостатки прежней системы закона, указывается во многихъ отношеніяхъ цѣль, для которой должны быть изданы новыя правила. Коммиссія, созванная Екатериной II, не могла привести въ окончаніе, порученнаго ей дѣла и чрезъ нѣсколько времени она была распущена, но тѣмъ неменѣе, съ одной стороны, фактъ созванія коммиссіи, составленной изъ депутатовъ всѣхъ мѣстъ и сословій, много способствовалъ къ ознакомленію правительства со всѣми нуждами государства, такъ съ другой стороны, изданіе Наказа не осталось безъ значительныхъ послѣдствій, а именно: въ 1-мъ отношеніи. созванная коммисія, хотя и не могла исполнить, возложеннаго на нее порученія, принесла ту пользу государству, что ознакомила правительство съ различными мѣстными нуждами, и одинъ изъ ближайшихъ результатовъ этого ознакомленія тотчасъ же, въ скоромъ времени, выразился въ проэктѣ новыхъ губернскихъ учрежденій, въ силу котораго издано было одно изъ самыхъ замѣчательныхъ, одно изъ самыхъ знаменитыхъ постановленій императрицы Екатерины — учрежденіе о губерніяхъ. Съ другой стороны, Наказъ, хотя никогда не имѣлъ силы закона, сохраняя только значеніе руководящей инструкціи, имѣлъ весьма благія послѣдствія для послѣдующаго развитія нашего законодательства. Если въ законодательствѣ общемъ, со временемъ Екатерины II, мы увидимъ смягченіе различныхъ системъ наказа-

нія, если мы увидимъ различные успѣхи въ дѣлѣ судоустройства и судопроизводства, если мы увидимъ въ новѣйшее время окончательное раздѣленіе административной дѣятельности отъ судебной, то главнымъ и существеннымъ образомъ начало всему этому положено было Наказомъ.

Императрица Екатерина II, вводя новыя постановленія, старалась прежде всего отдѣлить часть административную отъ судебной, и хотя Учрежденіе о губерніяхъ и не достигаетъ вполнѣ этого стремленія, этой цѣли, тѣмъ не менѣе, оно представило первый шагъ къ этому осуществленію. Эти два факта указываютъ намъ и общій характеръ законодательства Екатерины II. Наказъ обрисовываетъ намъ новые теоретическіе взгляды, которые Екатерина хотѣла ввести въ наше законодательство; Учрежденіе о губерніяхъ, представляетъ намъ то, что вся дѣятельность, все преимущественное вниманіе Екатерины, II было обращено не на высшія государственныя учрежденія, подобно тому, какъ это дѣлалъ Петръ, но на второстепенныя, мѣстныя, губернскія учрежденія, которыя были оставлены Петромъ безъ значительныхъ преобразованій. То, что было для Петра на второмъ планѣ, то дѣлается для Екатерины ближайшимъ предметомъ ея вниманія и потому значительнѣе были преобразованія Екатерины въ мѣстномъ, губернскомъ управленіи. Но перемѣна въ законодательствѣ въ этомъ отношеніи указываетъ на необходимость разрѣшенія вопроса, въ какой же степени дѣятельность Екатерины коснулась высшихъ государственныхъ установленій? Если преимущественное вниманіе, сказали мы, было обращено на губернское устройство, то значитъ или высшія учрежденія остались въ томъ же видѣ, или императрица коснулась ихъ только второстепенно. По этому мы обратимся къ законодательной дѣятельности Екатерины, на сколько она коснулась сначала высшихъ установленій, а потомъ разсмотримъ ея дѣятельность въ отношеніи губернскаго управленія. Мы уже знаемъ, что Петръ и нѣкоторые изъ его преемниковъ, какъ напр., Елизавета и Анна Іоанновна во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ обращались, преимущественно, къ Сенату, смотря на него, какъ на общее, высшее государственное учрежденіе и какъ на органъ, чрезъ посредство котораго

они производили свои преобразованія. Но, отношеніе Екатерины II къ Сенату было совершенно иное: Екатерина рѣдко обращается къ дѣятельности Сената во всѣхъ своихъ преобразованіяхъ; она, напротивъ, считаетъ устройство Сената не вполнѣ удовлетворительнымъ и именно она выражаетъ, что Сенатъ излишне обремененъ различными дѣлами государственнаго преобразованія, она однако же большею частью обращается въ своихъ значительныхъ реформахъ не къ этому высшему учрежденію, сохраняя однако же его права и значеніе, а къ отдѣльнымъ лицамъ. Нѣкоторые изъ указовъ Екатерины показываютъ даже ея неудовольствіе въ дѣятельности Сената. «Сенатъ», говоритъ она въ одномъ указѣ: «установленъ для исполненія законовъ, ему предписанныхъ, а онъ даже самъ выдаетъ указы, какъ законы, раздаетъ чины и достоинства, жалуетъ земли и различныя недвижимыя имущества, утѣсняетъ прочія судебныя мѣста въ ихъ законныхъ преимуществахъ». Такимъ образомъ, Екатерина высказывается въ этихъ выраженіяхъ противъ преобладающаго значенія Сената. Въ другомъ мѣстѣ императрица говоритъ, что нетолько Сенатъ, но и прочія учрежденія, разумѣя подъ этимъ коллегіи, вышли изъ своихъ предѣловъ, назначенныхъ закономъ и регламентами и она желаетъ снова возвратить каждое учрежденіе въ предѣлы дѣятельности, установленные имъ закономъ. Вообще, въ Сенатѣ видѣла Екатерина учрежденіе, несоотвѣтствовавшее съ ея видами и она дѣятельно принялась за реформу, сначала въ среднихъ или губернскихъ учрежденіяхъ. Есть однако же свѣдѣнія, что она хотѣла преобразовать и самое устройство и значеніе Сената. Она думала о составленіи новаго Наказа или новаго Положенія для этого высшаго учрежденія, но видно, что губернское устройство занимало ее болѣе. Не смотря однакоже на это, неприступая къ преобразованію Сената, она заботилась о раздѣленіи дѣлъ въ Сенатѣ сообразно съ ея видами, Такъ сенатъ раздѣленъ при ней на 6 департаментовъ и каждому изъ нихъ опредѣленъ соотвѣтствующій родъ занятія. Самыя же дѣла, однако, были распредѣлены неравномѣрно между департаментами въ томъ смыслѣ, что 1-му департаменту отнесены были всѣ важнѣйшія дѣла государственнаго управленія.

При этомъ департаментѣ назначено быть генералъ-прокурору. 1-й департаментъ является, такимъ образомъ, частію учрежденія Сената, выдающеюся, по своему значенію далеко впередъ передъ прочими департаментами, а слѣдовательно всѣ важнѣйшія государственныя дѣла — дѣла финансовыя, дѣла о дворянствѣ, сношенія съ Сѵнодомъ, дѣла иностранныя, дѣла по откупамъ и промысламъ; казенныя дѣла, по конфискаціи имущества, по ревизіи, по монетному управленію, по горному промыслу и различныя другія, въ томъ числѣ и дѣла по составленію новаго уложенія отнесены къ вѣдомству 1-го департамента. Прочіе департаменты получаютъ значеніе менѣе важное. 3-й департаментъ имѣлъ дѣло по управленію малороссійскихъ, остъ-зейскихъ провинцій и другихъ областей. 2-й департаментъ завѣдывалъ дѣлами судебными и межевыми; въ 4-мъ департаментѣ сосредоточивались дѣла военнаго вѣдомства; въ 5-мъ и 6-мъ департаментахъ, находившихся въ Москвѣ, вѣдались дѣла административныя и судебныя касательно внутреннихъ губерній, около Москвы лежащихъ. Разсматривая это распредѣленіе важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ, нельзя не замѣтить въ этомъ распредѣленіи только первоначальную попытку устроить болѣе правильное вѣдомство Сената. Распредѣленіе, очевидно, неравномѣрно, 1-й департаментъ имѣетъ значеніе первенствующаго, прочіе департаменты также неравномѣрны. Очевидно, что императрица не видѣла, куда-бы отдать вѣдомство этихъ дѣлъ; вслѣдствіе этой неопредѣленности и образовались министерства; это распредѣленіе указываетъ намъ, что нѣкоторыя важныя отрасли дѣлъ не имѣли еще своего особеннаго спеціальнаго учрежденія, затѣмъ, порученіе 4 департаменту дѣлъ воинскихъ прямо, указываетъ на обремененіе сената завѣдываніемъ такихъ дѣлъ, которыя совершенно несвойственны его назначенію. Совокупность разнородныхъ дѣлъ въ московскихъ департаментахъ въ 5 и 6 указываетъ также намъ, что это распредѣленіе, первоначальная попытка, первоначальный исходъ изъ затруднительнаго дѣла устроить управленіе; все это послѣдовало въ 1763 г.

Но изъ этого не полнаго распредѣленія произошло то, что изъ настоящаго значенія Сената удержали это значеніе толь-

1-й и 2-й департаменты 3-й и 4-й получили значеніе какого-то высшаго сосредоточенія для переписки и сношеній съ различными другими учрежденіями, такъ какъ каждая изъ этихъ отраслей дѣлъ имѣла подчиненное сенату, установленіе. Такъ дѣла народнаго просвѣщенія были поручены одному лицу — Бецкому, полиція была поручена генералъ-полиціймейстеру, воинская и адмиралтейская коллегіи сдѣлались независимыми отъ сената, такъ какъ онъ, небудучи спеціальнымъ учрежденіемъ, не могъ ничего сдѣлать для управленія ими. Вообще же всѣ эти высшія учрежденія при всей разнородности были сгруппированы и подчинены департаментамъ Сената. Затѣмъ Екатерина была недовольна дѣятельностью Сената и въ нѣкоторыхъ проявленіяхъ его не на основаніи закона. Поэтому она обходитъ Сенатъ во всѣхъ своихъ важнѣйшихъ нововведеніяхъ, во всѣхъ попыткахъ административныхъ и судебныхъ, въ вопросѣ законодательномъ; проэкты важнѣйшихъ реформъ минуютъ сенатъ. Екатерина поручаетъ составить проэкты отдѣльнымъ лицамъ. Такъ, напр., проэктъ учрежденія о горной разработкѣ былъ назначенъ особенной коммисіи, а не Сенату. Затѣмъ было предоставлено коммисіи разсмотрѣніе акта императора Петра о преимуществахъ россійскаго дворянства, съ цѣлью болѣе точнаго составленія правилъ этого акта и вообще составленія его въ подробной редакціи. Реформа таможенная также минуетъ Сенатъ. Екатерина поручаетъ составленіе проэкта этого преобразованія гр. Миниху. Подобно Петру Екатерина, поручая составленіе проэкта преобразованія даетъ каждому лицу подробныя инструкціи. Самые пріемы Петра въ составленіи инструкціи отражаются и въ дѣйствіяхъ Екатерины II. Въ этомъ отношеніи совершенно справедливо сравнивать законодательство Екатерины съ общимъ духомъ законодательства Петра. Реформы по части торговли поручены также особенной коммиссіи, составленной изъ Шаховскаго, Миниха и другихъ лицъ и этой коммисіи дается также инструкція. Такимъ образомъ Екатерина нашла себѣ для выполненія важнѣйшихъ своихъ преобразованій лицъ, обходя Сенатъ. Слѣдовательно дѣятельность Сената въ это царствованіе представляется незначительною. Съ другой стороны Екатерина, не приступая

къ всецѣлому преобразованію государственныхъ учрежденій образуетъ однако же нѣкоторыя отдѣльныя новыя установленія. Такъ учреждено въ царствованіе Екатерины коллегія экономіи, канцелярія для управленія иностранными колоніями, послѣдній предметъ возбуждалъ особенное вниманіе Екатерины. Извѣстно, что къ ея времени относится первое поселеніе въ нашихъ южныхъ окраинахъ иностранцевъ. И устройство колоніальнаго управленія не коснулось сената. Екатерина преобразовала однако же значеніе нѣкоторыхъ коллегій. Въ этомъ отношеніи также замѣчателенъ взглядъ Екатерины; касательно коллегій, взглядъ ея расходился со взглядомъ Петра. Петръ, какъ мы видѣли, построилъ всю систему управленія на коллегіальномъ началѣ. Онъ былъ приверженецъ этого начала, хотя опытъ указалъ ему въ продолженіи его царствованія, что оно невсегда примѣнимо съ пользою; Екатерина съ недовѣріемъ относится къ коллегіальному началу; это выразилось въ томъ что Екатерина поручаетъ высшую власть надъ нѣкоторыми коллегіями, особенно довѣреннымъ ей лицамъ. Такъ камеръ-коллегія поручена высшему управленію Куракина и пр. Всѣ эти дѣйствія подготовили реформы въ высшемъ государственномъ управленіи. Это произошло впослѣдствіи, а именно образованіе министерствъ. Эта система порученія важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ не коллегіямъ, а отдѣльнымъ лицамъ была примѣняема Екатериной во все время ея царствованія. Исключеніе, въ этомъ отношеніи, составляетъ только коммиссія, которая была созвана для составленія новаго Улож. Но, здѣсь была и иная цѣль; она хочетъ призвать къ участію въ этомъ общемъ государственномъ дѣлѣ всѣ сословія. Такимъ образомъ, выражалась и направлялась дѣятельность императрицы по отношенію къ высшему государственному управленію. Мы видимъ, что многія изъ петровскихъ учрежденій оставлены Екатериной; коллегіи остаются по прежнему, нѣкоторыя учрежденія снова являются по прежнему; есть надъ этими учрежденіями непосредственно довѣренныя лица, которымъ Екатерина довѣряетъ болѣе, нежели спеціальнымъ учрежденіямъ. Съ большею энергіей и съ большимъ значенія емъ выразилась дѣятельность Екатерины въ учрежденіи о гу-

губерніяхъ. Задолго еще до учрежденія о губерніяхъ, а именно въ 1764 г. появляется въ 1-й разъ наставленіе, гдѣ Екатерина высказываетъ общія свои воззрѣнія, общія руководящія начала, которыя получаютъ развитіе въ постановленіи о губерніяхъ. Она говоритъ, что цѣлое въ своемъ общемъ составѣ никогда не можетъ быть крѣпко, если отдѣльные его части не будутъ въ исправности и это намъ объясняетъ, почему Екатерина приступила сначала къ преобразованіямъ частей т. е. губерній. Общій смыслъ инструкціи 1764 г. таковъ по отношенію къ значенію губернаторской должности, какъ и можно было это ожидать по взгляду на коллегіальное начало; мы видѣли, что Екатерина довѣряла болѣе отдѣльнымъ лицамъ чѣмъ коллегіямъ. Отсюда слѣдуетъ новое положеніе. Екатерина говоритъ, что необходимо отнять право коллегій штрафовать губернаторовъ и подчиняетъ ихъ прямо Сенату.

LXI ЛЕКЦІЯ.

Учрежденіе о губерніяхъ издано Екатериной II [1]). Прежде всего нужно остановиться на значеніе должности намѣстника— высшаго должностнаго лица, подъ вѣдомствомъ котораго были поставлены губернаторы. Съ полнымъ довѣріемъ къ губернской должности губернатора, Екатерина признавала однако же необходимымъ установленіе высшаго должностнаго лица, блюстителя верховныхъ цѣлей и этимъ опредѣляется значеніе генералъ-губернаторской должности. Если Екатерина желала поставить губернаторовъ въ довольно самостоятельное положеніе отъ коллегій и сената, то тѣмъ болѣе подобное значеніе она хотѣла придать этимъ высшимъ, начальствующимъ лицамъ надъ самими губернаторами. Однако же это двойственное учрежденіе губернскихъ начальниковъ могло возбудить нѣкоторое замѣдленіе въ отправленіи административномъ въ томъ, что одно и то же дѣло должно было переходить чрезъ 2 инстанціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно лишало губернатора, какъ непосредственнаго должностнаго лица, въ управленіи губерніею, возможности непосредственнаго разрѣшенія обыкновенныхъ текущихъ административныхъ вопросовъ. Екатерина

[1]) 1775, Ноября 7.

весьма ясно сознавала это положеніе и потому въ учрежденія о губерніяхъ она опредѣляетъ, что намѣстникъ не входитъ въ непосредственное управленіе обыкновенныхъ дѣлъ, но разрѣшаетъ только дѣла, выходящія изъ круга обыкновенныхъ. Такимъ образомъ, цѣль контроля, и вмѣстѣ съ тѣмъ, цѣль возможно большаго объединенія различныхъ правительственныхъ мѣръ и распоряженій, вызвала необходимость учрежденіе подобнаго должностнаго лица. Затѣмъ, другая существенная перемѣна является ввидѣ уменьшенія объема губерній. Число губерній увеличено противъ прежняго петровскаго: вмѣсто 15 губерній, которыя существовали при началѣ царствованія Екатерины II, она увеличиваетъ это число до 40 [1]). Это уменьшеніе объема губерній имѣло цѣлью сближеніе управленія съ непосредственнымъ завѣдываніемъ дѣлами мѣстныхъ потребностей и дало возможность губерніямъ и мѣстнымъ учрежденіямъ съ большою пользою сосредоточить свою дѣятельность и такимъ образомъ улучшить административное устройство. Въ каждой губерніи, затѣмъ, увеличено число учрежденій противъ прежняго, между которыми распредѣлены различныя дѣла по своей спеціальности, отдѣлены дѣла административныя отъ судебныхъ. Это важное отдѣленіе совершилось устройствомъ палатъ гражданскаго и уголовнаго суда; административныя дѣла сосредоточились въ губернскомъ правленіи. Тѣ и другія учрежденія, хотя устроены на основаніи коллегіальнаго начала, однако же постановлены подъ контроль личной власти губернатора. Всѣ эти учрежденія поставлены подъ надзоръ личныхъ властей — прокуроровъ и губернаторовъ. Ни прокуроръ, ни губернаторъ не вмѣшивается въ дѣятельность этихъ учрежденій, однакоже, ни одно дѣло, ни одно постановленіе и рѣшеніе не можетъ быть приведено въ дѣло, пока ихъ не просмотритъ прокуроръ или губернаторъ, и этимъ лицамъ дано повеленіе останавливать такія постановленія, которыя они не считаютъ правильными и совмѣстными съ закономъ. За всѣмъ порядкомъ долженъ былъ наблюдать намѣстникъ или генералъ-губернаторъ. Сущность этого наблюденія или контроль касается наблюденія за исполненіемъ законовъ. Намѣстникъ или гене-

[1]) Съ 1781 г. 13 Іюня.

неральъ-губернаторъ долженъ былъ въ особенности имѣть наблюденіе о томъ, чтобы ни одно изъ учрежденій не выходило изъ круга обязанностей, опредѣленныхъ ему законовъ. Здѣсь мы видимъ достиженіе того, что вызвало неудовольствіе Екатерины въ отношеніи Сената. Вмѣстѣ съ тѣмъ, генералъ-губернаторъ, по смыслу законовъ Екатерины, оберегатель и охранитель пользы государственной, онъ есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, ходатай за всѣхъ притесненныхъ и угнетенныхъ противозаконно, онъ есть возбудитель безгласныхъ дѣлъ, т. е. такихъ, по которымъ нѣтъ истца. Въ этомъ смыслѣ общее значеніе новой этой должности весьма высоко: хранитель пользы государственной, хранитель частныхъ лицъ, высокопоставленное лицо, къ которому прибѣгаетъ каждый притѣсненный — имѣетъ общее значеніе оберегать законъ, наблюдать за исполненіемъ законовъ. Затѣмъ, кромѣ этихъ общихъ значеній и обязанностей на намѣстника возложены обязанности заботиться о внутреннемъ благоустройствѣ, о прекращеніи всего вреднаго, о мѣрахъ для пресѣченія безмѣрной и раззорительной роскоши, о прекращеніи различныхъ другихъ злоупотребленій тиранства, жестокости въ отношеніи напримѣръ помѣщиковъ къ крестьянамъ, наблюденіе за тѣмъ, чтобы не было злоупотребленій со стороны всѣхъ вообще должностныхъ лицъ. Имѣя обширную власть, намѣстникъ, по мысли Екатерины, не долженъ однакоже парализировать дѣятельность ни одного изъ учрежденій: онъ не долженъ вмѣшиваться въ кругъ дѣлъ, предоставленныхъ тому или другому учрежденію, тому или другому должностному лицу. Онъ есть, по выраженію закона Екатерины, хозяинъ губерніи, радѣющій объ ея общей пользѣ, но не судья. Онъ можетъ остановить несправедливое рѣшеніе суда, можетъ донести Сенату. Непосредственно, намѣстникъ подчиненъ не Сенату, а верховной власти. Здѣсь опять видно недовѣріе къ сенату, какъ высшему учрежденію. Намѣстникъ долженъ заботиться объ увеличеніи народнаго хозяйства; онъ долженъ принимать мѣры въ случаѣ голода, повальной болѣзни, онъ долженъ въ пограничныхъ губерніяхъ принимать предосторожности отъ сосѣднихъ государствъ, вслучаѣ нужды долженъ принимать военныя мѣры для возстановленія порядка.

*

Однимъ словомъ, высшую степень власти для благоустройства порядка и исполненія законовъ. Екатерина не рѣшалась ввѣрить обыкновеннымъ губернаторамъ, а ввѣрила ее намѣстнику. Общій смыслъ учрежденія этой власти таковъ, что она имѣетъ охранительный характеръ: она назначена не для управленія краемъ, а для охраненія закона, властей, общественнаго порядка, общественнаго благосостоянія. За намѣстникомъ слѣдуетъ губернаторъ. Онъ поставленъ въ совершенно иное значеніе закономъ Екатерины II, нежели какое онъ имѣлъ прежде, до этого времени. До этого времени на, основаніи петровскихъ законовъ въ послѣдующія царствованія губернаторъ совмѣщалъ въ себѣ должности разнородныхъ свойствъ административныхъ, финансовую, судебную, полицейскую, онъ былъ занятъ наконецъ, непосредственнымъ общимъ управленіемъ губерніи, разрѣшеніемъ ежедневно встрѣчающихся случаевъ въ обыкновенномъ административномъ порядкѣ. Такое положеніе отнимало у него возможность общихъ взглядовъ о нуждахъ края. Онъ не имѣлъ времени ни для объѣзда губерніи, ни для общихъ соображеній по части административнаго управленія. Екатерина поняла это. Она дѣлаетъ преобразованіе въ этой должности: оставляетъ губернаторамъ только надзоръ за рѣшеніемъ судебныхъ мѣстъ; но и въ этомъ отношеніи ставя ему въ помощь губернскаго прокурора. Затѣмъ, второе существенное улучшеніе заключается въ томъ, что при губернаторѣ вмѣсто прежней безотвѣтственной канцеляріи губернатора, учреждено губернское правленіе. Существенное различіе слѣдующее: до Екатерины губернаторъ отвѣчалъ и за важное и за обыкновенное дѣло. Такія упущенія, которыя были сдѣланы его губернской канцеляріей, нисколько не касались самихъ лицъ виновныхъ: отвѣтственность падала на губернатора, Екатерина учредила губернское правленіе. Оно, въ смыслѣ учрежденія коллегіальнаго, должно было отправлять всѣ обыкновенныя текущія дѣла, губернатору же предоставлялось право присутствовать въ немъ, когда онъ можетъ, но присутствіе его непоставлено въ непремѣнную его обязанность. Всѣ дѣла хозяйственнаго управленія возложены, такимъ образомъ, на эту, вновь учрежденную, коллегію. Съ этой коллегіи можно было

взыскивать; вмѣстѣ съ тѣмъ, это было учрежденіе, которое значительно облегчало губернскую дѣятельность губернатора въ обыкновенныхъ случаяхъ. Положеніе этого учрежденія было уподоблено Сенату, по отношенію къ цѣлой имперіи. Подобно тому какъ Сенатъ объявлялъ новые законы, такъ и здѣсь обнародовались новые законы. Всѣ чисто административныя и полицейскія учрежденія были поставлены въ зависимость губернскаго правленія. Затѣмъ, часть финансовая отдѣлена въ особенное учрежденіе—казенную палату, въ смыслѣ также коллегіи, но занятой исключительно, спеціально финансовымъ дѣломъ. Кромѣ этихъ 2-хъ новыхъ учрежденій, учреждены были палаты гражданскаго и уголовнаго суда, получившія значеніе вторыхъ судебныхъ инстанцій. Отъ нихъ зависѣли уѣздные суды и магистраты въ смыслѣ нисшихъ судебныхъ истанцій. Подобнымъ образомъ казенныя палаты были поставлены въ непосредственную зависимость отъ тѣхъ коллегій, которыя завѣдывали дѣлами финансовыми, т. е. каммеръ-коллегіи и ревизіонъ-коллегіи. Въ учрежденіи о губерніяхъ была принята общая и однообразная система учрежденій во всѣхъ мѣстностяхъ. Это однообразіе заключалось въ слѣдующемъ: губерніи раздѣлены на уѣзды, уѣзды подраздѣлены на станы и волости; города изъяты отъ общаго уѣзднаго управленія; они имѣютъ свои городскія учрежденія и затѣмъ, какъ городскія учрежденія, такъ и уѣздныя подчинены спеціальнымъ губернскимъ учрежденіямъ. Кромѣ учрежденій губернскихъ въ учрежденіяхъ уѣздныхъ была принята подобная же система, сходная съ учрежденіями губернскихъ, а именно, то значеніе, которое имѣлъ губернаторъ, получилъ такъ называемый исправникъ, подобно тому, какъ при губернаторѣ было учреждено коллегіальное учрежденіе въ значеніи губернскаго правленія, подобно тому, при исправникѣ былъ учрежденъ земскій судъ изъ исправника и 2 засѣтелей. Сословное начало однако же удержалось и при устройствѣ различныхъ новыхъ мѣстъ въ губерніи: такъ по прежнему удержано то начало, что для дворянства долженъ быть особый судъ, для городскихъ обывателей тоже свой особый судъ. Во многихъ, изъ вновь учрежденныхъ установленій Екатерины, было удержано выборное начало. Такъ, нетолько въ нисшихъ уѣзд-

ныхъ и городскихъ учрежденіяхъ, дворянство, городскіе и сельскіе обыватели выбирали изъ среды себя членовъ, въ качествѣ засѣдателей, но и въ среднихъ, то есть губернскихъ учрежденіяхъ являются также дворянскіе засѣдатели и городскіе засѣдатели. Установленіе этихъ выборныхъ должностныхъ лицъ образовало, со временъ Екатерины II, даже особый порядокъ службы— именно: службу по выборамъ, въ различіе отъ службы коронной или службы отъ правительства. Это новое учрежденіе о губерніяхъ имѣло своимъ послѣдствіемъ, какъ съ одной стороны болѣе правильное административное и судебное раздѣленіе губерній, такъ съ другой стороны оно отозвалось и на устройствѣ коллегій. Какъ только началось вводиться учрежденіе о губерніяхъ, такъ коллегіи одна за другой начали уничтожаться. Этотъ фактъ замѣчателенъ потому, что онъ указываетъ соотвѣтствіе этого новаго преобразованія съ самымъ устройствомъ коллегій. Въ самомъ дѣлѣ, уничтоживъ коллегіи въ самомъ центрѣ государства, пораздробленіи ихъ на части и перенося ихъ въ губернскія города, Екатеринѣ слѣдовало или уничтожить коллегіи, или не вводить новыхъ. По учрежденіи губернскихъ коллегій представлялось Екатеринѣ излишнимъ напротивъ, существованіе коллегій въ смыслѣ центральныхъ; притомъ дѣятельность Сената была уже подраздѣлена по различнымъ департаментамъ. Многія изъ дѣлъ были переданы въ завѣдываніе отдѣльныхъ лицъ; существованіе коллегій, слѣдовательно, было излишне, и вотъ онѣ одна за другой уничтожаются. Въ 1785 г. т. е. чрезъ 10 лѣтъ послѣ введенія учрежденія о губерніяхъ, Екатерина сама высказываетъ намѣреніе закрыть всѣ ненужныя теперь коллегіи и затѣмъ въ 1786 г. уничтожена коллегія экономіи, въ слѣдъ за тѣмъ сокращены штаты ревизіонъ-коллегіи; каммеръ-коллегіи предписано было скорѣйшее окончаніе дѣлъ для будущаго закрытія. Затѣмъ, уничтожены вотчинная коллегія, юстицъ-коллегія и нѣкоторыя изъ другихъ коллегій. Вмѣсто уничтоженныхъ коллегій оставлены или прежнія довѣренныя лица въ качествѣ министровъ, хотя и безъ этого названія, или дѣла этихъ коллегій отнесены къ непосредственному вѣдомству Сената. Казалось бы, что чрезъ подобное уничтоженіе коллегій, значеніе Сената должно было бы

подняться и усилиться, но напротивъ того, личное начало преобладало при Екатеринѣ и важнѣйшія изъ дѣлъ, современнаго управленія, оставались въ завѣдываніи отдѣльныхъ лицъ во все время ея царствованія. Законодательство императрицы отличается стремленіемъ систематизаціи или правильнаго разграниченія предметовъ управленія по всѣмъ вѣдомствамъ. Не всегда это стремленіе достигало своихъ полныхъ успѣховъ, какъ это мы видѣли на Сенатѣ, но затѣмъ въ учрежденіи низшихъ губернскихъ и городскихъ учрежденій оно установлено существеннымъ и непремѣннымъ условіемъ. Нельзя сказать, конечно, чтобы учрежденіе о губерніяхъ вполнѣ достигало стройнаго раздѣленія административной и судебной дѣятельности. Для того, чтобы сознавать, что учрежденіе о губерніяхъ имѣло ввиду это отдѣленіе, а съ другой стороны, что оно не было исполнено въ самыхъ любимыхъ учрежденіяхъ императрицы, для этого достаточно указать на губернское правленіе. Оно управляло нетолько дѣлами губернскими, но и производило судъ, хотя и уголовн. и гражданск. палаты производили судъ но въ дѣлахъ, такъ называемыхъ, судебно-полицейскихъ, опредѣляло взысканія за проступки по государственной службѣ, по нѣкоторымъ другимъ различнымъ вѣдомствамъ, напримѣръ, по кормчеству, за нарушеніе правилъ лѣсного хозяйства, слѣдовательно, не исполняло въ точности своего назначенія административнаго. Наконецъ, нѣкоторыя изъ судебныхъ учрежденій имѣли и власть административную. Такъ магистраты, хотя по учрежденію о губерніяхъ должны имѣть, по преимуществу, судебное значеніе, однако же зависѣло отъ количества жителей, будетъ ли магистратъ имѣть учрежденіе чисто судебное или чисто административное. Именно въ большихъ городахъ было предположено [1]) учредить городскія думы для дѣлъ административныхъ, а магистраты оставить для дѣлъ судебныхъ, въ небольшихъ же городахъ онъ долженъ былъ отправлять и дѣла судебныя, и дѣла хозяйственныя. Затѣмъ, установивъ новыя учрежденія губернскія Екатерина, подобно Петру Великому, поставила ихъ подъ прокурорскій надзоръ. Онъ усиленъ въ особенности въ губерн-

[1]) Съ 1785 г.

скихъ учрежденіяхъ. Въ каждой губерніи учреждены особые губернскіе прокуроры и поставлены въ самостоятельное положеніе отъ губернаторовъ. Они одни только, изъ всѣхъ должностныхъ лицъ и губернскихъ учрежденій, поставлены были въ независимое положеніе отъ губернаторской власти. Это было признано необходимымъ для того, чтобы онъ могъ контролировать правильность не только судебныхъ, но и административныхъ учрежденій. Въ сущности это не было нововведеніе: это было переименованіе фискальнаго учрежденія, существовавшаго при Петрѣ. Это былъ блюститель закона и лицо, имѣвшее право нетолько донесенія, но и право протеста, при постановленіи всякаго присутственнаго мѣста, которое несогласно съ закономъ. Такимъ образомъ, то, что жежалъ Петръ установить въ смыслѣ контроля и установилъ какъ бы на половину, то было довершено Екатериной въ полномъ значеніи этого слова. Петровскій фискалъ не могъ остановить постановленій губернатора, а тѣмъ болѣе какого нибудь учрежденія, а екатерининскій прокуроръ имѣлъ на то право. Такимъ образомъ, всякія распоряженія посылаются прокурору и только тогда приводятся въ исполненіе, когда прокуроръ признаетъ ихъ законными. Екатерина пошла еще далѣе. Она учреждаетъ прокуроровъ въ низшихъ учрежденіяхъ подъ названіемъ уѣздныхъ стряпчихъ, а иногда городскихъ стряпчихъ. Это тѣ же самые прокуроры; безъ ихъ одобренія, безъ ихъ пропуска никто не имѣетъ права сдѣлать распоряженіе. Они поставлены также въ независимость отъ уѣздныхъ властей, какъ и прокуроры, а для того, чтобы придать болѣе силы этому прокурорскому надзору, поставлена прямая зависимость уѣздныхъ стряпчихъ отъ прокуроровъ. Такимъ образомъ установилась, начиная съ Петра, но приведенная въ полное осуществленіе Екатериною, цѣлая система правильнаго прокурорскаго надзора — нисшую степень представляютъ стряпчіе, потомъ слѣдуютъ прокуроры, а высшую степень занимаетъ генералъ-прокуроръ. Каждый департаментъ Сената поставленъ также подъ прокурорскій надзоръ. При каждомъ департаментѣ находился оберъ-прокуроръ. Но и этимъ Екатерина не удовольствовалась — она довершаетъ требовані-

емъ, чтобы губернаторы и намѣстники чаще объѣзжали свои губерніи, давали отчеты объ нихъ Екатеринѣ и предлагали тѣ мѣры, которыя они считаютъ необходимыми для дальнѣйшихъ успѣховъ управленія.

LXII ЛЕКЦІЯ.

Въ прошедшій разъ выясняли мы общее значеніе Наказа Екатерины II и учрежденіе о губерніяхъ. Разсматривая это учрежденіе въ нѣкоторыхъ его составныхъ частяхъ, мы опредѣлили значеніе должностей намѣстника или генералъ-губернатора. Обратимся теперь къ подробному изслѣдованію значенія прочихъ установленій, заключающихся въ учрежденіи о губерніяхъ: мы будемъ разсматривать значеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ именно потому, что теперь уже ясно изъ предъидущаго изложенія, что дѣятельность императрицы Екатерины II преимущественно была сосредоточена на учрежденіяхъ губернскихъ. Предположенія, высказанныя въ Наказѣ, касательно общихъ реформъ въ цѣлой системѣ законодательства не осуществились въ ея царствованіе. Реформы въ отношеніи уголовнаго и гражданскаго законодательства остались на второмъ планѣ. На первомъ планѣ, дѣятельность законодательная выразилась въ различныхъ отрасляхъ государственнаго устройства и по преимуществу въ губернскихъ учрежденіяхъ. Все это указываетъ на необходимость разсмотрѣнія каждаго изъ учрежденій Екатарины II въ отдѣльности. Останавливаясь, прежде всего, на опредѣленіи должности губернатора, какъ ближайшаго управителя губерніи, вникнемъ въ то значеніе, какое придалъ законъ Екатерины II этому должностному званію. Общій характеръ учрежденія о губернаторахъ, въ отношеніи къ должности этого лица, заключается въ томъ, что императрица хотѣла централизировать и соединить въ этой должности всѣ существенныя и главнѣйшія части мѣстнаго или губернскаго управленія, соединить ихъ въ смыслѣ дѣятельнаго завѣдыванія и управленія этими разнородными дѣлами. Держась общей идеи по возможности отдѣлить административную дѣятельность отъ судебной Екатерина II, однакоже, въ видѣ отступленія отъ этой общей идеи сосредоточиваетъ въ губернаторѣ

не только всѣ вѣтви административной дѣятельности, но и даетъ губернаторамъ извѣстную долю власти и въ дѣлахъ судебныхъ. Всѣ вообще дѣла, предоставленныя Екатериною II губернатору, могутъ быть раздѣлены на дѣла правительственныя, дѣла полицейскія, дѣла финансовыя и, наконецъ, дѣла судебныя. Самое распредѣленіе этихъ дѣлъ указываетъ, что мысль полнаго отдѣленія администраціи отъ суда не достигнута учрежденіемъ о губерніяхъ. Изъ этихъ четырехъ разрядовъ дѣлъ: правительственныхъ, полицейскихъ, финансовыхъ и судебныхъ, дѣла первыхъ трехъ категорій болѣе сосредоточены въ должности губернатора, нежели дѣла послѣдней. Въ отношеніи къ дѣламъ судебнымъ губернатору предоставлено извѣстное право власти рѣшенія дѣлъ судебныхъ и кромѣ того ему предоставлено право непосредственнаго участія въ дѣлахъ по подачѣ мнѣній, право приговора и непосредственное разсмотрѣніе такихъ дѣлъ судебныхъ, которыя имѣютъ отношеніе къ казенному вѣдомству; слѣдовательно въ меньшей степени въ дѣлахъ судебныхъ, нежели въ дѣлахъ правительственныхъ, полицейскихъ и финансовыхъ. Затѣмъ, что касается до дѣлъ правительственныхъ, то на губернатора возложено не только управленіе губерніей въ обыкновенныхъ текущихъ дѣлахъ на основаніи закона и особыхъ инструкцій, которыя могутъ быть ему даны, какъ отъ верховной власти, такъ и отъ высшаго государственнаго учрежденія и наконецъ отъ генералъ-губернатора, вмѣстѣ съ тѣмъ, на губернатора возложена обязанность принимать непосредственное участіе въ распоряженіяхъ административныхъ при безпорядкѣ, въ случаѣ повальной болѣзни, наводненія, пожара—губернатору дана власть принимать чрезвычайныя мѣры, хотя бы они превышали обыкновенную степень власти, опредѣленную закономъ, съ тою только особенностью, что въ подобныхъ случаяхъ губернаторъ долженъ доносить о тѣхъ причинахъ, которыя поставили его въ необходимость принять какія либо подобныя распоряженія. Губернатору предоставлено не только наблюденіе за всѣми присутственными мѣстами и должностными лицами губерніи, чтобъ каждое изъ этихъ учрежденій отправляло свою обязанность по закону, но имъ предоставлено и весьма важное право

ходатайствовать о необходимости открытія новыхъ присутственныхъ мѣстъ и о необходимости нѣкоторыхъ измѣненій въ устройствѣ существующихъ. Этотъ законъ важенъ въ томъ отношеніи, что онъ указываетъ, что Екатерина II не смотрѣла на учрежденіе губерній, какъ на дѣло, совершенно законченное или какъ на установленіе въ такой степени образцовое, чтобы въ отношеніи къ нему не могло встрѣтиться дальнѣйшаго какого либо измѣненія. Затѣмъ, учрежденіе о губерніяхъ возлагаетъ обязанность на губернатора наблюдать не только за дѣятельностью учрежденій, установленныхъ въ губерніи, но и за дѣятельностью тѣхъ сословныхъ органовъ, которые были установлены Екатериною II. Она дала новое устройство дворянству и городскому сословію. Жалованная грамота дворянству и городовое положеніе [1]) данное городамъ, опредѣлило и увеличило, въ значительной степени, сословные органы дворянство получило право имѣть свои собранія губернскія и уѣздныя; городское общество получило подобное же право въ отношеніи къ сословіямъ изъ которыхъ оно состояло. Но надзоръ за тѣмъ, чтобы какъ дворянскія собранія, такъ и городскія занимались обсужденіемъ только дѣлъ, предоставленныхъ по закону, самое открытіе и закрытіе этихъ собраній предоставлено непосредственной власти губернатора. Какъ начальнику губерній ему вмѣнено въ обязанность имѣть наблюденіе затѣмъ, чтобы эти новыя корпораціи сообразовали свою дѣятельность съ видами правительства. Затѣмъ, къ правительственнымъ же обязанностямъ губернатора, какъ начальника губерніи, нужно отнести то, что губернатору предоставлено право, въ случаѣ замѣченныхъ имъ упущеній или нарушеній закона со стороны какихъ бы то нибыло присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ дѣлать распоряженія о преданіи суду виновныхъ. Судебная власть была дана губернатору въ значительной степени, но не въ смыслѣ, чтобы они могли сами судить подчиненныхъ и зависящихъ отъ нихъ лицъ: губернаторъ имѣлъ право предать суду, но самъ непосредственнаго участія въ судѣ не имѣлъ. Губернаторамъ возложено въ обязанность производить ревизію въ губерніяхъ, объ-

[1]) 1785, 21 Апр.

ѣзжать губернію, изслѣдовать на мѣстѣ различныя жалобы со стороны жителей, обращать вниманіе при объѣздѣ губерніи на различныя экономическія, промышленныя нужды края и на основаніи личнаго усмотрѣнія, дѣлать зависящія отъ него распоряженія. Уже одна эта обязанность, возложенная на губернатора, дѣлала необходимымъ существованіе того учрежденія, которое, какъ мы видѣли, подъ именемъ губернскаго правленія сосредоточило въ себѣ обыкновенныя дѣла управленія, предоставляя губернатору соображенія высшія. Это же самое соображеніе, что во власти губернатора сосредоточены всевозможныя дѣла управленія губерніею, можетъ быть дѣйствительно обременительно, эта мысль побудила къ установленію особой должности вице-губернатора съ правомъ замѣны власти губернатора во время его отсутствія, объѣзда губерніи или во время болѣзни, или при смѣнѣ до назначенія новаго начальника губерніи. Затѣмъ, особый родъ дѣлъ, возложенный на губернатора, составляли дѣла полицейскія, и учрежденіемъ 1775 года губернатору придано значеніе главнаго начальника всѣхъ полицейскихъ органовъ, устроенныхъ для доставленія жителямъ благосостоянія и безопасности. Онъ есть лицо отвѣтственное передъ высшимъ правительствомъ въ отношеніи порядка, тишины, спокойствія, благосостоянія и безопасности, поэтому ему вмѣнено въ обязанность нетолько общее примѣненіе существующихъ законовъ, но и изысканіе средства для еще большаго упроченія благосостоянія и безопасности края. Впослѣдствіе времени, въ отношеніи къ этому предмету губернаторамъ постоянно выдавались особыя инструкціи для руководства въ этомъ родѣ полицейской дѣятельности. Замѣчательно, что императрица Екатерина II въ видѣ обязанности возлагаетъ на губернатора въ отношеніи полицейской должности заботу также объ удаленіи препятствій, встрѣчаемыхъ частными лицами въ различныхъ отрасляхъ промышленности земледѣльческой, фабричной и торговой. Въ этомъ смыслѣ, законъ Екатерины II отличается отъ направленія законовъ Петра Великаго: Петръ хотѣлъ, чтобы казна или правительство показывали примѣръ промышленности и экономической дѣятельности для частныхъ лицъ и исходя

изъ этой идеи, онъ возлагалъ обязанность на должностныхъ лицъ, какъ бы дѣлать починъ въ каждомъ родѣ промышленныхъ занятій. Екатерина II отступаетъ уже отъ этого взгляда, что само правительство должно дѣлать, какъ бы начало различныхъ видовъ промышленныхъ операцій и держится только идеи о томъ, что правительство и полицейскіе органы должны только устранять препятствія, встрѣчаемыя частными лицами на пути промышленныхъ ихъ занятій. Съ другой стороны учрежденіе о губерніяхъ поручаетъ губернаторамъ доносить высшему правительству о положеніи края и обстоятельствахъ, мѣшающихъ развитію промышленности и ходатайствовать о тѣхъ мѣрахъ, которыя могутъ содѣйствовать общему благу. Въ смыслѣ же полицейской дѣятельности на губернатора возложена обязанность доставлять статистическія свѣдѣнія о народонаселеніи края, о различныхъ происшествіяхъ, случившихся въ губерніи и кромѣ того въ этомъ же смыслѣ на губернатора возложена обязанность попеченія о бѣдныхъ, попеченія о вспомоществованіи бѣднымъ, надзоръ за благотворительными учрежденіями и мѣры народнаго продовольствія. Какъ въ учрежденіи о губерніяхъ, такъ и въ послѣдующихъ законахъ эта полицейская дѣятельность губернатора постепенно дополнялась возложеніемъ на губернатора различныхъ новыхъ обязанностей. Такъ, мало помалу на губернатора возложены обязанности полицейско-медицинскія, т. е. мѣры не только для предупрежденія повальной болѣзни, но и надзоръ за обыкновенными медицинскими учрежденіями; на губернатора возложена обязанность касательно предупрежденія пожаровъ, искорененія нищенства и содѣйствія благосостоянію края. Общій смыслъ должности губернатора представляется, какъ я уже сказалъ, постепеннымъ накопленіемъ всевозможныхъ обязанностей на должность губернатора, общая идея та, чтобы не одинъ родъ дѣлъ не могъ быть считаемъ, какъ бы не принадлежащимъ къ дѣятельности губернатора. Дѣла финансовыя также поручены непосредственно губернатору. Въ этомъ отношеніи учрежденіе о губерніяхъ возлагаетъ на нихъ слѣдующія обязанности: наблюденіе за точнымъ полученіемъ въ губерніи всѣхъ сборовъ и различныхъ податей и пошлинъ, мѣры для

предупрежденія накопленія недоимокъ. Въ особенности эта обязанность возложена на личную отвѣтственность губернатора въ томъ смыслѣ, что чѣмъ болѣе на какой нибудь губерніи недоимокъ, тѣмъ болѣе это свидѣтельствуетъ о безпечности губернатора, въ отношеніи дѣятельности финансовой. Затѣмъ, на губернатора возложена обязанность по отношенію къ дѣламъ откупнымъ. Производство откуповъ сосредоточено въ казенныхъ палатахъ подъ предсѣдательствомъ губернатора, вице-губернатора. Въ этомъ же смыслѣ постановлены обязанности предсѣдателей казенныхъ палатъ и имъ ввѣрено попеченіе о дѣлахъ финансовыхъ. Затѣмъ, губернаторы должны были имѣть, по учрежденію губерній, надзоръ за правильнымъ отправленіемъ повинностей рекрутскихъ, надзоръ за правильнымъ производствомъ народной переписи. Губернаторы должны были предсѣдательствовать въ особыхъ временныхъ учрежденіяхъ, установленныхъ съ этою цѣлью. Кромѣ непосредственнаго отношенія къ денежнымъ сборамъ губернаторъ имѣлъ обязанность непосредственнаго наблюденія за правильнымъ отправленіемъ земскихъ повинностей, т. е. тѣхъ обязанностей жителей края, которыя или въ замѣнъ денежной подати, или въ замѣнъ отправленія другихъ какихъ либо повинностей должны были быть отправляемы работами жителей края, такъ, напримѣръ, починка дорогъ, постройка мостовъ, въ нѣкоторомъ отношеніи устройство и содержаніе почтовой гоньбы, обязанности сельскихъ и частью городскихъ жителей въ отношеніи подводъ, квартиръ проходящимъ войскамъ, обязанности жителей въ отношеніи выдачи подводъ при провозѣ казенныхъ имуществъ и при проходѣ войскъ для провоза принадлежностей войска. Отправленіе этихъ повинностей въ общемъ и главномъ управленіи въ этомъ родѣ дѣлъ предоставлено губернатору. Эта обязанность была весьма сложная. Для того, чтобы земскія повинности были правильно отправляемы, нужно было составить точную перепись народонаселенія губерніи, нужно было сдѣлать правильную ревизію, кому изъ жителей какія работы нужно назначить, потомъ, нужно было слѣдить затѣмъ, чтобы эти повинности были исполнены къ извѣстному сроку и въ этомъ соображеніи кромѣ постоянныхъ надобностей могли

быть случайныя надобности, напримѣръ, которыя не подходили ни подъ какія передвиженія войскъ, въ заранѣе предусмотрѣнные сроки. Но губернатору недостаточно было положиться на установленную раскладку повинностей самими жителями, невозможно было положиться и на надзоръ нисшихъ должностныхъ учрежденій: губернаторы должны были сами, во время объѣзда губерній, удостовѣряться правильно ли отправляются земскія повинности. Долгое время этотъ предметъ оставался на обязанности начальника губерніи и только въ новѣйшее время съ устройствомъ земскихъ учрежденій эта внутренняя хозяйственная часть отдѣлена отъ обязанностей губернатора. Кромѣ того, на губернатора возложенъ былъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ надзоръ и управленіе за различными финансовыми учрежденіями. Такъ въ нѣкоторыхъ пограничныхъ губерніяхъ, гдѣ были устроены таможни, надзоръ за этими учрежденіями составлялъ отвѣтственность и обязанность губернаторовъ. Они же въ пограничныхъ губерніяхъ должны были исполнять обязанности различнаго рода въ томъ смыслѣ, что дѣла пограничной переписки съ пограничными присутственными мѣстами и сосѣдними учрежденіями отнесены къ обязанности губернатора; надзоръ за тѣмъ, чтобы не было произвольнаго перехода заграницу, поимка бѣглыхъ относилась къ непосредственной обязанности губернатора. Съ другой стороны, во внутреннемъ губернскомъ учрежденіи о губерніяхъ, на губернатора возлагается забота о правильномъ устройствѣ городскаго хозяйства; въ этомъ отношеніи Городовое Положеніе Екатерины II созидаетъ для каждаго города свои источники, доходы, свои особыя учрежденія для завѣдыванія городскимъ хозяйствомъ— это городскія думы, но они поставлены подъ непосредственное наблюденіе губернатора. Въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ находились казенные заводы и фабрики высшее наблюденіе за этими фабриками возлагалось также на начальника губерніи. Къ этому нужно присоединить общія обязанности, возложенныя на губернатора, касательно наблюденія за охраненіемъ православія, за состояніемъ церквей въ губерніи, за училищами и вообще обязанности, касательно предупрежденія не только ересей, раскола, но и вообще всего, что можетъ вредно отзываться, какъ

на вѣрѣ, такъ и на образованіи и нравахъ. Дѣятельность губернатора относительно дѣлъ судебныхъ была нѣсколько меньше. Однако же, не смотря на это, общее отношеніе къ дѣламъ судебнымъ губернатору вмѣнено наблюдать, чтобы судебныя мѣста рѣшали судебныя дѣла безъ всякаго промедленія чтобы вообще судебныя мѣста занимались рѣшеніемъ судебныхъ дѣлъ; (имъ предоставлено право въ случаѣ накопленія дѣлъ собираться даже и въ неположенное время), губернатору предоставлено право быть защитникомъ притѣсненныхъ лицъ и такихъ дѣлъ, въ отношеніи которыхъ нѣтъ истца, но строго запрещено губернатору вмѣшиваться въ непосредственное обсужденіе судебныхъ дѣлъ. Начальникъ губерніи хотя могъ посѣщать каждое присутственное мѣсто, а слѣдовательно и гражданскій и уголовный судъ, но принимать участіе въ разсмотрѣніи дѣлъ онъ не имѣлъ, по закону, права. Въ дѣлахъ тяжебныхъ и гражданскихъ, которыя имѣли отношеніе къ казенному вѣдомству, напримѣръ въ спорахъ частныхъ лицъ съ казною, губернатору предоставлено право представлять въ палату гражданскаго суда свои собственныя мнѣнія. Судъ могъ принять и не принять его мнѣніе; во всякомъ случаѣ рѣшеніе дѣлъ подобнаго рода должно было идти на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената и притомъ, отсылая дѣло въ Сенатъ, губернаторъ могъ повторить свое мнѣніе. Сенатъ долженъ былъ принять въ соображеніе мнѣніе губернатора, а сверхъ того, въ нѣкоторыхъ дѣлахъ губернатору предоставляется право останавливать приговоръ палаты уголовнаго суда и доносить генералъ-губернатору или намѣстнику, а намѣстникъ и генералъ-губернаторъ могъ донести Сенату или прямо Верховной Власти. Кромѣ этого, если губернаторъ усматривалъ въ приговорѣ палаты уголовнаго суда, что преступнику назначено наказаніе не на точномъ основаніи закона или палата превысила свою власть, то губернаторъ могъ изъявлять свое несоглашеніе и дѣло представить въ Сенатъ. Кромѣ общихъ учрежденій, установленныхъ однообразно во всѣхъ губерніяхъ, послѣ учрежденія о губерніяхъ возникли особыя установленія въ каждой губерніи подъ названіемъ канцелярій, комитетовъ, коммиссій. Во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ предсѣ-

дательство и надзоръ за ходомъ дѣлъ предоставлялся губернатору. Губернаторъ, слѣдовательно, былъ по мысли учрежденія о губерніяхъ непосредственный управитель губерніи во всѣхъ дѣлахъ, преимущественно въ дѣлахъ административныхъ, съ извѣстнымъ участіемъ въ дѣлахъ судебныхъ, съ большимъ вліяніемъ въ дѣлахъ уголовныхъ, нежели въ гражданскихъ. Затѣмъ, это было должностное лицо, которое предсѣдательствовало во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ губернскаго города, лицо, которое въ помощь себѣ для управленія разными дѣлами имѣло многочисленныя учрежденія: дѣятельность губернатора не должна была ограничиваться участіемъ только въ дѣлахъ губернскихъ. Учрежденія, находящіеся въ самомъ центрѣ, въ губернскомъ городѣ, возлагали обязанность на губернатора объѣзжать губернію. Вмѣстѣ съ этимъ губернаторъ установленъ въ смыслѣ отвѣтственнаго лица за порядокъ во всей губерніи. Съ другой стороны, онъ поставленъ въ отношеніи къ верховной власти отвѣтственнымъ лицемъ — за то чтобы всѣ существующія въ губерніи учрежденія, корпораціи, т. е. общества, сословія дворянскія и городскія, отправляли свою дѣятельность соотвѣтственно закону. Затѣмъ, не ограничиваясь и этимъ значеніемъ отвѣтственнаго органа предъ высшимъ правительствомъ, губернаторъ поставленъ въ значеніи такого органа, чрезъ посредство котораго высшее правительство должно знать о всѣхъ нуждахъ края и о всѣхъ тѣхъ мѣрахъ, которыя можетъ сдѣлать высшее правительство на основаніи мѣстныхъ нуждъ по отношенію или ко всей губерніи, или по отношенію къ извѣстному особому краю. При такомъ важномъ и общемъ значеніи и при такомъ взглядѣ, какой имѣла Императрица на сенатъ, обходя его во всѣхъ важныхъ своихъ преобразованіяхъ, губернаторское учрежденіе, только что ею созданное, было поставлено Екатериною II все ближе и ближе къ высшей власти. Отъ этого произошло слѣдующее: зависимость губернаторскаго учрежденія отъ сената и коллегій постепенно все болѣе и болѣе слабѣла и уничтожалась; губернскія учрежденія поставлялись все болѣе и болѣе въ непосредственную зависимость отъ Верховной Власти и значеніе губернаторскаго учрежденія тѣмъ болѣе усилива-

лось, что коллегіи сами со введеніемъ учрежденія о губерніяхъ, одна за другой закрылись и уничтожились. Съ другой стороны въ законодательствѣ образовалась необходимость по отношенію губернаторамъ издавать постоянно подробныя наставленія, инструкціи, наказы. Такимъ образомъ, въ нашемъ новѣйшемъ законодательствѣ со времени Екатерины II одинъ изъ подробныхъ видовъ Наказовъ представляютъ Наказы губернаторамъ: чѣмъ ближе они къ новѣйшему времени, тѣмъ болѣе подробны, и прочитывая ихъ нельзя не удивляться той многосложности обязанностей важнѣйшихъ дѣлъ, которыя законъ постоянно присоединялъ къ должности губернаторской. Еще большее значеніе губернаторская должность получила отъ самого положенія дѣлъ. Въ этомъ отношеніи нужно замѣтить слѣдующее: сословія получили начало своей общественной дѣятельности только по преимуществу со времени Екатерины II. Развитіе этой общественной дѣятельности въ формѣ дворянскихъ и городскихъ собраній должно было заключаться въ томъ, чтобы мѣстныя нужды каждаго сословія могли быть правильно обсуждаемы, имѣли свои органы для этого и чтобы чрезъ посредство этихъ органовъ правительство могло бы знать нужды ихъ. Но эта общественная дѣятельность была въ самомъ ея началѣ, какъ бы создана только Екатериной; много надѣяться на нее правительство не могло въ томъ смыслѣ, что эти вновь установленныя учрежденія болѣе заботились о личныхъ своихъ правахъ и интересахъ, нежели объ общихъ экономическихъ интересахъ цѣлаго края. Кромѣ этого одно изъ важныхъ препятствій къ успѣхамъ общественной дѣятельности этого времени было то, что значительная масса подданныхъ находилась въ крѣпостной зависимости и она составляла такую преграду, о которую должны были разбиваться многіе изъ проэктовъ и плановъ тогдашняго государственнаго устройства. Поэтому то должность губернатора принимала большое значеніе: правительство не могло еще сразу ожидать, чтобы эти учрежденія представляли собою дѣйствительный органъ для улучшенія въ администраціи дѣлъ края. Оставался одинъ органъ — этотъ органъ былъ губернаторъ, чрезъ посредство котораго правительство могло

знать и принимать мѣры для дальнѣйшаго развитія благосостоянія края.

LXIII. ЛЕКЦІЯ.

Кромѣ губернатора и губернскаго правленія въ составъ учрежденій, введенныхъ Екатериною, вошли слѣдующія установленія: палата уголовнаго суда, палата гражданскаго суда, Совѣстный Судъ, Губернскій Магистратъ затѣмъ казенная палата, верхній земскій судъ и нѣкоторыя особыя учрежденія, установившіяся въ значеніи судебныхъ учрежденій, Одна изъ важнѣйшихъ заслугъ учрежденія о губерніяхъ заключалась именно въ томъ, что для дѣлъ гражданскихъ и для дѣлъ уголовныхъ установлены особыя судебныя инстанціи а не общія. Раздѣленіе системы суда въ дѣлахъ гражданскихъ и въ дѣлахъ уголовныхъ составляло долговѣковую заботу нашего правительства, представляло длинный рядъ фактовъ историческаго развитія, но въ первый разъ осуществляется съ такою полнотою только въ царствованіе Екатерины II. Самое установленіе этихъ двухъ особыхъ палатъ уголовнаго суда и гражданскаго суда показываетъ, что правительство сознавало уже, что особенности уголовнаго процеса существенно отличаются отъ условій гражданскаго судопроизводства, что нѣтъ возможности смѣшивать ихъ не только въ одномъ и томъ же дѣлѣ но и въ одномъ и томъ же учрежденіи. Однако же и этотъ принципъ раздѣленности не доведенъ въ учрежденіи о губерніяхъ до совершенной полноты. Такъ въ нисшихъ учрежденіяхъ, въ учрежденіяхъ уѣздныхъ и городскихъ установлены общія судебныя учрежденія, какъ будто бы взглядъ законодательства въ это время былъ таковъ, что разборъ дѣлъ въ нисшей инстанціи не имѣетъ особенно важнаго значенія, или, что если и есть характеристическія различія въ томъ и другомъ порядкѣ суда, то эти особенности могутъ выясниться только при болѣе серьезномъ обсужденіи дѣлъ, а слѣдовательно, не въ нисшей инстанціи суда, а въ средней. Замѣтимъ при этомъ что въ самомъ устройствѣ сената не было еще полнаго и точнаго разграниченія дѣлъ уголовныхъ отъ дѣлъ граждан-

*

скихъ. Такимъ образомъ, смѣшеніе этихъ процессовъ является въ нисшемъ и высшемъ учрежденіи, въ среднихъ же учрежденіяхъ они являются раздѣленными. Далѣе, какъ палата уголовнаго суда, такъ и гражданскаго были, собственно говоря, тѣмъ же самымъ, чѣмъ была учрежденная по мыслѣ Петра Великаго юстицъ-коллегія. Это были тѣже юстицъ-коллегіи, размѣщенныя по губерніямъ. Каждая палата состояла изъ предсѣдателя, членовъ, ассесора и представляла коллегіальный судъ съ правомъ нетолько отмѣнять рѣшенія низшихъ судовъ, но и съ правомъ разбирать всякаго рода жалобы на отдѣльныя части процесса, т. е. жалобы еще до окончанія дѣла нисшимъ судомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти учрежденія получили начало и значеніе въ смыслѣ не только судебныхъ ревизующихъ инстанцій, вторично разсматривающихъ обстоятельства дѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ имъ дана нѣкоторая степень власти административной надъ низшими судебными инстанціями. Такъ, судебныя палаты могли не только разбирать дѣла, рѣшенныя въ низшихъ судахъ, но могли постановлять приговоры о преданіи суду лицъ, служащихъ въ судебномъ вѣдомствѣ, въ низшей судебной инстанціи. Для нисшихъ судовъ, палаты эти составляли непосредственное начальство и отношеніе палаты къ нисшимъ судамъ было таково, что независимо отъ ревизіи, палаты должны были имѣть наблюденіе за всѣми должностными лицами нисшаго судебнаго вѣдомства. Обѣ палаты поставлены подъ надзоръ и контроль губернского прокурора. Въ общемъ значеніи палаты, — поставлены, какъ мы уже видѣли, изъ изслѣдованія должности губернатора, внѣ прямой зависимости отъ губернаторской должности, въ смыслѣ непосредственнаго разбирательства каждаго дѣла только въ составѣ палаты, но въ дѣлахъ особаго рода, палаты должны были представлять свои протоколы на рѣзсмотрѣніе губернатора, а во всѣхъ другихъ случаяхъ на разсмотрѣніе прокурора. Затѣмъ, всѣ дѣла уголовныя, дѣла о производствѣ слѣдствій сосредоточены въ палатѣ уголовного суда, дѣла же о тяжбахъ и искахъ, превышающія опредѣленную цѣнность сосредоточены въ палатѣ гражданскаго суда. Кромѣ дѣлъ судебныхъ, палата гражданскаго суда получила еще осо-

бенное значеніе съ присоединеніемъ къ ней отдѣльнаго учрежденія подъ названіемъ—установленія крѣпостныхъ дѣлъ. При этомъ петровское законодательство получило обширное примѣненіе: то чего домогался Петръ въ своемъ законѣ о правильномъ порядкѣ написанія актовъ съ соблюденіемъ закона и всѣхъ формальностей:» то подробнѣе выполнено въ учрежденіи крѣпостныхъ дѣлъ. Въ составѣ каждой палаты назначены надсмотрщики и крѣпостные писцы въ смыслѣ лицъ, свѣдующихъ въ порядкѣ написанія и составленія актовъ. Дѣятельность ихъ поставлена подъ надзоръ присутствія палаты гражданской и не одинъ изъ актовъ о недвижимомъ имуществѣ не могъ быть совершенъ иначе какъ въ гражданской палатѣ, послѣ просмотра его членами палаты и по утвержденіи проэкта. Кромѣ этихъ двухъ палатъ въ каждой губерніи учреждены казенныя палаты. Предсѣдательство въ нихъ предоставлено вице-губернатору. При немъ находятся директоръ экономіи, изъ котораго выработалась въ послѣдствіи должность предсѣдателя палаты, одинъ совѣтникъ, два ассесора и одинъ губернскій казначей. Въ устройствѣ всѣхъ палатъ, какъ судебныхъ, такъ и казенной палаты, мы встрѣчаемъ соединеніе коллегіальнаго начала отчасти съ личнымъ началымъ. Такъ мы видимъ, что не всѣ члены имѣютъ одинаковое значеніе, такъ напр. ассесоры суть только члены съ правомъ голоса, другіе, какъ напр., совѣтники суть не только члены коллегіи, имѣющіе право голоса, но и лица, управляющіе какимъ нибудь отдѣломъ. Такъ въ устройствѣ казенной палаты нѣкоторыя дѣла были отдѣлены исключительно директору экономіи, другія совѣтнику палаты; ассесоры не имѣли подобнаго отдѣленія, и всѣ дѣла обсуждались въ общемъ присутствіи палаты. Соединеніе личнаго начала мы видимъ въ томъ, что совѣтникъ прежде, нежели онъ вносилъ дѣло на обсужденіе цѣлой коллегіи, причемъ и самъ имѣлъ право голоса, управлялъ административнымъ порядкомъ извѣстнаго рода дѣлъ, такъ напр. губернскій казначей былъ членомъ казенной палаты, а между тѣмъ, онъ былъ и непосредственнымъ административнымъ начальникомъ, уѣздныхъ казначеевъ и другихъ лицъ въ отношеніи финансовъ. Эта смѣсь устройства коллегіальнаго съ присоедине-

ніемъ къ нему личной административной власти нѣкоторыхъ членовъ коллегіи указываетъ на то, что Екатерина II не такъ довѣрчиво относилась къ устройству коллегій, какъ Петръ не считала его за образецъ въ законодательствѣ, но находила все таки болѣе надежнаго и болѣе гарантирующаго успѣхи, а дѣлопроизводства при коллегіальномъ устройствѣ. Что касается верхняго земскаго суда, то онъ имѣетъ значеніе не только судебное, но отчасти полицейское и административное. Чтобы понять значеніе этого учрежденія, нужно сказать, что кромѣ дѣлъ чисто судебныхъ въ нашемъ законодательствѣ выработался особый родъ дѣлъ судебно-полицейскихъ [1]). Учрежденіе это разбирало дѣла дворянъ по жалобамъ, на уѣздные суды, опеки и нижніе земскіе суды. Впослѣдствіи времени мы видимъ, что эти учрежденія уничтожились, и остались только палаты въ значеніи общихъ судебныхъ установленій. Затѣмъ, въ каждой губерніи былъ учрежденъ въ губернскомъ городѣ губернскій магистратъ, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ даже по обширности пространства губерніи предполагалось учредить два губернскихъ магистрата. Въ каждомъ губернскомъ городѣ, губернскій магистратъ имѣлъ значеніе болѣе административнаго учрежденія, тѣмъ болѣе что на его обязанности возложено было наблюденіе за дѣятельностью городскихъ магистратовъ по всей губерніи. Инструкція главному магистрату, данная Петромъ Великимъ постановляла обязанности и для губернскаго магистрата. Затѣмъ является въ составѣ губернскаго учрежденія приказъ общественнаго призрѣнія подъ предсѣдательствомъ губернатора. Онъ состоялъ изъ двухъ засѣдателей, взятыхъ отъ верхняго земскаго суда, двухъ отъ губернскаго магистрата и двухъ отъ верхней расправы. Устройство народныхъ школъ [2]), дѣла благотворительности, попеченія о бѣдныхъ, мѣръ, искорененія нищихъ, завѣдыванія особымъ капиталомъ, отдѣленнымъ правительствомъ для установленій благотворительности, завѣдываніе имѣніями и капиталами, оставшимися безъ наслѣдниковъ послѣ умершаго владѣльца составляло обязанность этого учрежденія. Въ послѣдствіи

[1]) См. Уставъ Благочинія 1782 г.

[2]) Ук. объ учрежд. народныхъ училищъ 1782.

времени это учрежденіе болѣе и болѣе выработывалось: на него возлагались различныя другія обязанности къ числу этихъ новыхъ обязанностей главнымъ образомъ, относились дѣла финансовыя. Приказъ общественнаго призрѣнія, завѣдуя нѣкоторыми капиталами, могъ выдавать ихъ въ ссуды или подъ залогъ имѣній, находящихся въ той же губерніи и получилъ мало-по-малу значеніе и кредитнаго учрежденія. Новымъ же учрежденіемъ является совѣстный судъ. Въ составѣ лицъ, избранныхъ отъ дворянства, отъ купечества и даже отъ сельскихъ обывателей совѣстный судъ былъ учрежденіемъ, для разсмотрѣнія такихъ дѣлъ, которыя не могутъ быть обсуждаемы во всей строгости закона именно потому, что они возникли между лицами, состоящими въ особыхъ отношеніяхъ. Такъ совѣстному суду предоставлено разбирательство спорныхъ дѣлъ между родителями и дѣтьми, рѣшеніе по жалобамъ родителей на непокорныхъ дѣтей, жалобы дѣтей на имущество, которое отнято отъ нихъ родителями и нѣкоторыя дѣла подобнаго же рода по спорамъ между супругами. Въ дѣятельности этого учрежденія Екатерина II хотѣла смягчить строгій формальный судебный разборъ. По этому совѣстному суду приказано разбирать дѣла и постановлять приговоры, руководствуясь не только законами, но стараться склонить къ обоюдной уступкѣ тяжущихся лицъ Устройство этого учрежденія замѣчательно потому, что здѣсь присутствуютъ всѣ выборныя лица: предсѣдатель, выбранный изъ дворянства, члены: два отъ дворянства, два отъ купечества и два отъ сельскихъ обывателей. Затѣмъ въ смыслѣ судебно-административнаго учрежденія установлена верхняя расправа, однако не во всѣхъ губерніяхъ, а только въ тѣхъ, гдѣ есть значительное число свободныхъ сельскихъ обывателей. Такъ верхнюю расправу особенно положено учреждать въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ будетъ въ разныхъ уѣздахъ отъ 10 до 30 тысячъ однодворцевъ и свободныхъ сельскихъ обывателей. Затѣмъ въ каждой губерніи опредѣленъ губернскій прокуроръ; при немъ одинъ губернскій стряпчій казенныхъ дѣлъ и одинъ губернскій стряпчій уголовныхъ дѣлъ. Эти два лица въ сущности также имѣли прокурорское значеніе, но стряпчій казенныхъ дѣлъ со-

вмѣщалъ въ себѣ значеніе прежняго фискала и получилъ значеніе блюстителя казенныхъ интересовъ. Стряпчій уголовныхъ дѣлъ былъ помощникъ прокурора въ разсмотрѣніи приговоровъ уголовнаго суда и зависѣлъ непосредственно отъ прокурора. Онъ долженъ былъ докладывать о всѣхъ дѣлахъ, рѣшенныхъ въ палатѣ уголовнаго суда. Онъ не имѣлъ права протеста, который принадлежалъ только прокурору. Изъ этого мы видимъ, что прокурорскій надзоръ не былъ устроенъ одинаково по отношенію къ дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ. Затѣмъ, слѣдовало раздѣленіе губерніи на уѣзды. Въ каждомъ уѣздѣ установлены слѣдующія новыя установленія. Во первыхъ уѣздный, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ окружной судъ изъ судьи и двухъ засѣдателей, избираемыхъ отъ дворянства. При уѣздномъ судѣ установлена Дворянская Опека, изъ лицъ, выборныхъ отъ дворянства, предводитель дворянства въ качествѣ предсѣдателя этого учрежденія; затѣмъ, уѣздный судья въ качествѣ члена этого учрежденія и засѣдатели отъ дворянства. Назначеніе этого учрежденія заключалось въ попеченіи о малолѣтнихъ лицахъ дворянскаго сословія, назначеніе этимъ лицамъ опекуновъ, надзоръ за дѣятельностью этихъ опекуновъ, разсмотрѣніе ихъ отчетовъ ежегодныхъ и правильная сдача всего имущества малолѣтняго съ достиженіемъ его совершеннолѣтія. Затѣмъ, слѣдовалъ нижній земскій судъ въ качествѣ чисто полицейскаго учрежденія изъ предсѣдательствующаго земскаго исправника и двухъ или трехъ засѣдателей. Въ каждомъ уѣздѣ положены эти три учрежденія. Кромѣ этихъ трехъ учрежденій на каждый уѣздъ назначенъ уѣздный казначей въ зависимости отъ губернскаго казначея, землемѣръ въ зависимости отъ губернскаго правленія и уѣздный врачъ, а для дѣлъ прокурорскаго надзора уѣздный стряпчій, а по нѣкоторымъ городамъ и всѣмъ уѣздамъ прежнее земское управленіе въ видѣ выборныхъ старостъ, тысяцкихъ, сотскихъ и десятскихъ; въ каждомъ городѣ учреждены городничіе и словесные суды при полицейскихъ учрежденіяхъ для словеснаго не формальнаго разбирательства маловажныхъ проступковъ и маловажныхъ исковъ. Кромѣ того, въ каждомъ городѣ назначенъ городской магистратъ по прежнему петровскому устройству, т. е. изъ

бургомистра и ратмановъ. Въ мѣстечкахъ имѣющихъ торговое и промышленное значеніе положены вмѣсто магистратовъ ратуши съ меньшимъ составомъ членовъ, но сходныя съ устройствомъ магистратовъ. При магистратѣ для дѣлъ по опекѣ надъ несовершеннолѣтними и малолѣтними учрежденъ Сиротскій судъ совершенно въ томъ же смыслѣ, какъ и Дворянская Опека для дворянъ. Составъ суда опредѣленъ изъ городскаго головы и засѣдателей, выборныхъ отъ купечества. Въ уѣздахъ, гдѣ есть значительное число казенныхъ или свободныхъ сельскихъ обывателей, а въ особенности, гдѣ есть однодворцы, учреждена нисшая расправа въ смыслѣ и полицейскаго и судебнаго установленія для сельскихъ обывателей. Въ этой нисшей расправѣ положено засѣдать расправному судьѣ и восьми засѣдателямъ выборнымъ отъ самихъ сельскихъ обывателей. Таковъ былъ составъ учрежденій, вновь устроенныхъ императрицею Екатериною II. При всемъ достоинствѣ этого новаго учрежденія нельзя однакоже, не замѣтить слѣдующихъ его недостатковъ, дѣла однородныя распредѣлены между особыми учрежденіями: при томъ принято въ основаніе нестолько самая сущность дѣла, сколько сословное различіе, напримѣръ, одни и тѣ же дѣла по опекѣ надъ малолѣтними отдѣлены въ Дворянскую Опеку и Городской Сиротскій Судъ; одни и тѣ же дѣла судебно-полицейскія распредѣлены между тремя учрежденіями, между нисшимъ земскимъ судомъ, между городскимъ магистратомъ и между нисшею расправою, единственно на томъ соображеніи, что есть три сословія: дворяне, горожане и сельскіе обыватели. Другая особенность учрежденій Екатерины II заключалась въ томъ, что въ составѣ различныхъ присутствій между должностными лицами собственно были два рода: одни назначались по опредѣленію отъ правительства и считались въ коронной службѣ, другіе назначались по выбору отъ самаго общества и исполняли выборныя должности. Къ первому разряду лицъ, назначенныхъ правительствомъ, нужно отнести губернаторовъ и вице-губернаторовъ; эти два лица назначались верховною властью. Далѣе предсѣдатели палаты и верхняго земскаго суда избирались сенатомъ и утверждались высочайшимъ повелѣніемъ; совѣтники и ассесоры, какъ палаты, такъ

и губернскаго правленія опредѣлялись сенатомъ. Сенатъ же опредѣлялъ директоровъ экономіи, губернскихъ казначеевъ и др.; затѣмъ значительная часть остальныхъ служащихъ въ губерніи и уѣздахъ опредѣлялись по представленію губернскаго правленія сенатомъ; нѣкоторые же, какъ напр. предсѣдатели Совѣстнаго Суда, различные засѣдатели, а также предводители дворянства избирались на выборахъ дворянскихъ; засѣдатели изъ купечества избирались на выборахъ городскихъ; старосты и засѣдатели словесныхъ судовъ избирались отъ сельскихъ обывателей и именно дворянство выбирало уѣздныхъ и губернскихъ предводителей дворянства, засѣдателей палаты и земскаго суда, совѣстнаго судью, земскаго исправника и уѣзднаго судью. Такимъ образомъ, многія изъ важнѣйшихъ должностей предоставлены замѣщенію самого дворянства. Губернатору предоставлено было, однакоже, право не утверждать избранныхъ, если найдутся за ними какіе нибудь пороки или препятствія, опредѣленныя закономъ. Горожане должны были избирать городскаго голову, бургомистра, ратмановъ и эти избранные назначались для отправленія должностей на три года. Такимъ образомъ, выборное начало получило значительную долю участія въ управленіи дѣлъ губерніи. Поэтому въ связи съ учрежденіемъ о губерніяхъ находятся два замѣчательные акта императрицы Екатерины II, касающіеся устройства сословій дворянства и городскихъ обывателей, именно Жалованная Грамата и Городовое Положеніе. Что касается до Жалованной Граматы, то первоначально она дана Петромъ III въ извѣстномъ его манифестѣ о правахъ и вольностяхъ россійскаго дворянства. Однако же, съ самаго вступленія на престолъ, императрица Екатерина II обратила вниманіе на то что этотъ манифестъ не вполнѣ опредѣляетъ преимущества дворянъ и потому она развила его болѣе подробно въ смыслѣ особеннаго устава подъ названіемъ Жалованной Грамоты россійскаго дворянства. Она имѣетъ особое значеніе въ отношеніи къ дворянству, именно въ томъ смыслѣ, что она организовала его въ значеніи сословнаго учрежденія, имѣющаго свое право выбора различныхъ, должностныхъ лицъ. Съ другой стороны, она устроила въ дворянскомъ сословіи дворянскія собранія, какъ губернскія, такъ

и уѣздныя съ правомъ обсужденія дѣлъ, касающихся интересовъ дворянства и сверхъ того, эта жалованная грамата подтвердила древнія и существенныя преимущества дворянъ, опредѣлила, вмѣстѣ съ тѣмъ, и новое право каждаго дворянина: право служить или не служить по собственному его усмотрѣнію. Въ этомъ смыслѣ Жалованная Грамата дворянства сдѣлала въ первый разъ самое существенное преобразованіе въ значеніи дворянства, какъ служилаго сословія; по прежнему сохранило значеніе высшаго класса лицъ, освобожденныхъ отъ всякихъ личныхъ податей и повинностей, классъ лицъ привиллегированныхъ въ томъ смыслѣ, что дѣла дворянскія предоставлены обсужденію частію дворянскаго собранія, частію особыхъ учрежденій, напр. уѣздныхъ судовъ и палатъ, гдѣ находились выборные дворяне. Жалованная Грамата отмѣнила прежній характеръ обязательной службы, предоставила дворянству право на вступленіе въ службу государственную, предоставивъ право самому избирать тотъ или другой родъ служебной дѣятельности для пользы государства. Долгое время дворянство имѣло значеніе исключительно служилаго класса лицъ. Эту обязанность дворянство отправляло и эта обязанность находилась подъ особеннымъ надзоромъ губернатора и различныхъ другихъ учрежденій. Такъ мы видѣли, что еще петровскій Сенатъ звалъ всѣхъ дворянъ на службу, составлялъ списки. Такъ мы видѣли, что самъ Петръ дѣлалъ смотръ дворянамъ, назначалъ имъ то, или другое занятіе; эту обязательность службы Екатерина II совершенно прекратила Жалованной Граматой. Затѣмъ, городское положеніе важно въ томъ смыслѣ, что оно организовало устройство средняго сословія по идеи Петра Великаго, и придала ему также сходныя учрежденія сословныя, какія были установлены и для дворянства Подобно дворянству, городское общество могло составлять свои собранія, обсуждать свои мѣстныя нужды городскаго хозяйства и городскаго управленія, избирать выборныхъ для себя лицъ нетолько въ нисшія учрежденія, но и въ среднія учрежденія по два засѣдателя отъ городскаго общества. Затѣмъ, Городовое Положеніе предоставило каждому изъ городскихъ сословій: купцамъ, мѣщанамъ и ремесленникамъ свое особое самоуправленіе. Купцы

раздѣленные на 3 гильдіи, должны имѣть въ каждой гильдіи своихъ старшинъ; мѣщане должны были точно такимъ же образомъ, имѣя свое мѣстное управленіе, состоящее изъ выборныхъ отъ нихъ лицъ, завѣдывать дѣлами своего сословія; ремесленники, раздѣленные на цехи по мысли Петра, получили также свое устройство и управленіе, которое было основано на томъ же выборномъ началѣ. Такимъ образомъ, въ связи съ учрежденіемъ о губерніяхъ находилось преобразованіе Екатерины II касательно дворянства и городскаго сословія, основанное на томъ, чтобы подобнымъ установленіямъ дать большій просторъ дѣятельности, чрезъ принятіе въ эти учрежденія выборныхъ лицъ. Сельское населеніе не получило подобной организаціи, но этому была причина—крѣпостная зависимость, какъ преграда для осуществленія правительству тогдашняго времени своихъ предначертаній. Волостныя учрежденія установлены Им. Павломъ I въ 1797 году.

LXIV ЛЕКЦІЯ.

Учрежденіе о губерніяхъ императрицы Екатерины II замѣчательно по тѣмъ результамъ, которыя оно произвело въ дальнѣйшемъ развитіи законодательства. Повидимому, вся задача ограничивалась ближайшимъ образомъ тѣмъ, чтобы устроить и усовершенствовать мѣстное управленіе. Мы видѣли, что самый характеръ преобразованій Екатерины II имѣетъ тотъ смыслъ, что преобразованія ея болѣе коснулись губернскихъ установленій, нежели центральныхъ государственныхъ учрежденій. Но этотъ результатъ есть только первоначальный. Болѣе важный результатъ учрежденія о губерніяхъ произошелъ въ томъ, что оно подготовило окончательное уничтоженіе коллегій и дало поводъ къ учрежденію началъ министерскаго управленія. Эта цѣль не была понятна съ перваго раза современникамъ Екатерины II. Сначала эти учрежденія были разсматриваемы только какъ малыя коллегіи, которыя Екатерина II перенесла изъ столицы въ губернію. Въ этомъ смыслѣ и понимали современники Екатерины это важное ея преобразованіе, но затѣмъ, когда стали уничтожаться [1]) и закрываться одна

[1]) Съ 1780 г.

за другой главныя, т. е. центральныя коллегіи и большая часть ихъ была уничтожена, по мѣрѣ введенія новыхъ установленій о губерніяхъ, тогда этотъ пробѣлъ при ослабѣвшемъ значеніи Сената, весьма естественно долженъ былъ замѣниться чѣмъ-либо новымъ. На первый разъ могло казаться, что, съ уничтоженіемъ центральныхъ коллегій, Сенатъ получитъ большее значеніе, но мы видѣли уже, что Екатерина II во всѣхъ важнѣйшихъ своихъ преобразованіяхъ обходила Сенатъ и довѣряла исполненіе своихъ преобразованій лицамъ а не учрежденіямъ. Это укрѣпило снова прежнее личное начало, которое, ставъ на мѣстѣ коллегіальнаго начала, подготовило уже во время Екатерины II будущее образованіе министерствъ. Въ этомъ смыслѣ важно вникнуть въ то обстоятельство, которое постепенно подготовляло подобное преобразованіе въ министерское управленіе. Обозрѣвая эти причины, нужно прежде всего обратиться къ значенію Сената. Сенатъ удерживалъ въ царствованіе императрицы Екатерины II значеніе высшаго установленія, но это высшее установленіе по смыслу закона въ самой дѣйствительности, имѣло не первенствующее значеніе. Сенатъ долженъ былъ быть при Екатеринѣ II верховнымъ учрежденіемъ: по смыслу закона онъ долженъ былъ имѣть весьма дѣятельный надзоръ за всѣми дѣлами управленія; но при немъ установленъ былъ генералъ-прокуроръ. Въ другихъ учрежденіяхъ была цѣлая система прокуроровъ, но вся совокупность этихъ лицъ имѣла непосредственную связь съ сенатомъ только, по смыслу закона и несмотря на то, что губернаторскую должность Екатерина возвысила, уничтоживъ зависимость губернаторовъ отъ коллегій, несмотря на все это, однакоже, дѣятельность Сената была весьма слабая, и Сенатъ, въ царствованіе Екатерины II, въ административномъ значеніи, не имѣлъ дѣятельнаго и непосредственнаго вліянія на дѣла государственныя. Это второстепенное значеніе Сената выразилось и въ массѣ дѣлъ, которыя оставались не разрѣшенными въ Сенатѣ за время царствованія императрицы. Когда, послѣ Екатерины II, вступилъ на престолъ Императоръ Павелъ I, то одно изъ первыхъ обстоятельствъ, обратившихъ его вниманіе, заключалось въ томъ, что въ Сенатѣ было болѣе 11-ти тысячъ, нерѣшенныхъ дѣлъ.

Этотъ фактъ долженъ остановить наше вниманіе въ томъ смыслѣ, что мы должны изслѣдовать причины, которыя мѣшали дѣятельности Сената. Причины заключались въ слѣдующемъ: коллегіи уничтожались, губернаторы становились все болѣе и болѣе въ непосредственную зависимость не отъ сената, а отъ верховной власти; надъ губернаторами были поставлены Екатериною II еще высшія лица—намѣстники государевы. Затѣмъ, важнѣйшія отрасли государственныхъ дѣлъ по различнымъ вѣдомствамъ были распредѣлены при Екатеринѣ II между разными лицами, которымъ императрица довѣряла вполнѣ завѣдываніе тѣмъ или другимъ. Правда, они не были еще министрами въ томъ смыслѣ, что не было еще никакого закона, который бы опредѣлялъ степень власти, отчетность, предметы вѣдомства и обязанности этихъ лицъ. Стоя въ главѣ различныхъ управленій, эти лица въ основаніи своей дѣятельности имѣли непосредственное личное довѣріе: не было закона, который бы опредѣлялъ отношеніе этихъ лицъ другъ къ другу. Исключеніе изъ подобнаго положенія представлялъ одинъ только генералъ-прокуроръ, который, хотя состоялъ при Сенатѣ, но на котораго императрица, и то не на основаніи значенія его должности, а на основаніи личнаго довѣрія, возлагала важнѣйшія государственныя дѣла постепенно. Кромѣ надзора за дѣятельностью Сената генералъ-прокурору были поручены всѣ важнѣйшія дѣла финансовыя. Такъ, дѣла о таможныхъ сборахъ, дѣла о различномъ управленіи казенными имуществами, дѣла о ревизіи вообще, дѣла о недоимкахъ и дѣла финансовыя, дѣла по отчетности казенныхъ или государственныхъ суммъ, вопросы о бюджетѣ и о предполагаемыхъ расходахъ постепенно возлагаются на генералъ-прокурора. Различныя отдѣльныя установленія, учрежденныя въ царствованіе Екатерины съ цѣлью финансовою, напр. казенныя палаты, экспедиція государственныхъ доходовъ, различныя казначейства поставлены подъ непосредственный надзоръ генералъ-прокурора. Искорененіе различныхъ злоупотребленій по откупамъ, монетное дѣло, винный промыселъ, соляное дѣло, казенные подряды и откупа, горнозаводская промышленность, банки, только что Екатериною учрежденные сосредочены подъ надзо-

ромъ генералъ-прокурора; собственно говоря, это былъ министръ финансовъ. Но нельзя сказать, чтобы генералъ-прокуроръ былъ только министромъ финансовъ, потому что ему, подобнымъ же образомъ, были препоручены и дѣла совершенно другой отрасли государственнаго управленія. Такъ, надзоръ и мѣры, касательно почтоваго управленія, дѣла духовныя иновѣрцевъ, инородцевъ, надзоръ за постройками и казенными зданіями: эти дѣла были отнесены также къ обязанностямъ генералъ-прокурора. Мы не имѣемъ никакой надобности исчислять всѣ обязанности, которыя возлагались на генералъ-прокурора [1]), мы имѣемъ въ виду только то, чтобы указать, что въ царствованіе Екатерины II кромѣ отдѣльныхъ лицъ, которымъ она поручала отдѣльныя части управленія, было еще одно лицо, которое имѣя отношеніе къ Сенату и къ губернскимъ учрежденіямъ, однако сосредоточивало завѣдываніе отдѣльныхъ отраслей государственнаго управленія. Но это сосредоточеніе важнѣйшихъ дѣлъ на отдѣльныхъ лицахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, соединеніе нѣсколькихъ вѣдомствъ въ одно не удовлетворило Екатерину II въ томъ смыслѣ, чтобы она считала подобное распредѣленіе совершенно оконченнымъ. Весьма важно въ этомъ отношеніи то, что собственный взглядъ Екатерины II на это распредѣленіе высказываетъ, очевидно, въ какой степени она была довольна или недовольна подобнымъ переходомъ отъ коллегіальнаго устройства къ распредѣленію дѣлъ между отдѣльными лицами. Императрица высказывала нѣсколько разъ ту мысль, что по ея понятіямъ высшее центральное управленіе необходимо распредѣлить навсегда способнымъ лицамъ, а соединеніе разнородныхъ частей управленія въ одномъ лицѣ, она считала не нормальнымъ. Такъ, поручая генералъ-прокурору, какъ мы сейчасъ видѣли, разнородныя отрасли управленія, она допускала это какъ исключеніе. Затѣмъ, въ 1790 году, когда по болѣзни генералъ-прокурора доложили императрицѣ оставить ли соединенными различныя отрасли управленія должности генералъ-прокурора, то импера-

[1]) См. объ этомъ въ соч. профессора Градовскаго: Высшая администрація и генералъ-прокуроръ.

трица предположила раздѣлить эти дѣла между четырьмя отдѣльными лицами. Такимъ образомъ, положеніе дѣлъ къ концу царствованія императрицы Екатерины II было слѣдующее: Сенатъ имѣлъ совершенно второстепенное значеніе: онъ былъ заслоненъ, какъ значеніемъ должности генералъ-прокурора и другихъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и въ особенности значеніемъ новыхъ учрежденій, т. е. Сенатъ сохранилъ значеніе, преимущественно, въ смыслѣ судебной инстанціи, а для другихъ частей государственнаго управленія подготовлялась и вырабатывалась необходимость новыхъ постановленій. Царствованіе Императора Павла I имѣетъ значеніе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отмѣны постановленій, изданныхъ въ царствованіе Екатерины II; въ другомъ отношеніи напротивъ доведенія ея преобразованій до болѣе полнѣйшихъ результатовъ. Такъ, послѣднее касается преобразованій въ отношеніи министерскаго устройства. Они не возникли при Павлѣ I, но подготовка устройства ихъ была подвинута при немъ. Такъ, прежде всѣ важнѣйшія дѣла государственнаго управленія распредѣлены, при немъ, между лицами, но не между учрежденіями. Затѣмъ, нѣкоторыя дѣла сосредоточены въ Сенатѣ, но ему не дано прежняго значенія и онъ поставленъ подъ строгій надзоръ въ отношеніи его дѣятельности. Я уже замѣтилъ, что къ концу царствованія императрицы Екатерины II накопилось большое число дѣлъ, нерѣшенныхъ Сенатомъ, но это самое обстоятельство побудило Павла I приступить къ преобразованію. Для того, чтобы подвинуть эту массу, нерѣшенныхъ дѣлъ, при Сенатѣ учреждены временные департаменты и на будущее время предположено ограничить дѣятельность Сената исключительно дѣлами судебными. Другое преобразованіе, сдѣланное Павломъ I касалось отмѣны нѣкоторыхъ реформъ императрицы Екатерины II. Павелъ I былъ недоволенъ въ особенности тѣми реформами императрицы, которыя предоставили дворянству корпоративное или общественное устройство. Нѣсколько указовъ императора отнимаютъ отъ дворянскаго общества, нѣкоторые изъ предоставленныхъ ему правъ, пожалованныхъ дворянскою грамотою Екатерины II. Затѣмъ, Павелъ I даетъ больше права надзора губернаторамъ надъ различными учреж-

деніями сословными, нежели сколько это было опредѣлено, жалованной дворянской грамотой и городовымъ положеніемъ. Затѣмъ еще новый фактъ, который показываетъ, что Павелъ I не одобрялъ нѣкоторыхъ преобразованій императрицы Екатерины II. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые изъ коллегій, уже уничтоженныхъ, были снова возстановлены Павломъ I. Поводъ къ возобновленію этихъ коллегій, отживающихъ свое время заключался въ томъ, что новыя финансовыя учрежденія, именно казенная палата, а также учрежденія, установленныя по части торговой въ своей дѣятельности выказывали, на первый разъ, нѣкоторыя упущенія и недостатки, и эти то недостатки, неизбѣжные при началѣ каждаго учрежденія, подали мысль Павлу I о несостоятельности этихъ учрежденій и побудили его къ возобновленію нѣкоторыхъ изъ прежнихъ коллегій. Однакоже, при этомъ, прежнее коллегіальное устройство было въ иномъ уже значеніи, получило иную форму: надъ возстановленными коллегіями поставлены президенты съ такою властью личныхъ и непосредственныхъ начальниковъ, что, собственно говоря, коллегіальная форма здѣсь не имѣла никакого значенія. Кромѣ того, при Павлѣ I встрѣчается назначеніе одного лица министромъ. Такимъ образомъ, подготовленіе учрежденія министерствъ было въ этомъ отношеніи подвинуто императоромъ Павломъ I. Что касается до сената, то дѣятельность его болѣе и болѣе характеризуется, съ этого времени, въ смыслѣ судебной инстанціи: административное его значеніе все уменьшается, и распредѣленныя отдѣльныя части управленія все болѣе и болѣе подготовляются къ переходу въ министерства. Далѣе, предположеніе Екатерины II въ отношеніи устройства высшихъ государственныхъ установленій, начатое въ первыхъ, такъ сказать попыткахъ ея, продолженное съ нѣкоторымъ преобразованіемъ Павломъ I осуществилось вполнѣ въ царствованіе императора Александра I. Императоръ Александръ I при вступленіи своемъ на престолъ въ изданномъ манифестѣ заявилъ подданнымъ, что царствованіе его будетъ продолженіемъ царствованія императрицы Екатерины II. Въ силу этого, тотчасъ-же, важнѣйшіе акты, изданные императрицею и отчасти уничтоженные и перемѣненные въ предшествующее царствова-

ніе были возстановлены во всей ихъ силѣ. Жалованная дворянству грамата, городовое положеніе, учрежденіе о губерніяхъ— эти три капитальныя учрежденія Екатерины II были возстановлены вполнѣ въ началѣ царствованія Александра I. Это дѣло, возстановленія Екатерининскихъ учрежденій, было весьма удобно и просто совершить, потому что эти учрежденія, только что заявили свою дѣятельность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣнили собою коллегіи, которыя, какъ уже сказано, въ то время не существовали. Итакъ, возобновить Екатерининскую реформу, касательно губернскихъ учрежденій и предоставить сословіямъ данное имъ общественное устройство было весьма легко, но болѣе трудности представлялось въ устройствѣ высшаго государственнаго управленія. Затрудненія состояли въ томъ, что можно было совершить эту реформу различными способами или можно было, во 1-хъ, придать Сенату прежнее его петровское значеніе, поколебленное въ первое время пріемниками Петра, возстановленное отчасти Елизаветою Петровною, потомъ ослабленное Екатериною II, и установленное Павломъ I въ значеніи судебнаго учрежденія. Можно было Сенатъ возстановить въ томъ смыслѣ, что всѣ дѣла сосредоточить въ одномъ этомъ установленіи и распредѣлить между отдѣльными его частями; тѣмъ болѣе это было удобно, что Сенатъ былъ раздѣленъ уже на департаменты. Объ этомъ возстановленіи своего значенія въ смыслѣ петровскаго законодательства, Сенатъ и самъ хлопоталъ предъ Государемъ Императоромъ. Извѣстно, что тотчасъ по вступленіи на престолъ, государь повелѣлъ сенату представить къ нему докладную записку, въ которой подробно изложить права и обязанности сената и то участіе въ дѣятельности, которое должно принадлежать этому учрежденію. Понятно, это былъ самый удобный случай, чтобы сенатъ могъ выставить всѣ свои преимущества и все свое значеніе и на основаніи подобнаго доклада можно было ожидать, что ему будетъ предоставлено прежнее его значеніе, однако же случилось не такъ: случилось именно то, что высшія отрасли получили устройство министерское и причиной къ этому нововведенію было то, что устройство государственныхъ дѣлъ и распредѣленіе дѣлъ въ другихъ государствахъ указывали уже на министерское

устройство, какъ на форму, выработанную съ значительнымъ успѣхомъ въ другихъ государствахъ. Другая причина заключалась въ томъ, что вмѣсто уничтоженныхъ коллегій, нужно было поставить высшее государственное установленіе, совмѣщающее соединеніе спеціальныхъ дѣлъ въ одномъ и томъ же учрежденіи. Коллегіи уже исчезли, но нужно было установить на мѣстѣ ихъ другія учрежденія, съ противоположнымъ началомъ, которое наиболѣе всего соотвѣтствуетъ административной дѣятельности, а въ административной дѣятельности личное начало должно преобладать предъ началомъ коллегіальнымъ. Такимъ образомъ, первоначальное распредѣленіе министерствъ было ни что иное, какъ распредѣленіе прежнихъ же дѣлъ между коллегіями, но съ замѣною ихъ коллегіальнаго устройства. Первоначальное устройство министерствъ въ 1802 году не могло считаться еще оконченнымъ. Министерство получило образованіе не вдругъ, а какъ бы въ два пріема: въ первый разъ манифестомъ 1802 года, и второй разъ въ болѣе оконченной и точной формѣ въ 1810 году. Вмѣстѣ съ первымъ учрежденіемъ министерствъ, въ 1802 году послѣдовало и опредѣленіе значенія сената, какъ высшаго учрежденія, не непосредственно завѣдующаго дѣлами, а контролирующаго надъ дѣятельностью всѣхъ учрежденій не исключая и министерствъ. Александръ I весьма ясно понималъ всю важность и всю пользу значенія сената, въ смыслѣ контролирующаго учрежденія. Возникли министерства; казалось бы при этомъ сенатъ долженъ былъ потерять свое значеніе, но Александръ I не хотѣлъ отнять контрольное значеніе сената: онъ понималъ ту пользу, которую сенатъ принесъ во время Петра Великаго, и въ нѣкоторыя послѣдующія царствованія въ смыслѣ высшаго контролирующаго учрежденія, и это то значеніе онъ оставляетъ за сенатомъ, распредѣляя самыя дѣла управленія между министерствами. Однимъ изъ главнѣйшихъ мотивовъ перваго учрежденія министерствъ, выставляется желаніе Императора слѣдовать великому духу преобразователя Россіи, Петра Великаго. Лучшимъ средствомъ для этого въ манифестѣ 1802 года поставляется раздѣленіе государственныхъ дѣлъ на разныя части въ соразмѣрной связи между собою и порученіе ихъ вѣ-

*

денію, избранныхъ Монархомъ министровъ. Первыя лица, назначенныя министрами являются въ томъ же смыслѣ, какъ они были въ предшествующее царствованіе не только при Павлѣ I, но и при Екатеринѣ II въ смыслѣ отдѣльныхъ лицъ, стоящихъ во главѣ отдѣльныхъ управленій. Съ учрежденіемъ министерствъ потребовалось опредѣленіе отношеній этихъ новыхъ учрежденій и новыхъ лицъ, какъ къ сенату, такъ и къ губернскимъ учрежденіямъ. Прежде всего остановимся на распредѣленіи дѣлъ министерствъ. Я только что привелъ манифестъ 1802 года, гдѣ говорилось, что Александръ I желалъ слѣдовать идеямъ Екатерины II, и дѣйствительно въ основаніе раздѣленія вѣдомствъ министерскихъ положено дѣленіе, установленное въ распредѣленіи дѣлъ коллегій. Такъ, въ главѣ ихъ поставлены: министерство военное, министерство морскихъ силъ и министерство иностранныхъ дѣлъ. Это есть распредѣленіе чисто петровское: коллегія военная, коллегія адмиралтейская и коллегія иностранныхъ дѣлъ. Затѣмъ, изъ должности государственнаго казначея, имѣвшей свое начало въ царствованіе Екатерины II образовалась должность министра финансовъ. Дѣла бывшихъ коммерцъ и мануфактуръ-коллегіи подчинены министру коммерціи. Что касается до должности генералъ-прокурора, то эта должность съ непосредственнымъ отношеніемъ къ сенату, съ непосредственными обязанностями контроля надъ подчиненными, не только надъ прокурорами, но и надъ судебными палатами, сама собою подготовила значеніе министра юстиціи. Эти министерства вмѣстѣ съ министерствами внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія нужно было поставить въ опредѣленныя отношенія къ сенату, который не былъ лишенъ своего высшаго значенія, но значенія контролирующаго. Нужно было поставить эти учрежденія не въ разрывъ съ Сенатомъ, но соединить ихъ органическою связью. На этомъ основаніи постановлено было, что министры входятъ въ составъ сената; но, будучи членами сената, они обязаны представлять отчеты сенату въ своемъ управленіи который разсматриваетъ эти отчеты и о замѣченномъ докладываетъ государю. Такимъ образомъ, по видимому, сенатъ долженъ бы былъ получить важное значеніе и вліяніе на дѣятельность министерства, однако же этого не было

на самомъ дѣлѣ: министерства сразу получили самостоятельное положеніе во внутренней ихъ дѣятельности, и разсматриваніе отчетовъ сенатомъ сдѣлалось простою формальностью, потомучто министры сами имѣли право непосредственныхъ докладовъ и отчетовъ. Такимъ образомъ, контроль надъ высшими учрежденіями остался только по названію; контроль надъ средними учрежденіями дѣйствительно принадлежалъ сенату, потому что они поставлены подъ надзоръ и вѣдомство сената. Если сенатъ, такимъ образомъ былъ лишенъ прямаго и непосредственнаго вліянія на отдѣльныя министерства, если съ другой стороны дѣла могли касаться двухъ, трехъ министровъ, то понятно было, что вслѣдъ за министерствами нужно было установить такое учрежденіе, которое, не имѣя никакой особенной власти служило бы высшимъ совѣщательнымъ учрежденіемъ для обсужденія дѣлъ, касающихся нѣсколькихъ министерствъ. Такое учрежденіе и было установлено подъ названіемъ Государственнаго Совѣта. Мы видимъ такимъ образомъ послѣдовательно, рядъ за рядомъ, шагъ за шагомъ причины, которыя вызывали установленія высшихъ государственныхъ учрежденій при Александрѣ I и не только въ смыслѣ вліянія на административные вопросы, но и въ смыслѣ развитія законодательства, потому что Государственный Совѣтъ получилъ назначеніе обсуждать всѣ важнѣйшіе законодательные проэкты.

LXV ЛЕКЦІЯ.

Образованіе Государственнаго Совѣта важно въ двухъ отношеніяхъ: по отношенію къ администраціи и по отношенію къ законодательству. Въ первомъ смыслѣ, государственный совѣтъ былъ установленъ какъ учрежденіе, объединяющее дѣятельность отдѣльныхъ министерствъ, и въ этомъ смыслѣ министры назначены членами государственнаго совѣта. Съ другой стороны въ — смыслѣ законодательной дѣятельности, Государственный совѣтъ получилъ значеніе учрежденія, въ которомъ проэкты закона, предположенія за-

конодательнаго свойства отъ различныхъ министерствъ должны быть обсуждаемы, гдѣ должны быть разработываемы мотивы и соображенія, касательно каждаго проэкта; каждый проэктъ долженъ идти на всеподданнѣйшій докладъ и утвержденіе верховной власти. Въ томъ и другомъ отношеніи Государственный Совѣтъ кромѣ министровъ долженъ былъ состоять изъ лицъ, назначаемыхъ непосредственно отъ высочайшей власти. Уже это самое назначеніе, въ особенности назначеніе законодательное должно было вызвать устройство Государственнаго Совѣта въ смыслѣ общаго собранія и въ смыслѣ отдѣльныхъ частей или департаментовъ, которые отличались по спеціальности и разнородности предметовъ. Такимъ образомъ учрежденіе Государственнаго Совѣта должно было служить необходимымъ дополненіемъ къ учрежденію министерствъ, и къ тому новому значенію, которое получилъ Сенатъ, вслѣдствіе учрежденія министерствъ; но при учрежденіи министерствъ признано было необходимымъ, личное начало власти министра поставить также на ряду съ нѣкоторыми коллегіальными учрежденіями въ составѣ самыхъ министерствъ, но не въ смыслѣ власти, а въ смыслѣ простыхъ совѣщательныхъ учрежденій. Поводомъ къ этому устройству министерствъ было то обстоятельство, что по свойству каждаго рода дѣлъ проэктъ долженъ былъ получить начало въ средѣ отдѣльнаго какого нибудь министерства и, прежде внесенія его въ Государственный Совѣтъ онъ необходимо долженъ былъ подвергнуться обсужденію въ самомъ министерствѣ. Но обсужденіе совѣщательное немыслимо безъ учрежденія совѣтовъ и потому при каждомъ министерствѣ образованы совѣты. Общее начало было постановлено въ томъ смыслѣ, что подобно тому какъ Государственный Совѣтъ не имѣлъ никакой власти въ распоряженіяхъ, такъ точно и совѣтъ каждаго министерства не долженъ былъ имѣть никакого другого значенія, кромѣ только одного совѣщанія. Учрежденіе совѣта въ каждомъ отдѣльномъ министерствѣ не можетъ быть однако же понимаемо только для обсужденія проэкта закона, напротивъ совѣтъ при каждомъ министерствѣ съ самаго начала получилъ значеніе такого установленія, куда министръ можетъ передавать на обсужденіе

всякаго рода дѣла, которыя онъ считаетъ необходимымъ подвергать предварительному обсужденію прежде, нежели онъ издастъ какое нибудь распоряженіе. Съ этими дополненіями министерства получили въ 1810 и 1811 году окончательное свое устройство. Одною изъ основныхъ мыслей окончательнаго устройства въ 1811 году было два правила: во 1-хъ) нѣтъ никакихъ кромѣ м—въ высшихъ установленій, потому что эти посредствующіи установленія какъ указалъ опытъ, сочтены излишними. Затѣмъ во 2-хъ) министерства считать отдѣльными установленіями, не считать министерства чѣмъ то посредствующимъ между губерніями и Сенатомъ и вообще высшими учрежденіями, а считать министерства частями самаго сената, но частями, отдѣльно отъ него существующими на томъ основаніи, что министры суть члены сената. Такая мысль была положена въ учрежденіе министерствъ въ 1810 году. Соотвѣтственно этому по отношенію къ мѣстному управленію, т. е. по отношенію къ губерніямъ, министерства должны были замѣнить собою совершенно сенатъ. Губернскія учрежденія по закону не были изъяты отъ вѣдомства сената, а между тѣмъ основная мысль учрежденія министерствъ была та, чтобы не считать министерства посредствующими установленіями, а считать ихъ частями самаго сената. Въ силу этого произошло то, что сенатъ былъ лишенъ своего непосредственнаго административнаго вліянія на губернскія учрежденія. Понятно, что подобное постановленіе губернскихъ учрежденій подъ непосредственное административное начало должно служить значительнымъ усовершенствованіемъ по управленію дѣлъ государства. Затѣмъ министерства продолжаютъ дополняться во внутреннемъ ихъ устройствѣ и при этомъ внутреннее распредѣленіе основывалось на томъ же главномъ соображеніи, какъ и устройство самыхъ министерствъ. Дѣйствительно, одно изъ самыхъ главныхъ преимуществъ передъ прежними учрежденіями заключалось въ строгой соотвѣтственности каждаго рода дѣлъ спеціальному учрежденію. Министерства были раздѣлены на департаменты и каждый департаментъ министерства, въ маломъ видѣ, составлялъ ни что иное, какъ отдѣльное министерство, только болѣе спеціальное.

Министры, стоя во главѣ своего министерства, поставлены были подъ непосредственную отвѣтственность за порядокъ управленія и за дальнѣйшія усовершенствованія его. Такъ точно же предъ министромъ были поставлены въ личную отвѣтственность директоры департаментовъ и каждый департаментъ получилъ особый спеціальный родъ дѣлъ, которымъ онъ долженъ былъ завѣдывать. Вмѣстѣ съ учрежденіемъ министровъ, законъ далъ имъ значительную степень власти и при такой степени власти нужно было опредѣлить отчетность и отвѣтственность министровъ. Отчеты должны были составляться первоначально въ департаментѣ, потомъ они должны были переходить къ министру. Изъ важнѣйшихъ отчетовъ департаментовъ министерство должно было составлять общій отчетъ. Отчеты отъ всѣхъ министерствъ должны были поступать въ Государственный Совѣтъ, разсматриваться въ отдѣльныхъ департаментахъ Государственнаго Совѣта, и наконецъ, поступать на благоусмотрѣніе Верховной Власти. Значительная степень власти предоставлена министрамъ: имъ дано было право надзора за дѣйствіями подчиненныхъ лицъ, взысканіе съ подчиненныхъ имъ лицъ, въ случаѣ бездѣйствія или неправильнаго исполненія, удаленіе отъ должности, преданіе суду, въ случаѣ важныхъ преступленій, разрѣшеніе всякаго рода сомнѣній при примѣненіи закона, вообще при исполненіи дѣлъ. Но при этой обширной степени власти за министрами не признано никакой судебной власти, и этимъ закончилось на первый разъ отдѣленіе административной власти отъ судебной въ высшихъ государственныхъ установленіяхъ: министры имѣютъ право предать суду, но сами никакого непосредственнаго вліянія и участія въ судебной дѣятельности не имѣютъ. Дальнѣйшими наказами и учрежденіями по устройству министерствъ постепенно опредѣлялись различныя права, обязанности министерствъ и отношенія къ высшимъ государственнымъ установленіямъ. Въ исторіи законодательства въ особенности важно въ виду этихъ опредѣленій то право, которое было предоставлено министру: право представлять о необходимости новаго закона или учрежденія, право представлять о необходимости отмѣны стараго закона. Это

важное существенное право инициативы дано въ наказѣ; оно, впрочемъ, совершенно соотвѣтствовало съ высокимъ значеніемъ министерской должности: онъ, какъ глава отдѣльнаго управленія, какъ лицо, сосредоточивающее въ себѣ значительную степень исполнительной власти, не только управлялъ ввѣренною частью на основаніи существующихъ законовъ, но и заботился объ усовершенствованіи ввѣренной ему части управленія. Эти заботы объ усовершенствованіи находятся въ исторической связи съ идеями Петра, о которыхъ мы упоминали. Кромѣ предметовъ, требующихъ новаго устава или учрежденія, министрамъ предоставлено право представлять на разсмотрѣніе въ Государственный Совѣтъ различныя свои предположенія, касательно дополненій, существующихъ постановленій; министерствамъ также предоставлено право представлять о необходимости изъясненія или толкованія настоящаго смысла закона. Такимъ образомъ непосредственное участіе въ дѣлахъ законодательной дѣятельности предоставлено этимъ лицамъ, стоящимъ во главѣ управленія. Не менѣе важныя права были предоставлены министрамъ и въ общихъ дѣлахъ государственнаго внутренняго управленія; такъ общія внутреннія мѣры, чрезвычайныя мѣры, участіе въ совѣщаніи о важнѣйшихъ дѣлахъ государственныхъ при объявленіи войны, при заключеніи міра, при различныхъ другихъ, важныхъ внѣшнихъ мѣрахъ должны были подлежать предварительному обсужденію въ Государственномъ Совѣтѣ, гдѣ непосредственными членами были министры. Но при этомъ общемъ организованіи министерскихъ установленій, въ частности, каждое министерство отдѣльно получило одно за другимъ особое, какъ бы спеціальное устройство. Отсюда произошло слѣдующее: министерства устроились совершенно однообразно; они получили общее учрежденіе [1]), которое опредѣляло одинаковымъ образомъ значеніе министерствъ, департаментовъ и отдѣльныхъ установленій, находящихся при каждомъ министерствѣ; но потомъ, сохраняя это общее устройство, самая спеціальность того или другаго министерства вызывала необходимость кромѣ это-

[1]) 25 іюня 1811 г.

го общаго устройства издать нѣкоторые особенные уставы; въ этомъ отношеніи министерства получили отдѣльные наказы. Затѣмъ изъ той же причины происходило что въ составѣ министерствъ возникали нѣкоторыя перемѣны: отдѣльныя министерства соединялись вмѣстѣ или часть одного министерства отдѣлялась отъ него и получала со временемъ значеніе отдѣльнаго министерства. Новыя министерства, которыя образовались послѣ другихъ, образовались и существуютъ совершенно на одинаковыхъ началахъ: на началахъ однообразнаго министерскаго наказа. Различныя дѣла государственнаго вѣдомства или соединялись, или отдѣлялись, переходили въ нѣкоторыя части изъ одного министерства въ другое, но формы учрежденій остались одни и тѣже. Министерскія учрежденія нужно разсматривать, какъ дополненія и отчасти, какъ результаты губернскихъ учрежденій Екатерины II. Мы имѣли задачею прослѣдить и указать *послѣдствія* учрежденій Екатерины II и въ этомъ отношеніи разсматриваемъ министерскія установленія, какъ важнѣйшій результатъ преобразованій, сдѣланныхъ имп. Екатериною II. Съ изданіемъ общаго учрежденія министерствъ 25 іюня 1811 года были установлены: 1) Министерство Военное, 2) Морское, 3) Иностранныхъ дѣлъ, 4) Внутреннихъ дѣлъ, 5) Народнаго Просвѣщенія, 6) Финансовъ, 7) Юстиціи, 8) Полиціи, 9) Государственнаго Казначейства, 10) Государственный Контроль, 11) Главное Управленіе Путей Сообщенія, 12) Главное Управленіе Духовныхъ Дѣлъ разныхъ исповѣданій. Кромѣ развитія различныхъ учрежденій государственныхъ, періодъ новѣйшей исторіи права замѣчателенъ тѣми распоряженіями, которыя клонились къ приведенію нашего законодательства въ полную и стройную систему и положили основу его кодификаціи. Мысль Петра Великаго, осуществленіе которой онъ напрасно ожидалъ отъ Сената, затѣмъ рядъ коммиссій, учрежденныхъ въ различныя царствованія послѣ Петра Великаго постепенно подготовили выборъ матеріала, необходимаго для изданія систематическаго сборника законовъ. Дѣло это получило свое окончаніе въ царствованіе Императора Николая I. Общую характеристику этого царствованія можно выразить въ томъ, что съ

одной стороны въ царствованіе Николая I появляются различныя новыя государственныя учрежденія. Въ самомъ составѣ министерствъ появляются новыя министерства напр. Министерство Государственныхъ Имуществъ; каждое министерство, спеціально учрежденное, получаетъ подробные уставы. Съ другой стороны время Николая I весьма важно переработкою уголовнаго законодательства. Предположеніе объ изданіи особаго сборника уголовныхъ законовъ не ограничивалось одними мѣрами приведенія въ порядокъ существующаго: оно было затронуто гораздо болѣе, именно появилось Уложеніе о наказаніяхъ, которое, будучи составлено на основаніи сравнительной выборки изъ всѣхъ существующихъ въ новѣйшее время кодексовъ уголовныхъ законовъ, внесло въ наше законодательство много новыхъ юридическихъ воззрѣній, много новыхъ юридическихъ понятій, смягчило въ извѣстной степени систему наказаній и вообще дало такое важное и существенное направленіе уголовному законодательству, что съ этого времени нужно считать, по справедливости, новый періодъ въ развитіи нашего уголовнаго законодательства. Такимъ образомъ царствованіе Императора Николая I, въ общей системѣ развитія законодательства, представляетъ собою съ одной стороны дополненіе и продолженіе устройства учрежденій, начатыхъ еще въ предшествующее царствованіе; съ другой стороны оно представляетъ весьма важные успѣхи по отношенію къ кодификаціи всего законодательства и наконецъ по отношенію не ко всѣмъ но къ опредѣленнымъ отдѣламъ законодательства оно важно и въ смыслѣ внутренняго развитія права, такъ напр., въ отношеніи къ уголовному законодательству. Что касается до самыхъ общихъ мѣръ, до мѣръ касательно кодификаціи, то въ царствованіе Николая I появляется наконецъ полное собраніе законовъ россійской имперіи и систематическій сборникъ, основанный на выборѣ изъ полнаго собранія законовъ или, такъ называемый, сводъ законовъ. Появленіе этихъ сводовъ законовъ было въ высшей степени важно, потому что при многихъ учрежденіяхъ, при многихъ новыхъ уставахъ и наказахъ, развитіе законодательной дѣятельности должно было быть гораздо значительнѣе, противъ прежняго времени: уже одно право предоставленное министрамъ вно-

сить проэкты о предположеніи новыхъ законовъ и объ отмѣнѣ законовъ существующихъ, уже одно это право оставалось бы немыслимымъ по своему выполненію, если бы не было систематическаго сборника законовъ. Очевидно, нужно указать правила существующія, нужно указать неудобства примѣненія этихъ правилъ, нужно указать причины, которыя вызвали изданіе новыхъ правилъ, нужно указать послѣдствія отъ проэктируемыхъ правилъ. Но подобная работа, по составленію проэкта, не мыслима безъ составленія систематическаго сборника. При отсутствіи его могло случиться то, что министръ представлялъ бы ту мѣру, которая въ сущности имѣла уже существованіе на основаніи какого нибудь учрежденія. Затѣмъ, контроль надъ дѣйствіями различныхъ учрежденій, какъ высшихъ такъ среднихъ и нисшихъ составлялъ всегда существенную цѣль правительства, существенную заботу законодательства, но этотъ надзоръ могъ быть выполняемъ болѣе успѣшно только тогда, когда на лицо находились законы, когда всѣ уставы со всѣми дополненіями и прибавленіями были приведены въ полный порядокъ. Что правительство сознавало подобную потребность, это доказывается рядомъ коммиссій, существовавшихъ отъ Петра до Николая I. Съ другой стороны изданіе такихъ книгъ законовъ, въ которыхъ бы заключались такія постановленія, которыя имѣютъ обязательную силу, было необходимымъ какъ для дѣятельности правительственныхъ учрежденій, такъ и для дѣятельности частныхъ лицъ: вездѣ необходимо было прибѣгать къ справкамъ законовъ. Наконецъ изданіе книгъ законовъ важно и въ томъ отношеніи, что оно обусловливало успѣхи развитія дѣятельности судебно - практической; оно содѣйствовало также въ значительной мѣрѣ и успѣхамъ юридическаго образованія. Ко времени царствованія Николая I относятся и первыя, болѣе замѣчательныя, произведенія въ нашей юридической литературѣ. Однимъ словомъ, разработка отечественнаго законодательства могла быть производима съ большею успѣшностью тогда, когда на лицо были сборники законовъ, въ которыхъ были собраны и прежніе дѣйствующіе законы. Такимъ образомъ, время Николая I въ Исторіи Права, можетъ быть названо кодификаціонною эпохою. Подобно то-

му, какъ это время отличается кодификаціонными работами, нынѣшнее царствованіе Государя Императора составляетъ блестящую и незабвенную эпоху въ внутреннемъ развитіи Русскаго Права: освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, земскія учрежденія, судебная реформа съ различными ея послѣдствіями и примѣненіями и множество другихъ совершонныхъ и предположенныхъ еще для блага русскаго народа и для могущества Россіи реформъ ставятъ Имя нашего Царя-Освободителя выше всѣхъ именъ преемниковъ Петра Великаго, какъ въ Исторіи Россіи, такъ и въ Исторіи Русскаго Права. Народъ русскій понимаетъ благодѣянія нынѣшняго царствованія,—но юридическую важность послѣдствій крестьянской реформы, судебныхъ уставовъ и другихъ реформъ для внутренняго развитія успѣховъ нашего законодательства могутъ вполнѣ постигать только юристы. Послѣ общаго обзора, перейдемъ къ внѣшней Исторіи Права новѣйшаго времени. Въ основаніе какъ полнаго собранія, такъ и свода законовъ было положено правило располагать законы въ такомъ порядкѣ, чтобы съ большимъ удобствомъ и съ меньшею потерею времени можно было отъискать нужный законъ. Для перваго принята система хронологическая, для втораго основаніе систематическое. Такимъ образомъ, полное собраніе законовъ Россійской Имперіи совмѣщало законы, начиная съ Уложенія царя Алексѣя Михайловича до времени Императора Николая I. Второе собраніе законовъ должно было продолжиться по той же системѣ и такъ продолжается до настоящаго времени, заключая въ хронологическомъ порядкѣ законы отъ Императора Николая I и по настоящее время. Затѣмъ, изъ этого хронологическаго собранія нужно было приступить къ систематическому свѣдѣнію тѣхъ постановленій, которыя удержали свою силу, которыя не были замѣнены другими законами; это, такъ называемый, сводъ. Сначала появился общій сводъ, потомъ появляются подобные этому общему своду отдѣльные своды по отдѣльнымъ частямъ. Законодательство въ основу расположенія кодекса полагаетъ извѣстныя теоретическія соображенія. Такъ, непосредственное участіе при изданіи полнаго собранія и свода за-

коновъ принималъ графъ Сперанскій, человѣкъ, соединявшій съ высшимъ государственнымъ талантомъ и юридическое образованіе. Въ основу свода законовъ положено имъ распредѣленіе законовъ по научнымъ соображеніямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нѣкоторыхъ частностяхъ и подробностяхъ принято въ соображеніе и раздѣленіе вѣдомствъ или министерствъ, къ которымъ относятся тѣ или другіе уставы. Такимъ образомъ, сводъ представилъ размѣщеніе законовъ сообразно слѣдующимъ цѣлямъ: прежде всего цѣль практическая, которую сборникъ законовъ, имѣющій обязательную силу не могъ выполнить даже при самомъ изданіи, именно потому, что вслѣдъ за изданіемъ свода появились различные новые законы. Движеніе законодательства постоянно выражается въ различныхъ отмѣнахъ, дополненіяхъ и т. п. Слѣдовательно, первой цѣли сводъ не могъ удовлетворить и тотчасъ при своемъ изданіи, потому что вслѣдъ за нимъ появляются дополненія и продолженія. Другую цѣль, цѣль распредѣленія законовъ, принимая въ соображеніе различные уставы и различныя учрежденія или вѣдомства, къ которымъ они относятся, эта цѣль была достигнута сводомъ. Такъ мы видимъ совокупность въ одномъ мѣстѣ уставовъ относительно финансовъ, мы видимъ собраніе уставовъ гражданскихъ и пр. Подобно этому, каждая часть свода представляетъ совокупность болѣе или менѣе однородныхъ уставовъ, хотя это и не составляетъ общей характеристики свода: есть отдѣлы которыя представляютъ собраніе разнородныхъ частей. Что касается третьей цѣли, то при составленіи и распредѣленіи законовъ въ сводѣ, графъ Сперанскій положилъ начало этому распредѣленію, принимая въ соображеніе теоретическое распредѣленіе законовъ. Такъ сначала слѣдуютъ законы государственные, далѣе уставы, относящіеся къ дѣятельности административной, къ дѣятельности министерствъ, губернаторовъ и другихъ установленій. Сводъ въ этомъ отношеніи принесъ самую существенную пользу, потому что съ тѣхъ поръ, какъ онъ изданъ, каждое распоряженіе правительства и каждый приговоръ судебнаго вѣдомства указываетъ ту или другую статью свода, на которой основано то или другое распоряженіе, или тотъ или другой судебный приговоръ; это указаніе

статьи закона или указаніе самыхъ положеній закона, на которыхъ основано то или другое правительственное распоряженіе придало государственной дѣятельности совершенно новый характеръ, точный и вполнѣ соотвѣтственный съ требованіями правды. Это самое очевидное и самое ближайшее послѣдствіе, которое сводъ оказалъ своимъ изданіемъ.

LXVI ЛЕКЦІЯ.

Царствованіе Императора Николая I замѣчательно изданіемъ полнаго собранія законовъ и различныхъ сводовъ. Это значеніе въ внѣшней исторіи законодательства было выяснено уже въ самомъ началѣ курса. Обращаясь къ обозрѣнію полнаго собранія законовъ и различныхъ сводовъ, появляющихся въ нашемъ законодательствѣ со времени Николая I, укажемъ на важность значенія историческихъ работъ по составленію этихъ сборниковъ закона. Если вообще по отношенію къ каждому памятнику законодательства въ Исторіи Права важно вникнуть въ тѣ причины, которыя побудили къ изданію самаго закона, если драгоцѣнны въ Исторіи Права всевозможныя свѣдѣнія, касательно происхожденія какого либо памятника законодательства, объясняющаго его характеръ, его содержаніе, его систему, его послѣдствія на будущее развитіе законодательства, то всѣ эти соображенія нисколько неуменьшаются при изученіи значенія какого либо новѣйшаго сборника законовъ. Я хочу сказать только то, что мы должны относиться съ такою же внимательностью ко всей исторіи работъ по составленію сборника или свода законовъ, съ какой мы привыкли въ Исторіи Права обращаться только къ древнѣйшимъ памятникамъ законодательства, и именно наше вниманіе должно быть сосредоточено на слѣдующихъ предметахъ: мы должны вникнуть въ тѣ причины, почему, начиная съ Петра Великаго съ 1700 г. въ теченіи 126 лѣтъ до времени появленія полнаго собранія законовъ и сводовъ закона, отчего этотъ длинный рядъ коммиссій, начиная съ Петра не могъ окончить возложеннаго на него порученія? Мы не должны оставить безъ вниманія

работъ, которыя были сдѣланы по отношенію собранія и приведенія въ систему законовъ. Дѣятельность коммисій въ этомъ отношеніи весьма важна въ Исторіи Русскаго Права. Мы увидимъ, что нѣкоторыя изъ этихъ коммиссій, и большая часть ихъ, не имѣли успѣшныхъ результатовъ, но тѣмъ не менѣе нѣкоторыя коммисіи окончили хоть часть порученнаго имъ труда. Эти отдѣльныя части не остались безъ вліянія на послѣдующія работы. Такимъ образомъ, нельзя себѣ представлять дѣло собранія законовъ какъ бы внезапно возникшимъ и осуществившимся только въ царствованіе Императора Николая I: это дѣло подготовлялось болѣе, чѣмъ цѣлымъ столѣтіемъ. Это одна сторона изслѣдованія. Затѣмъ, съ другой стороны мы должны вникать въ тѣ предположенія, въ тѣ планы, тѣ цѣли, которыя имѣли эти коммиссіи въ продолженіи 126 лѣтъ. Съ одной стороны мы должны обратить вниманіе на то, что сдѣлали эти коммиссіи, съ другой стороны важно то, что онѣ имѣли въ виду сдѣлать. Эти предположенія коммисіи представятся намъ весьма замѣчательными съ той точки зрѣнія, что однѣ брали подобное дѣло въ слишкомъ широкихъ размѣрахъ; онѣ брали его, собственно говоря, не по своимъ силамъ: онѣ хотѣли создать уложеніе т. е. систему или усовершенствованный сборникъ законовъ по всѣмъ частямъ законодательства; это дѣло оказывалось сверхъ силъ, сверхъ тѣхъ средствъ и матеріаловъ которые находились въ распоряженіи коммиссіи. Другія коммиссіи имѣли въ виду задачу болѣе скромную: онѣ имѣли въ виду исправлять и дополнять существующее законодательство, онѣ имѣли въ виду привести существующее законодательство изъ массы разнородныхъ и не всегда извѣстныхъ положеній въ точную систему, хотя и не переработанную, хотя и противорѣчащую себѣ въ различныхъ постановленіяхъ закона, но тѣмъ не менѣе собранную для одной только очевидности; естественно и понятно, что и такая цѣль была важна, какъ 1-я степень для развитія системы законодательства, въ послѣдствіи. Къ этимъ двумъ цѣлямъ съ одной стороны направлена дѣятельность коммиссій, съ другой стороны нѣкоторые ихъ труды. Были еще и другія цѣли коммиссій: эти цѣли возникли вслѣдствіе безпрестанныхъ недостатковъ, об-

наружившихся въ самыхъ матеріалахъ, какъ при отысканіи ихъ, такъ и при дальнѣйшей разработкѣ его. Принимаясь создавать новыя уложенія или принимаясь за одно собраніе матеріаловъ, встрѣчали одно и тоже препятствіе — препятствіе въ недостаткѣ многихъ постановленій, пробѣлы во многихъ частяхъ права. Эти пробѣлы хотѣли дополнить заимствованіемъ изъ иностранныхъ законовъ. Эти заимствованія оказались совершенно безуспѣшными: прежде всего они явились во многихъ отношеніяхъ въ значеніи противорѣчій съ нашими законами; затѣмъ заимствованія оказались невыгодными и потому, что эти заимствованія были изъ разныхъ законодательствъ; послѣдовавшія еще большія попытки не привели ни къ какому результату, не смотря на то, что были учреждаемы коммиссіи правительствомъ именно съ этою цѣлью. Затѣмъ кромѣ такимъ образомъ соображеній тѣхъ цѣлей или плановъ, которыя имѣла въ виду та или другая коммиссія, весьма важно при изученіи исторіи появленія полнаго собранія и свода законовъ вникнуть въ самый способъ расположенія различнаго рода законовъ въ тѣхъ или другихъ частяхъ этихъ сборниковъ законовъ. Мы увидимъ изъ обозрѣнія этихъ постепенныхъ работъ, историческое подготовленіе, что въ основу такимъ образомъ приведенія законодательства въ полную и строгую систему было положенъ элементъ историческій; какъ полное собраніе, такъ и своды законовъ имѣютъ въ своемъ началѣ, въ своей основѣ начало *историческое*; самое появленіе полнаго собранія законовъ и самое созданіе изъ него сводовъ выведено по методу и порядку историческому. Эти три рода соображеній указываютъ уже намъ, что въ Исторіи Права мы не можемъ обойтись только одними фактами, указаніемъ на изданіе полнаго собранія законовъ и свода законовъ; мы должны именно въ Исторіи Права разобрать дѣятельность коммиссій по составленію законовъ, начиная съ Петра Великаго. Вслѣдствіе этого обратимся къ указанію труда и дѣятельности каждой коммиссіи, начиная съ Петра Великаго. Дѣятельность первой коммиссіи заключалась въ томъ, что, по порученію Петра Великаго въ 1700 г. собрались бояре, думные дворяне, стольники и дьяки, и въ этомъ собраніи, которое было названо па-

латою объ уложеніяхъ они должны были приступить къ собранію, всѣхъ дѣйствовавшихъ тогда законовъ въ соображеніи ихъ съ Улож. 1649 г. Дѣятельность этой первоначальной коммиссіи заключалась только въ томъ, что она составила свои замѣтки и соображенія на три первыя главы Уложенія и за тѣмъ дальнѣйшая дѣятельность этой коммиссіи оказалась совершенно безуспѣшною. Невидя успѣха дѣйствія этой коммиссіи Петръ Великій призналъ необходимымъ показать ей путь ея дѣйствія, именно въ 1714 г. было возложено на коммиссію согласить всѣ новоуказныя статьи съ содержаніемъ Уложенія и притомъ дополнить ихъ послѣдующими законами. Дѣятельность подобнаго рода была возложена на Сенатъ; Сенату было предоставлено право: только тѣ изъ статей, которыя могли служить дополненіемъ къ Уложенію включить въ самое Уложеніе. Коммиссія работала съ 1714 по 1718 г. и составила 10 главъ особаго сборника законовъ подъ названіемъ своднаго Уложенія. По содержанію сводное Уложеніе было ни что иное, какъ Уложеніе царя Алексѣя Михайловича съ добавкою къ каждой главѣ тѣхъ послѣдующихъ законовъ, которые вышли уже послѣ 1649 года. Однако же и это сводное Уложеніе было составлено невполнѣ: нѣкоторыя дополненія были упущены и этотъ трудъ 2-й коммиссіи остался безъ дальнѣйшей повѣрки, безъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія. При томъ и въ тѣхъ 10 главахъ, которыя составила коммиссія, оказалось, что это простое включеніе дополненій къ самому Уложенію не представляло системы сборника законовъ. Этотъ новый не успѣхъ навелъ на ту мысль, что нужно оставить этотъ первоначальный методъ включенія въ Уложеніе дополненій изъ послѣдующихъ законодательствъ. Въ 1720 г. была учреждена 3-я коммиссія, которой было вмѣнено въ обязанность оставить совершенно дѣло или работы по сводному Уложенію, недоводя ихъ до конца, а приняться за новую работу: дополнить Уложеніе 1649 г. и сочинить его вновь сводомъ шведскимъ и датскимъ уложеніемъ. Это порученіе съ перваго же раза представило слѣдующія препятствія: разнородныя законодательства, непонятный для составителей языкъ различныхъ иностранныхъ сборниковъ законовъ, недостатокъ самихъ свѣдущихъ людей, но болѣе всего существенное

различіе самаго содержанія иностранныхъ законодательствъ, имѣвшихъ свою особую исторію, имѣвшихъ свои источники такъ, какъ большею частью западныя законодательства, въ основаніи своихъ законовъ въ послѣдующемъ историческомъ развитіи, воспринимали начала римскаго права, у насъ же напротивъ начала римскаго права имѣли самую слабую степень примѣненія, а такъ какъ коммиссія, при сочиненіи новаго Улженія, не могла-же совершенно преобразовать вѣковыя, установившіяся юридическія отношенія, то дѣло это не могло предвѣщать, съ самаго начала, никакихъ благопріятныхъ результатовъ. Дѣйствія 3-й коммиссіи прекратились со смертью Екатерины I и даже послѣ этой коммиссіи не осталось никакихъ трудовъ, никакихъ письменныхъ работъ. Затѣмъ, въ 1728 г. была учреждена 4-я коммиссія, которой было поручено обратить ся снова къ первоначальнымъ работамъ т. е. къ составленію сводпаго Улож. и стараться нетолько его окончить, но и усовершенствовать, неприбѣгая однако же къ заимствованіямъ изъ иностранныхъ источниковъ; такъ какъ предъидущая коммиссія, работавшая, по составленію сводпаго Уложенія, сдѣлала уже часть изъ 10 главъ, то можно было надѣяться, что новая коммисія докончитъ этотъ трудъ; главное же затрудненіе заключалось въ томъ, что члены коммиссіи не могли знать нѣкоторыхъ мѣстныхъ постановленій и для этого предположено было вызвать со всѣхъ губерній по пяти депутатовъ отъ дворянства; однако же и эта коммиссія съ кончиною Петра Пущичтжена не успѣвъ и приступить къ дѣлу. Въ 1730 году дѣло было снова возобновлено съ учрежденіемъ 5-й коммиссіи. Она была названа коммиссіей уложенною. Самое названіе показывало, что назначеніе работъ должно было клониться къ окончанію первоначальныхъ работъ. Коммиссія принялась дѣйствительно за окончаніе Сводпаго Уложенія, но при этомъ оказалось, что и тѣ 10 главъ, которыя были составлены, значительно неполны по своему содержанію, тогда вмѣсто этой первоначальной работы коммиссія 1730 г. на первый разъ ограничилась обработкою нѣкоторыхъ частей законодательства, именно составлены проэкты касательно суда и касательно недвижима-

го имущества, или, такъ называемыхъ, вотчинъ. При составленіи этихъ проектовъ судебныхъ и въ отношеніи къ дѣятельности коммиссіи вообще усматривается, что даже въ этомъ ограниченномъ видѣ своихъ работъ, коммиссія встрѣчала значительныя препятствія: препятствія эти происходили отъ смѣшенія и неизвѣстности закона (какъ докладывала коммиссія) и слѣдовательно указывали на необходимость сборника. Такимъ образомъ, рядъ предыдущихъ коммиссій, неуспѣшныхъ въ дѣйствіяхъ, доказывали, наглядным образомъ, что прежде, чѣмъ сочинять новые законы, нужно собрать и привести въ извѣстность то, что уже существуетъ. На основаніи этого въ 1735 г. императрица Анна Іоанновна повелѣла прежде всего напечатать Сводное Уложеніе, какъ трудъ первоначальныхъ коммиссій, но при этомъ оказалось, что Своднаго Уложенія не было и нѣкоторыя главы его совершенно негодны. Затѣмъ, было поручено различнымъ коллегіальнымъ и нѣкоторымъ отдѣльнымъ учрежденіямъ, каждому, по своей части, собрать всѣ дѣйствующія подъ ихъ вѣдомствомъ законы, сдѣлать въ каждомъ вѣдомствѣ отдѣльный сводъ того, что уже существуетъ для того, чтобы изъ всѣхъ этихъ отдѣльныхъ частей можно было сложить одно цѣлое. Такимъ образомъ, мы видимъ, что дѣло работы общаго сборника получаетъ значеніе, какъ бы частныхъ порученій. Дѣло, по составленію общаго Уложенія раздробилось на дѣло составленія отдѣльныхъ частныхъ Сводовъ, предполагая затѣмъ собрать все это вмѣстѣ и составить одно Уложеніе. Мы видимъ, такимъ образомъ, какъ самая дѣятельность коммиссій постепенно, съ одной стороны, обнаруживала трудность предпріятія, съ другой стороны, указывала опытомъ дальнѣйшій путь ихъ дѣйствія. Повидимому, въ этомъ положеніи дѣлъ работа должна была подвигаться впередъ, такъ какъ она была раздроблена между всѣми существующими учрежденіями. Но на дѣлѣ выходило другое. Коллегіи были обременены управленіемъ текущихъ дѣлъ и различными преобразованіями. Затѣмъ, при этомъ занятіи коллегій обыкновенными дѣлами, на нихъ было возложено новое порученіе, которое не могло быть выполняемо ими въ успѣшности, такъ какъ они были заняты болѣе спѣшнымъ дѣломъ. Дѣла эти заставляли откладывать по-

рученіе — собиранія законовъ, на болѣе благопріятное время. Такимъ образомъ и дѣятельность этой коммиссіи оказывалась весьма ничтожною и коммиссія успѣла пересмотрѣть только 2 главы новаго Уложенія: вотчинную и судную подготовленные въ предыдущихъ коммиссіяхъ—но и эти главы въ отношеніи ихъ окончательнаго пересмотра и исправленія остались неоконченными. Въ 1741 г. коммиссія была закрыта и не оставила послѣ себя также никакихъ слѣдовъ своей дѣятельности. По закрытіи этой коммиссіи было опредѣлено, что нужно нетолько собрать и разобрать законы, но нужно отобрать законы недѣйствующіе или отмѣненные отъ тѣхъ, которые сохраняютъ еще свою силу. Обращено было особенное вниманіе на то, что сборникъ законовъ долженъ быть прежде всего сборникомъ такихъ постановленій, которыя имѣютъ силу и что первою и самою важною работою при собраніи законовъ должно быть различіе законовъ дѣйствующихъ отъ отмѣненныхъ. Съ 1741 по 1754 годъ этою разборкою занимался Сенатъ. Въ 1754 г. была учреждена коммиссія, которой однако же было поставлено на первый планъ неразработка прежняго, а сочиненіе вновь законовъ ясныхъ, всѣмъ понятныхъ и настоящему времени приличныхъ. Это слово сочинить сперва указывало на то, что, подобно одной изъ предыдущихъ коммиссій, предполагалось не собраніезаконовъ дѣйствующихъ, а составленіе новаго Уложенія. Этой коммисіи поручалось сочинить общее Уложеніе по дѣламъ судебнымъ, по дѣламъ уголовнымъ, по дѣламъ вотчиннымъ или имущественнымъ и законы о сословіяхъ людей въ государствѣ. Весьма важно обратить вниманіе на то, что разумѣли члены коммисіи подъ этими отдѣльными частями законодательства: такъ, подъ именемъ дѣлъ судебныхъ разумѣлось составить сборникъ законовъ касательно судопроизводства гражданскаго со включеніемъ въ него законовъ о договорахъ и о порядкѣ взысканія различныхъ убытковъ и ущербовъ; подъ именемъ дѣлъ вотчинныхъ предполагалось собрать законы о правѣ собственности, о имуществѣ движимомъ и недвижимомъ; подъ именемъ законовъ о состояніяхъ разумѣлось собраніе законовъ, опредѣляющихъ права и преимущества различныхъ классовъ людей, живущихъ въ государствѣ. Для боль-

шаго успѣха дѣло было распредѣлено между отдѣльными коммиссіями. Каждая коммиссія должна была выработать одинъ изъ подобныхъ сборниковъ законовъ. Труды этихъ частныхъ коммиссій должны быть пересмотрѣны въ общей коммиссіи а предположенія общей коммиссіи, — Сенатомъ. Такимъ образомъ былъ начертанъ планъ. Эта коммиссія окончила три части, порученной ей работы. Составленъ былъ сборникъ законовъ о судѣ, сборникъ законовъ уголовныхъ, сборникъ о правахъ состояній. Два первые сборника въ 1755 г. представлены были на одобреніе Сенату и Сѵноду. Въ общемъ присутствіи этихъ учрежденій, этотъ сборникъ былъ одобренъ и отправленъ на Высочайшее утвержденіе но утвержденія этого не послѣдовало и работы продолжались до 1760 г. Одна изъ причинъ, почему не были утверждены эти работы Высочайшею властью, заключалась въ томъ, что было предположено уже и въ это время созвать различныхъ депутатовъ изъ различныхъ частей имперіи и получить нѣкоторыя соображенія касательно проэкта новаго сборника законовъ. Другая причина, почему работы этой коммиссіи не были утверждены, заключалась въ томъ, что въ сборникѣ уголовныхъ законовъ были частыя указанія смертныхъ казней, которыя еще въ 1753 и 1754 г. Императрицею Елизаветою, хотя и не совсѣмъ были отмѣнены, но были пріостановлены. Эти два обстоятельства отчасти были причиною того, что работы коммиссіи, хотя невполнѣ оконченныя, не были утверждены. Къ этимъ причинамъ нужно присоединить еще и то, что нѣкоторыя части этихъ работъ, хотя и были одобрены Сенатомъ и Сѵнодомъ въ смыслѣ проэкта, но оказались неполными въ послѣдующее время. Такимъ образомъ дѣло утвержденія этихъ проэктовъ не состоялось. Съ 1756 г. коммиссія эта постепенно ослабѣваетъ въ своей дѣятельности, работы ея ограничиваются только собраніемъ сборника законовъ о состояніяхъ и, наконецъ коммиссія совершенно уничтожается въ 1760 г. Въ этомъ году Императрица Елизавета поручаетъ новой коммиссіи 7-й по порядку разсмотрѣть труды, предшествовавшихъ коммиссій, дополнить ихъ, подвергнуть новому пересмотру, а для того, чтобы пересмотръ этотъ былъ, какъ можно болѣе достовѣренъ и правиленъ, то, независимо отъ разсмотрѣнія его въ Сенатѣ и Сѵнодѣ,

назначена особенная коммиссія, въ которую приглашены депутаты отъ дворянъ духовенства и купечества. Въ 1762 г. депутаты были вызваны для засѣданія въ коммиссіи, но въ 1763 г. они были распущены и, такимъ образомъ, собранная 7-я коммиссія имѣла весьма кратковременное существованіе и не выразила ни въ чемъ своей дѣятельности. Въ 1767 г. была собрана 8-я коммиссія. Она отличалась отъ предыдущихъ нетолько обширностью своего состава, но еще болѣе тѣмъ, что въ основаніи работъ этой коммиссіи былъ данъ именно тотъ Наказъ Екатерины II о сочиненіи Уложенія о важности и значеніи котораго мы говорили въ своевремя. Кромѣ Наказа въ манифестѣ объ учрежденіи коммиссіи для составленія новаго Уложенія указаны были слѣдующія при чины: что въ дѣйствующемъ въ то время законодательствѣ есть недостатокъ въ законѣ на многіе случаи, и, напротивъ, излишество законовъ на другіе случаи, не различены законы непремѣнные отъ постановленій имѣющихъ характеръ временный. Первые должны быть различены отъ послѣднихъ». Наконецъ, Екатерина II указываетъ на то, что нѣкоторые законы прежняго времени должны быть совершенно отмѣнены, потому что они уже не соотвѣтствуютъ нравамъ и обычаямъ ея времени.

LXVII ЛЕКЦІЯ.

По указаніямъ манифеста, дѣйствующая коммиссія должна стараться объ устраненіи этихъ недостатковъ при сочиненіи новаго Уложенія. Такимъ образомъ, коммиссіи снова поручалось дѣло составленія новаго Уложенія, а не собраніе только законовъ дѣйствующихъ. Составъ коммиссіи былъ весьма обширенъ: депутаты отъ всѣхъ учрежденій, отъ дворянства, отъ городовъ, отъ сельскихъ обывателей—въ числѣ 565 человѣкъ должны были составлять общее собраніе, которое должно было повѣрить труды отдѣльныхъ коммиссій, между которыми были распредѣлены части работъ. Предполагалось всевозможные законы раздѣлить на 15 разрядовъ, объемлющихъ различныя части законодательства, исключая только законы, отно-

сившіеся къ военному и морскому вѣдомству. Число отдѣльныхъ коммиссій было соотвѣтственно этимъ разрядамъ. Каждая коммиссія получала назначеніе составить проэкты законовъ, по отдѣльнымъ частямъ законодательства. Кромѣ этихъ отдѣльныхъ 15 коммиссій, учреждена была особенная, еще отдѣльная коммиссія подъ названіемъ дирекціонной—коммиссіи для приданія единства этимъ отдѣльнымъ трудамъ и для ревизіи всѣхъ трудовъ, прежде обсужденія ихъ въ общемъ собраніи. Въ этой дирекціонной коммиссіи долженъ былъ предсѣдательствовать генералъ-прокуроръ; затѣмъ, коммиссія подъ названіемъ экспедиціонной—должна была заняться исправленіемъ самаго слога и выраженій въ законѣ; ей поручалось исключить всѣ излишнія, ненужныя выраженія и стараться о томъ, чтобы, по возможности, законъ былъ кратокъ; затѣмъ, особенная коммиссія подъ названіемъ коммиссіи Наказовъ должна была заняться составленіемъ инструкцій и руководительныхъ началъ для работъ по различнымъ частямъ проэктовъ; затѣмъ, коммиссія подъ названіемъ коммиссіи Сводовъ должна была заниматься собираніемъ прежнихъ законовъ, выписками и составленіемъ Сводовъ. Такимъ образомъ изъ трудовъ прежнихъ коммиссій, поручалось этой коммиссіи составить и собрать дѣйствовавшіе законы. На всѣ прочія коммиссіи возложено составленіе проэктовъ отдѣльныхъ частей законодательства. Коммиссія открыла свои дѣйствія въ Москвѣ въ 1767 г.; въ декабрѣ мѣсяцѣ того же года, общее собраніе коммиссій было распущено; остались въ дѣйствіи однѣ отдѣльныя коммиссіи, которыя принялись за разработку отдѣльныхъ проэктовъ законодательства Въ основаніе трудовъ каждой изъ этихъ отдѣльныхъ коммиссій положено было соображаться съ Наказомъ Императрицы, а также съ тѣми особенными инструкціями, которыя были даны депутатамъ отъ различныхъ присутственныхъ мѣстъ и отъ различныхъ сословій. Кромѣ этого въ видѣ вспомогательнаго матеріала при составленіи новыхъ проэктовъ, коммиссія Сводовъ должна была сообщать, въ каждую отдѣльную коммиссію, свѣденія о существующихъ законахъ. Дѣйствуя на этихъ основаніяхъ въ продолженіи 5 лѣтъ, коммиссіи успѣли составить, такъ называемые, планы, т. е. заглавія проэктовъ; въ сущности

они составляли оглавленіе тѣхъ будущихъ Сводовъ, т. е. тѣхъ новыхъ Уложеній, которые предполагалось составить; нѣкоторыя коммиссіи представили уже сочиненные по этимъ планамъ труды, во 1-хъ, представленъ былъ проэктъ объ училищахъ, о городскихъ и сельскихъ школахъ; во 2-хъ, представленъ и выработанъ былъ особенный проэктъ объ устройствѣ почтоваго вѣдомства; представлено было 45 главъ Новаго Уголовнаго Уложенія; представленъ особенный проэктъ объ устройствѣ полиціи отъ отдѣльной коммиссіи подъ названіемъ коммиссіи благочинія; затѣмъ составленъ проэктъ о правахъ семейственныхъ и проэктъ закона о состояніяхъ, а также проэктъ о дворянствѣ, о среднемъ или городскомъ состояніи и о нѣкоторыхъ особенныхъ классахъ лицъ, напр. о казачьемъ сословіи. Въ 1774 г., 8-я коммиссія была упразднена, всѣ отдѣльныя коммиссіи были закрыты, такъ какъ результатъ показалъ, что выработаны были только нѣкоторыя и немногія части новаго Уложенія. Такимъ образомъ на дѣлѣ оказалось, что опытъ составленія новаго Уложенія не можетъ быть такъ легко приведенъ въ исполненіе, какъ это предполагалось сначала. Этотъ неудачный опытъ—не первый уже, а повторенный въ дѣлѣ прежнихъ коммиссій, снова обратилъ на прежній путь, на путь составленія своднаго Уложенія. Въ концѣ 1796 г. вышелъ законъ, въ силу котораго учреждалась на слѣдующій 1797 г. 9-я коммиссія. Ей велѣно было собрать, всѣ существующіе законы и составить изъ нихъ Сборникъ Законовъ: одинъ по дѣламъ уголовнымъ, другой по гражданскимъ и 3-й по дѣламъ казеннымъ. Цѣль этого назначенія не сочинять Уложеніе, а только собирать дѣйствующіе законы и новая коммиссія названа коммиссіей для составленія законовъ, а не для сочиненія новаго Уложенія. Эта новая коммиссія состояла не изъ депутатовъ, а только изъ отдѣльныхъ членовъ подъ руководствомъ генералъ-прокурора. Коммиссія выработала проэктъ закона о судопроизводствѣ, разработала часть гражданскаго закона подъ именемъ устава о дѣлахъ вотчинныхъ и окончила часть проэкта законовъ уголовныхъ, но такъ какъ каждая изъ этихъ частей представлялась неоконченною, то эти части работъ остались безъ разсмотрѣнія оффиціальнаго, хотя впослѣдствіи онѣ при-

несли свою пользу, именно онѣ вошли въ работы при составленіи Свода. 10-я коммиссія была учреждена въ 1804 г. при Императорѣ Александрѣ I, и дѣятельность этой коммиссіи была поставлена подъ надзоръ министра юстиціи. Для исполненія работъ, возложенныхъ на коммиссію были учреждены совѣтъ и 3 экспедиціи и кромѣ того коммиссіи должно было содѣйствовать министерство юстиціи; директоръ и члены назначались по высочайшему повелѣнію. Въ 1810 г. при образованіи Государственнаго Совѣта, коммиссія была поставлена въ зависимость отъ этого учрежденія и получила подробную инструкцію для производства работъ. Работы этой коммиссіи должны были ограничиться составленіемъ 3-хъ отдѣльныхъ Уложеній: гражданскаго, уголовнаго и торговаго. По этимъ 3-мъ отдѣльнымъ частямъ работая съ 1804 г. по 1826 г., коммиссія успѣла составить части отдѣльныхъ проэктовъ, именно изъ гражданскаго Уложенія она выработала отдѣльныя три части касательно правъ имущественныхъ и проэктъ закона о судопроизводствѣ, по торговому Уложенію была выработана одна часть касательно торговыхъ сдѣлокъ и обязательствъ; изъ уголовнаго Уложенія были выработаны три отдѣльные проэкта касательно классификаціи или раздѣленія преступленій; выработанныя части были вообще отданы на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта но разсмотрѣніе остановилось на томъ, что эти части, такъ какъ онѣ не составляютъ полнаго гражданскаго Уложенія, не могутъ быть обсуждаемы до совершеннаго окончанія цѣлаго Уложенія. Кромѣ того, Государственный Совѣтъ въ 1815 г., при вторичномъ разсмотрѣніи всѣхъ составленныхъ коммиссіей проэктовъ, нашелъ, что новое Уложеніе нельзя разсматривать и обсуждать, неимѣя полнаго Свода прежде существующихъ законовъ, а такъ какъ Свода этого еще не было, то въ коммиссію возвращены, представленные проэкты для дальнѣйшаго ихъ окончанія. Кромѣ этихъ работъ предприняты были въ коммиссіи еще отдѣльныя слѣдующія работы, весьма замѣчательныя для насъ въ настоящемъ случаѣ. На коммиссію была возложена обязанность составить родъ теоретическаго введенія подъ названіемъ — Основанія Права для того, чтобы впослѣдствіи это могло служить разъясненіемъ при составленіи и расположеніи сборника

законовъ, такъ и для того, чтобы это могло служить пособіемъ для изученія юридическихъ наукъ. Въ 1-й разъ, такимъ образомъ, на оффиціальное учрежденіе было возложено составленіе учебной юридической книги. Коммиссія въ отношеніи къ этому предмету ограничилась составленіемъ нѣсколькихъ главъ. Затѣмъ отдѣльныя работы возложенныя на эту коммиссію заключались въ томъ, что независимо отъ собранія матеріаловъ для сборника общихъ законовъ возложено было на коммиссію собрать законы, дѣйствующіе въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи: такъ было поручено собрать и привести въ порядокъ законы остъ-зейскаго края и нѣкоторыхъ другихъ частей имперіи. Изъ этого обозрѣнія дѣйствій коммиссій, мы видимъ, что главныя работы, возлагаемыя на эти учрежденія, могутъ быть сведены къ 3-мъ главнымъ родамъ дѣятельности, во 1-хъ, къ собранію законовъ, во 2-хъ, къ составленію Сводовъ и въ 3-хъ, къ сочиненію новаго Уложенія. Что касается до собранія законовъ, то въ этомъ дѣлѣ трудилась каждая коммиссія. Каждая коммиссія обыкновенно съ того и начинала свои труды, что заботилась о собраніи законовъ, но этимъ-то самымъ и доказывалось, что необходимо нужно было имѣть, прежде всего, собраніе законовъ. При самомъ собраніи законовъ представлялись значительныя затрудненія; прежнихъ указовъ было весьма мало, большая часть законовъ хранилась въ формѣ рукописной. Канцеляріи были въ своемъ устройствѣ неисправны; указы находились въ тѣхъ учрежденіяхъ, къ которымъ они относились, но если законъ относился къ нѣсколькимъ вѣдомствамъ, то они оставались въ одномъ учрежденіи, а другія вѣдомства, разумѣется, его не имѣли. Итакъ одинъ изъ главныхъ недостатковъ къ собранію законовъ заключался въ томъ, что не было хранилища законовъ, гдѣ бы общіе законы были собраны. Нераньше, какъ въ 1802 г. послѣдовало распоряженіе, чтобы всѣ отдѣльныя учрежденія и должностныя лица представляли въ Сенатъ со всѣхъ указовъ копіи.

Такимъ образомъ, только сначала нынѣшняго столѣтія было устранено неудобство въ отношеніи самаго сохраненія законовъ. Вторая часть работъ, т. е. составленіе Сводовъ, также занимала почти всѣ коммиссіи, даже тѣ коммиссіи, которыя имѣли

главнымъ своимъ предметомъ сочинить новое Уложеніе занимались, прежде всего, собраніемъ и по возможности приведеніемъ въ систематическій порядокъ того, что уже было; но, по самому различію цѣлей коммиссій, онѣ имѣли 2 совершенно разнородныя понятія о Сводахъ: однѣ коммиссіи подъ именемъ Свода разумѣли ничто иное, какъ сводное Уложеніе, т. е полный сборникъ законовъ, въ которомъ бы Уложеніе 1649 г. занимало главное мѣсто, а всѣ прочія, послѣдующія должны были быть приноровлены къ нему въ смыслѣ поясненій, примѣненій и дополненій. Весьма понятно, что подобный взглядъ былъ совершенно ложенъ: Уложеніе 1649 г. не могло остаться послѣ преобразованій Петра Великаго такимъ главнымъ элементомъ, какого бы то ни было Свода, лучше было ставить въ основаніе уставы и регламенты Петра Великаго. Но большая часть коммиссій понимала подъ Сводомъ ничто иное, какъ приноровленіе всего послѣдующаго къ Уложенію 1649 г. Имѣя такой взглядъ на дѣло, коммиссія задавала себѣ весьма трудную работу: она не ограничивалась распредѣленіемъ новыхъ законовъ между тѣми частями Уложенія, которые могли служить основаніемъ, но она недоумѣвала, какимъ образомъ согласить это съ тѣми законами, которые находились въ различныхъ главахъ Уложенія 1649 г. Другія коммиссіи разумѣли подъ Сводомъ только простыя какъ бы выписки, извлеченныя изъ всевозможныхъ дѣйствующихъ законовъ, которыя должны были служить только пособіемъ къ составленію новаго Уложенія и въ этомъ смыслѣ подобныя извлеченія могли принести дѣйствительную пользу, но такъ какъ полнаго собранія законовъ не было, слѣдовательно и подобныя извлеченія не могли быть осуществимы; между прочимъ и это объясняетъ одну изъ причинъ замедлявшихъ успѣхъ дѣла. Затѣмъ, что касается работъ по составленію новаго Уложенія, то въ этомъ отношеніи всѣ попытки коммиссій не представляютъ ничего болѣе, какъ только первоначальный опытъ, какъ попытку какого либо проэкта, но не самый проэктъ. Въ 1754 году являются, въ первый разъ, дѣйствительно 2 первые оконченные проэкта новаго Уложенія, изъ которыхъ одинъ заключаетъ въ себѣ судопроизводство, а другой дѣла уголовныя. Затѣмъ съ этого

времени въ дѣятельности другихъ коммиссій встрѣчается составленіе отдѣльныхъ проэктовъ новаго Уложенія. Нужно сказать, что всѣ эти проэкты весьма слабы: они представляютъ только первоначальное предначертаніе, которое именно, по своей очевидной неполнотѣ, по своимъ противорѣчіямъ не удостоивалось даже и въ то время обсужденія и большею частью не было утверждено. Изъ всѣхъ проэктовъ одинъ только касающійся законовъ о состояніи лицъ въ государствѣ нѣсколько полнѣе, совершеннѣе и болѣе систематиченъ, онъ принесъ свою пользу; онъ былъ принятъ въ соображеніе при составленіи жалованной дворянской грамоты и городоваго положенія. Такимъ образомъ, единственно на этомъ одномъ проэктѣ, мы можемъ остановиться и сказать, что дѣятельность коммиссій не осталась безплодною и не безъ послѣдствій на самое законодательство, такъ какъ жалованная грамота и городовое положеніе появились ничѣмъ инымъ, какъ осуществленіемъ этого проэкта. Затѣмъ съ уничтоженіемъ коммиссій 1767 г., попытки и мысли о сочиненіи новаго Уложенія, по всѣмъ частямъ законодательства, совершенно прекращаются, и дальнѣйшія коммиссіи сосредоточиваютъ свою дѣятельность на Собраніи Законовъ и стремленіи дополнить недостающія части законодательства отдѣльными постановленіями. Такимъ образомъ, мы видимъ, что мысль, о приведеніи законовъ въ одинъ сборникъ, составленіи и распредѣленіи ихъ по предметамъ для удобства ихъ изученія и практическаго примѣненія была постоянною заботою. Наше законодательство развивалось совершенно самобытнымъ путемъ и не удивительно, что на западѣ Европы легче было составлять какой либо сборникъ законовъ, потому что оставалось прилагать выработанную систему римскаго законодательства къ отдѣльнымъ частямъ, наше законодательство въ этомъ отношеніи имѣло особенное положеніе. Всѣ матеріалы, всѣ источники для своей полноты, для своего систематическаго единства и расположенія, оно должно было заимствовать изъ самого же себя. Затѣмъ, въ дѣятельности коммиссіи встрѣчаемъ мы и попытки не ограничиться составленіемъ проэкта, а составить теоретическое Уложеніе. Эти первоначальныя попытки весьма важны—впослѣдствіи онѣ получили свое полное осуществленіе при

графѣ Сперанскомъ, который построилъ и расположилъ изданіе Свода законовъ на основаніи теоретическихъ и юридическихъ соображеній при Императорѣ Николаѣ I. Въ то время, когда коммиссіи трудились одна за другою съ различнымъ характеромъ своей дѣятельности, съ различными послѣдствіями своей дѣятельности, законодательство шло впередъ, число законовъ становилось громаднымъ и тѣмъ болѣе возникали затрудненія въ самомъ ихъ распредѣленіи, въ самомъ первоначальномъ ихъ собраніи. Едва коммиссіи успѣвали выработать какой либо проэктъ закона, оказывалось необходимымъ принять въ соображеніе и вновь появившіеся законы; въ такомъ положеніи дѣло находилось до 1826 г. Съ этого года оно значительно было подвинуто впередъ: именно Высочайшимъ указомъ 1826 г. Императоръ объявилъ, что дѣло объ изданіи свода онъ принимаетъ подъ непосредственное свое попеченіе; исполнителемъ этого назначенъ былъ графъ Сперанскій. Онъ долженъ былъ воспользоваться матеріалами всѣхъ прежнихъ коммиссій и составить новый планъ работъ; чтобы привести это въ исполненіе, онъ принялся за дѣло въ слѣдующемъ порядкѣ: онъ прежде всего поставилъ себѣ задачу и выработалъ ее; затѣмъ сообщивъ распредѣленіе существа дѣла, Сперанскій составилъ прежде общее раздѣленіе закона, на основаніи этого онъ предначерталъ сначала работы предварительныя и затѣмъ предположилъ работы окончательныя. Что касается до самаго существа дѣла, то Сперанскій изъ неудачи трудовъ прежнихъ коммиссіей вывелъ, что вся дѣятельность коммиссій клонилась или вращалась между 2-мя положеніями—составитъ новое Уложеніе и составить Сводъ Уложенія подъ именемъ Своднаго Уложенія, гдѣ разумѣлся только Сводъ Законовъ существующихъ, съ исключеніемъ всего недѣйствующаго, но безъ общихъ измѣненій въ существѣ закона. Подъ именемъ своднаго Уложенія различныя коммиссіи разумѣли Сводъ Законовъ существующихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ дополненныхъ и значительно измѣненныхъ. Онъ представилъ Императору Николаю I, что можно выбрать ту или другую систему. Избрана была система составленія Свода Законовъ дѣйствующихъ безъ всякихъ перемѣнъ, т. е. безъ всякаго своевольнаго принаровленія или

примѣненія въ смыслѣ закона для того, чтобы сохранить силу закона вполнѣ т. е., измѣняя ихъ только на основаніи послѣдующихъ узаконеній, а не предоставляя редакторамъ или членамъ коммиссіи перемѣнять законъ по различнымъ своимъ соображеніямъ. Затѣмъ—рѣшено было приступить къ составленію Свода слѣдующимъ образомъ: составить Сводъ, во 1-хъ посредствомъ выписокъ, выписки должны были состоять изъ разныхъ законовъ; онѣ должны были быть или частными или общимъ матеріаломъ; дѣлъ судебныхъ и административныхъ тогдашняго времени, гдѣ по отношенію къ каждому дѣлу, приводилась въ основаніе буква закона; рѣшено было воспользоваться этими выписками и составить систематичные своды. Затѣмъ предположено было кромѣ этихъ сводовъ составить своды или такъ называемые комментаріи; въ нихъ должно было излагаться общее значеніе какой либо части законодательства или отдѣльнаго предмета и должна быть указана связь между однородными постановленіями. Въ примѣръ подобныхъ комментарій были указаны институты и различныя другія комментаріи иностранныхъ законодательствъ. Признано было при самомъ составленіи подобныхъ комментарій, что онѣ должны имѣть весьма важное вліяніе въ послѣдующее время, какъ при примѣненіи закона, такъ и при изученіи его. Кромѣ этихъ комментарій составлены Своды посредствомъ однихъ только указаній времени и предметовъ, которые относятся къ различнымъ частямъ законодательства; для того чтобы составить ихъ въ алфавитномъ порядкѣ и можно было находить съ каждымъ терминомъ указаніе на всевозможные законы, существующіе въ отношеніи къ данному предмету. Въ подобныхъ алфавитныхъ указателяхъ, Сперанскій указывалъ на различныя иностранные указатели въ этомъ родѣ; пользуясь большею частью указаніями практики и опыта рѣшено было при составленіи Свода прежде всего составить историческое введеніе къ нему и затѣмъ расположить законы, прежде всего, въ хронологическомъ порядкѣ. Полное собраніе законовъ должно было удовлетворить только первоначальной цѣли, а именно: оно должно было служить какъ бы хранилищемъ законовъ, такъ какъ всевозможные законы должны были быть въ немъ изданы и съ

другой стороны должно было служить матеріаломъ для послѣдующихъ законовъ. Такимъ образомъ этими соображеніями было опредѣлено самое существо дѣла. Сводъ долженъ былъ быть по мысли Сперанскаго общимъ составомъ закона и въ этомъ значеніи онъ долженъ былъ обнимать всѣ части законодательства во всей ихъ совокупности. Затѣмъ, Сводъ не могъ быть, по предположенію Сперанскаго, никогда законченнымъ; законодательство дальнѣйшимъ своимъ движеніемъ должно было принять тѣже самыя систематическія формы. Слѣдовательно изданіемъ Свода выполнились только 2 цѣли работы. Нужно было положить основаніе къ тому, чтобы послѣдующій законъ собирался въ той же систематической связи и составилъ бы продолженіе и дополненіе къ Своду въ распредѣленіи, на основаніи той же самой системы. Наконецъ, весьма важно соображеніе Сперанскаго касательно самаго распредѣленія закона: онъ считалъ необходимымъ каждую часть законодательства отдѣлить отъ другой части; законы гражданскіе различить и помѣстить отдѣльно отъ законовъ уголовныхъ и прочихъ частей законодательства, указывая однако же въ различныхъ мѣстахъ отдѣльныхъ сборниковъ закона взаимныя ссылки, взаимныя указанія. Сверхъ того, Сперанскій не упускалъ изъ виду и того соображенія, что законъ долженъ былъ быть не только сборникомъ законовъ, но онъ долженъ быть также удобною справочною книгою, при примѣненіи законовъ въ различныхъ присутственныхъ мѣстахъ и судебныхъ учрежденіяхъ. И такъ, мы видимъ, что существо дѣла, какъ его понялъ Сперанскій, было понято имъ со всѣхъ сторонъ; затѣмъ при исполненіи этого дѣла, прежде всего, представлялась масса отдѣльныхъ актовъ или документовъ, въ которой до изданія полнаго Собранія Законовъ заключался также матеріалъ законодательства. Сперанскій говоритъ, что лѣножество отдѣльныхъ указовъ подлежали исторической разработкѣ въсмыслѣ матеріала для составленія полнаго Собранія Законовъ. Значительная часть изъ нихъ, конечно, была измѣнена или дополнена. Этотъ избытокъ матеріала представилъ трудность въ его согласованіи. Хронологическая система была принята, какъ самая лучшая. Въ этомъ хронологическомъ порядкѣ полнаго Собранія было важное достоинство,

но имъ нельзя было ограничиться. Нужно было къ этому полному Сборнику Законовъ присоединить еще алфавитныя указанія. Такимъ образомъ, 1-я часть работы, т. е. изданіе полнаго собранія законовъ появляется въ видѣ сборника хронологическаго съ присоединеніемъ къ нему алфавитнаго указателя.

LXVIII ЛЕКЦІЯ.

При исполненіи работъ по составленію свода законовъ, по плану Сперанскаго, было принято въ соображеніе нетолько составлять сборникъ законовъ, но при этомъ по возможности включать въ него необходимыя поясненія и дополненія по различнымъ дѣламъ. Кромѣ того весь сводъ предположено было составить изъ совокупности частныхъ сводовъ, составляя въ каждой части законодательства отдѣльные уставы на основаніи прежнихъ законовъ съ дополненіемъ. Что касается до поясненій законовъ, то, очевидно, они во всякомъ законодательствѣ необходимы. Никакое законодательство при изданіи какого либо свода не можетъ въ одинъ разъ опредѣлить всевозможныхъ случаевъ, но когда идетъ работа съ цѣлью нетолько приведенія ихъ въ порядокъ, но и усовершенствованія, тогда необходимо включать эти поясненія и дополненія. Затѣмъ подобное соображеніе принято нетолько въ отношеніи содержанія самого свода, но и въ отношеніи къ дальнѣйшимъ законамъ, которые должны бы были явиться и послѣ изданія свода. Главное соображеніе въ томъ и другомъ случаѣ заключалось въ томъ, чтобы собрать, безъ исключенія, всѣ законы чтобы сила какого либо закона не затерялась въ этой массѣ матеріала, чтобы не утратилась она безъ отмѣны. Но при исполненіи этого дѣла представлялись значительныя трудности въ томъ смыслѣ, что составныя части одного и того же закона были раздѣлены по всему пространству иногда столѣтія, иногда нѣсколькихъ вѣковъ. Нужно было искать однородныя постановленія въ различныхъ предшествующихъ законахъ Иногда однородный законъ по началу своему находился въ Улож. 1649 г., затѣмъ подробности въ другихъ Уставахъ. Все

это поясняетъ намъ, что дѣло составленія свода не было однимъ просто механическимъ собраніемъ законовъ, но составныя части одного и того же закона отыскивались по всему пространству цѣлаго законодательства. Затѣмъ, что касается частныхъ сводовъ или уставовъ, то и въ этомъ отношеніи нужно было установить редакціонной коммиссіи точку зрѣнія на значеніе этой формы закона. Уставъ, кромѣ своего общаго значенія долженъ былъ заключать въ себѣ указанія и на тѣ новѣйшія перемѣны, которыя послужили причиною къ введенію новыхъ законовъ. Однако же этого соображенія нужно было бояться въ большомъ размѣрѣ, еслибы въ уставъ положено было включать тѣ мотивы или предположенія, которыя послужили поводомъ къ изданію новыхъ постановленій, тогда текстъ закона вмѣсто его краткости обратился бы въ излишнюю многосложность и самыя разсужденія, какъ мотивы могли повлечь сомнѣнія въ томъ, не заключаютъ ли они силы закона. Однако по существу дѣла они должны были показать тѣ причины, которыя побудили правительство къ изданію свода или устава. Такимъ образомъ, чтобы не впадать въ ту или другую крайность положено было, чтобы каждый уставъ начинался нѣкоторыми общими постановленіями, которыя, имѣютъ силу закона, а потому и будучи кратки, тѣмъ не менѣе не заключали бы въ себѣ содержаніе частнаго постановленія, но составляли бы руководящее начало для всего устава. При этихъ то работахъ и возникла мысль о томъ, что въ каждой части законодательства, сводъ не можетъ быть разсматриваемъ, какъ ни совершенна будетъ его система, какъ законченная или послѣдняя форма усовершенствованія. Сознана была необходимость въ каждой части законодательства, въ послѣдствіи времени приступить къ составленію не Свода, а Уложенія въ смыслѣ уже новѣйшаго Устава. Первая попытка въ этомъ родѣ, какъ мы увидимъ, отразилась наиболѣе на законахъ уголовныхъ. При самомъ составленіи Свода указана была необходимость дальнѣйшаго усовершенствованія отдѣльныхъ частей законодательства въ формѣ Улож. и впослѣдствіи соотвѣтственно этой мысли и появилось Улож. о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. Затѣмъ, при составленіи Свода

было принято въ соображеніе и то обстоятельство, что въ этомъ отношеніи русское законодательство находилось въ болѣе трудной обстановкѣ, нежели законодательство западно-европейскихъ государствъ: на западѣ легко было составлять Улож. нетолько по уголовнымъ законамъ, но и по различнымъ другимъ частямъ законодательства, легко было потому, что юридическая литература тамъ находилась въ значительномъ развитіи, да и сверхъ того въ большей части западно-европейскихъ законодательствъ основа ихъ заключалась въ римскомъ правѣ, а оно имѣло уже давно свои выработанные сборники законовъ, которые соотвѣтствовали нашему Своду Законовъ, слѣдовательно имѣя уже Сводъ и съ помощью богатой юридической литературы легче было приступить къ составленію отдѣльныхъ частныхъ Улож. У насъ не было ни того, ни другаго. Даже въ эпоху изданія Свода Законовъ наша юридическая литература представляла чрезвычайную скудость. Одно изъ обстоятельствъ, загражданшихъ успѣхъ нашей юридической литературы заключалось въ томъ, что не было у насъ достаточно полныхъ сборниковъ законовъ. Это поясняетъ тотъ фактъ, что съ изданіемъ свода законовъ и наша юридическая литература дѣлаетъ значительный успѣхъ: матеріалъ былъ готовъ, оставалось приступить къ окончательной его обработкѣ. Кромѣ того при изданіи свода законовъ была принята въ соображеніе вся важность его для практическаго примѣненія. Нетолько въ приговорахъ судебныхъ учрежденій, но и во всей администраціи до изданія его имѣли силу руководства и пособія различныя частные и рукописные сборники законовъ. Они были ничѣмъ инымъ, какъ результатомъ собиранія законовъ отдѣльными какими либо лицами ради частной своей цѣли; но эти сборники представлялись чрезвычайно различными по своему содержанію, составленные по различнымъ планамъ и по различнымъ системамъ, а самый главный ихъ недостатокъ заключался въ томъ, что они ни въ какомъ случаѣ не могли быть полными. Эти соображенія вмѣстѣ съ другими навели на мысль редакціонную коммиссію сначала издать строгое хронологическое собраніе всѣхъ законовъ безъ исключенія, затѣмъ, одновременно съ нимъ приступить къ изданію Свода.

Само собой разумѣется, что при изданіи свода было положено исключить изъ него всѣ законы, потерявшіе свою силу вслѣдствіе отмѣны или замѣны ихъ другими постановленіями. Затѣмъ, было обращено особенное вниманіе на то, чтобы, по возможности, сократить самое содержаніе законовъ, исключая изъ нихъ всевозможныя повторенія и соображаясь съ тѣмъ, чтобы вмѣсто многихъ однородныхъ постановленій, въ сущности заключающихъ въ себѣ одно и тоже правило, извлечь въ сводъ одно какое либо самое полнѣйшее. Такимъ образомъ на сводъ нельзя смотрѣть какъ на простую выписку изъ полнаго собранія законовъ только того, что сохранило свою силу, что не было отмѣнено, напротивъ, большая часть его постановленій представляется результатомъ переработки въ томъ смыслѣ, что изъ нѣсколькихъ постановленій, хотя относящихся къ различнымъ эпохамъ выбрано только одно правило, наиболѣе точнымъ образомъ опредѣляющее сущность. Но съ другой стороны редакторамъ нельзя было предоставить право составлять законъ въ наиболѣе общепонятныхъ выраженіяхъ, нужно было, по возможности, сохранить слово закона, и дѣйствительную его сущность должно было относиться съ уваженіемъ къ его тексту, и сохранить историческую силу закона не только въ его содержаніи, но и въ самыхъ его словахъ. Вотъ почему, Сводъ не долженъ былъ отличаться какими либо научными выраженіями но онъ долженъ былъ сохранить древность текста. Въ силу этихъ соображеній редакціонная коммиссія должна была принять слѣдующія положенія: тѣ старые законоположенія, которыя основаны на разнородныхъ источникахъ—излагать самими словами этихъ постановленій, какъ бы они не были древни. Тѣ постановленія, которыхъ нѣтъ въ предшествующихъ законахъ, извлекать изъ мотивовъ, изъ объясненій, которыя заключаются въ самомъ законѣ. Въ случаѣ разнородности нѣкоторыхъ постановленій, хотя и относящихся къ одному и тому же предмету, излагать смыслъ закона въ томъ видѣ, какъ онъ представляется при общемъ ихъ сличеніи, не выбирая однако же одного какого либо текста, а излагать его по существу какъ онъ представляется. Наконецъ, для того, чтобы сводъ былъ не работою только редакторовъ, а конечнымъ резуль-

татомъ всего историческаго развитія законодательства, было положено подъ каждымъ закономъ обозначать съ точностью указы и постановленія, изъ которыхъ статья составлена. Въ этомъ смыслѣ, нѣкоторые статьи имѣютъ въ цитатѣ только одинъ какой либо указъ — это значитъ, что статья взята цѣликомъ; нѣкоторыя статьи представляютъ въ цитатѣ указаніе на цѣлый рядъ указовъ, изъ которыхъ она составлена. Эти указанія, эти цитаты весьма важны для историческаго изслѣдованія. Каждая статья Свода указываетъ, такимъ образомъ, не только самый древній моментъ происхожденія закона, но и послѣдующія его дополненія и развитіе. Но однако же нельзя разсматривать сводъ такимъ образомъ, что для историческаго воспроизведенія какого либо постановленія, заключающагося въ сводѣ достаточно только извлечь указанные въ цитатѣ указы и этимъ составить полное историческое изложеніе. Такой пріемъ исторической работы былъ бы весьма ошибоченъ: онъ представилъ бы только происхожденіе, отрывочное дополненіе одного и того же закона, но онъ не указывалъ бы всѣхъ перемѣнъ и историческихъ переходовъ одного и того же постановленія. Назначеніе Свода заключалось не въ томъ, чтобы въ отношенін къ каждому закону помѣстить всѣ указы, въ которыхъ мысль этого закона проходила. Такимъ образомъ, изъ цитатъ мы можемъ узнать постепенное дополненіе Свода Законовъ, но не узнаемъ тѣхъ перемѣнъ, временныхъ отмѣнъ, которыя входятъ въ составъ исторіи закона. Мы остановились на этомъ тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ произведеній нашей юридической литературы были составлены съ помощью такого рода работъ. Они естественно оставляютъ значительные пробѣлы въ историческомъ развитіи какой либо части законодательства. Конечно, подобный пріемъ работъ долженъ былъ явиться на первое время. Но этотъ пріемъ ложный, котораго нужно избѣгать во всякой исторической работѣ. Нѣкоторые законы, при включеніи ихъ въ сводъ, представлялись слишкомъ обширными по своему содержанію, и они должны были бы быть сокращены. Въ этомъ отношеніи мы должны замѣтить, что законодательство представляется въ различныхъ значеніяхъ по различнымъ эпохамъ. Древній законъ отличается обык-

новенно краткостью. Долгое время краткость выраженія закона составляетъ существенный признакъ, характеризующій даже его время, эпоху, къ которой онъ относится. Но чѣмъ ближе къ Петровской эпохѣ, тѣмъ болѣе мы видимъ, что въ законодательствѣ усиливается стремленіе къ поясненію тѣхъ причинъ, которыми вызвано изданіе закона. Кромѣ объясненія причины весьма часто въ законодательствѣ являются не только въ до Петровскомъ, но и въ самомъ Петровскомъ и послѣдующемъ различныя излишнія повторенія и объясненія смысла закона безъ того уже понятнаго. Происхожденіе и причина подобной многословности очевидны. Законодательство находилось въ той переходной эпохѣ, когда нужно было не только издавать законы, но и вразумлять судебные и административныя мѣста. При неразвитіи грамотности до Петра Великаго именно нужно было подобное многословное изложеніе при изложеніи самаго содержанія закона. Но впослѣдствіи, очевидно, это оказалось излишнимъ. Между тѣмъ, редакціонной коммиссіи приходилось имѣть дѣло съ большею частью постановленій именно многословныхъ. Во всѣхъ указахъ представлялось, обыкновенно, содержаніе слѣдующаго рода. Указъ называлъ случай, подававшій поводъ къ изданію закона, затѣмъ помѣщались разсужденія и соображенія, которыя имѣлись въ виду при составленіи самаго закона, послѣ чего слѣдовалъ самый текстъ закона, и казалось бы этимъ дѣло и могло заключиться? Но за этимъ слѣдовали различныя временныя распоряженія, имѣвшія характеръ административный Изъ этихъ частей прежнихъ указовъ положено было исключить совершенно изъ Свода, какъ изложеніе причинъ, подавшихъ поводъ, такъ и самыя сужденія, которыя имѣлись въ виду при постановленіи новаго закона, оставались слѣд. текстъ закона и распоряженія, слѣдовавшія послѣ; при составленіи однороднаго закона предположено было сократить, по возможности, откидывая и невключая въ сводъ того, что имѣло характеръ только временнаго распоряженія для приведенія въ исполненіе. По составленіи, такимъ образомъ, Свода, должно было его представить на обсужденіе въ государственный совѣтъ и на утвержденіе высочайшей власти. При этой повѣркѣ и обсуждении состава Свода законодательнымъ порядкомъ, такъ

какъ дѣло было новое и громадное по своему объему,—предположено было сначала отдѣльные своды по каждой части законодательства, предоставить обсужденію и ревизіи тѣмъ министрамъ или тѣмъ главнымъ учрежденіямъ, къ предметамъ вѣдомства которыхъ они, ближайшимъ образомъ касались. Вслѣдствіе этого, предположено было учредить въ каждомъ министерствѣ коммиссію для тѣхъ частей законодательства, которыя соотвѣтствовали отдѣльнымъ частямъ управленія. Назначеніе этихъ ревизіонныхъ коммиссій заключалось главнымъ образомъ въ томъ, чтобы удостовѣриться, что въ составленномъ проэктѣ нѣтъ никакихъ упущеній изъ дѣйствующаго законодательства. Такимъ образомъ, первоначальный Сводъ въ смыслѣ проэкта Свода долженъ былъ быть подвергнутъ обсужденію въ отношеніи его полноты. Этимъ и ограничилась ревизія въ министерствахъ. Затѣмъ, Государственному Совѣту предоставлялось уже обсуждать достоинство и преимущество Свода въ общемъ его значеніи, какъ совокупности цѣлой системы. Государственному Совѣту предоставлялось обсудить также и основательность плана, положеннаго въ основаніе Свода. При соображеніи этого рода, прежде всегобыло подвергнуто обсужденію достоинство системы, расположеніе различныхъ частей законодательства, послѣ соображеній, которыя имѣли въ виду то, чтобы каждая часть свода представляла совокупность отдѣльной части законодательства. Рѣшено было утвердить въ Сводѣ слѣдующую систему: раздѣлить весь Сводъ на 8 отдѣльныхъ Частныхъ Сводовъ; къ 1-му отнести, такъ называемые, учрежденія, ко 2-му, такъ называемые, уставы о повинностяхъ, къ 3-му уставы касательно управленія, 4-му законы о состояніяхъ, 5-му законы гражданскіе, 6-му законы, относящіеся къ государственному хозяйству или благоустройству, 7-му законы, относящіеся къ уставамъ благочинія и полицейскимъ и, наконецъ, къ 8-му законы уголовные. Затѣмъ слѣдовало обсужденіе, что должно входить въ каждую изъ этихъ существенныхъ частей Свода. Обсуждалось не только первое изданіе Свода, но полагалось начало къ тому, чтобы всѣ послѣдующія изданія Свода удерживали бы ту же самую систему. Соотвѣтственно этимъ обсужденіямъ было принято, что подъ именемъ учреж-

деній въ нашемъ законодат. должны были разумѣться законы основные, учрежденіе объ Императорской Фамилии, государственныя губернскія, городовыя и сельскія учрежд. Первый отдѣльный Сводъ или 1-й отдѣльный Частный Сводъ долженъ былъ совмѣстить въ себѣ всѣ постановленія, о такъ называемыхъ учрежденіяхъ. Затѣмъ, такъ какъ составъ учрежденій предполагаетъ непосредственное участіе въ нихъ должностныхъ лицъ, то и законы о службѣ государственной должны были быть причислены къ этому Своду. Такимъ образомъ, утвердилось въ нашемъ законодательствѣ понятіе объ учрежденіяхъ, въ смыслѣ совокупности законовъ, опредѣляющихъ устройство государства и порядокъ государственной службы. 2-й Сводъ подъ именемъ устава о повинностяхъ долженъ былъ заключать въ себѣ систематическое изложеніе законовъ о повинностяхъ. Затѣмъ 3-я часть, уставы казеннаго управленія должна была содержать въ себѣ отдѣльные уставы, имѣющіе характеръ финансовый: сюда должны были войти уставы о податяхъ, о пошлинахъ, уставы таможенные, монетные, горные и др. Сюда должны были войти уставы контрольные, т. е. уставы по части счетоводства. Такимъ образомъ, мы видимъ, что содержаніе каждаго отдѣльнаго или частнаго свода должно было распадаться на отдѣльные уставы соотвѣтственно спеціальности предмета. Затѣмъ, 4-й изъ отдѣльныхъ Сводовъ долженъ былъ составлять законы о состояніяхъ и заключать въ себѣ законы о правахъ и обязанностяхъ дворянства, духовенства городскихъ обывателей, сельскихъ обывателей, инородцевъ. Сюда же по мысли графа Сперанскаго должны были войти уставы о ревизіи или о народной переписи и постановленія объ актахъ состояніяхъ. Слѣдующій Сводъ долженъ былъ заключать въ себѣ законы гражданскіе и межевые, разумѣя подъ первыми законы объ отношеніяхъ семейныхъ и имущественныхъ а также порядокъ гражданскаго судопроизводства. Сюда же должны были быть включены законы межевые и судопроизводство по дѣламъ межевымъ. 6-я часть свода должна была заключать въ себѣ уставы государственнаго благоустройства. Сюда должны были войти уставы о торговлѣ, о фабрикахъ, заводахъ и ремеслахъ, уставы путей сообщенія, уставъ строительный,

уставъ пожарный, уставъ о городовомъ и сельскомъ хозяйствѣ, уставъ о благоустройствѣ казенныхъ селеній и уставъ о колоніяхъ иностранцевъ. Въ эту же часть предположено было впослѣдствіи включить и др. уставы. Здѣсь мы видимъ, что составители Свода по отношенію къ этой 6-й части имѣли уже готовые уставы. Такимъ образомъ, Сводъ, по содержанію своему, представляетъ не одинаковую разработку въ систематическомъ порядкѣ, въ отношеніи къ однимъ частямъ болѣе, въ отношеніи къ другимъ менѣе. Затѣмъ 7-я часть подъ именемъ уставовъ благочинія должна была заключать въ себѣ уставы по различнымъ отраслямъ полицейской дѣятельности: уставъ врачебный, карантинный, уставъ о предупредительныхъ полицейскихъ мѣрахъ, уставъ о содержащихся въ тюрьмахъ и уставъ о ссыльныхъ. Послѣдній изъ Частныхъ Сводовъ подъ именемъ законовъ уголовныхъ долженъ былъ заключать въ себѣ уставъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ и изложеніе законовъ объ уголовномъ судопроизводствѣ. Въ основаніе этого раздѣленія была положена та программа Сперанскаго, которую онъ считалъ наиболѣе согласною съ учеными, теоретическими воззрѣніями. Приведемъ объясненіе этой системы законодательства самимъ Сперанскимъ Онъ смотрѣлъ на правильность этого раздѣленія свода слѣдующимъ образомъ: онъ разсматривалъ въ цѣлой массѣ законодательства два рода отношеній: отношенія государственныя и отношенія гражданскія. Въ отношеніи къ первымъ онъ разсматривалъ два вида: внутренняго государственнаго отношенія и внѣшняго государственнаго отношенія, разумѣя въ послѣднемъ отношенія государства къ другимъ государствамъ. Понятно, что никакихъ постановленій объ этомъ послѣднемъ родѣ не могло войти въ Сводъ дѣйствующихъ законовъ. Подъ отношеніемъ гражданскимъ, онъ разумѣлъ отношенія двухъ родовъ—отношенія семейныя и отношенія имущественныя. Тѣ и другія отношенія, т. е. государственныя и гражданскія, по принципу Сперанскаго, опредѣляются сущностью правъ и обязанностей. Эти права и обязанности опредѣляются и охраняются закономъ; отсюда по выраженію Сперанскаго вытекаютъ два рода законовъ: государственные и гражданскіе съ подраздѣленіемъ ихъ на опредѣлительные и охранительные законы. Мы уви-

димъ, что Сперанскій хотѣлъ всѣ опредѣлительные законы помѣстить въ началѣ Свода, а въ послѣдующихъ его частяхъ законы судебные, уголовные и полицейскіе т. е. охранительныя постановленія.

LXIX ЛЕКЦІЯ.

И такъ, одна изъ главныхъ основныхъ мыслей въ распредѣленіи Свода кромѣ распредѣленія его на отдѣльные Своды заключалась въ томъ, что законы опредѣлительные должны быть различены отъ законовъ охранительныхъ. Для того, чтобы сдѣлать болѣе удобнымъ это раздѣленіе при составленіи Свода многіе законы были раздѣлены въ самомъ его текстѣ такимъ образомъ, что отъ законовъ, опредѣляющихъ обязанности и права различены тѣ части текста закона, которыя опредѣляютъ послѣдствія нарушенія установленныхъ правъ и обязанностей. Затѣмъ, кромѣ этого раздѣленія законовъ на опредѣлительные и охранительные, раздѣленія котораго держится Сводъ во всѣхъ своихъ изданіяхъ было признано необходимымъ дать болѣе точное распредѣленіе и толкованіе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ частей законодательства. Такъ подъ именемъ уставовъ о повинностяхъ Сперанскій разумѣлъ законы о различныхъ силахъ въ государствѣ, раздѣливъ ихъ на силы личныя и силы вещественныя. Къ личнымъ силамъ, по его объясненію, относятся силы войскъ и соотвѣтственно этому уставъ о рекрутскихъ повинностяхъ. Затѣмъ, подъ именемъ вещественныхъ силъ онъ разумѣетъ силы, предназначенныя для отправленія различныхъ нуждъ или потребностей государства въ видѣ повинностей, которыя называются общимъ именемъ земскихъ повинностей. Изъ совокупности тѣхъ и другихъ силъ, по его программѣ, образуется удовлетвореніе государственныхъ потребностей. Въ законахъ о состояніяхъ, по мысли Сперанскаго, необходимо было опредѣлить не только права и обязанности, но и степень ихъ участія въ составѣ различныхъ учрежденій, установленій и въ дѣлахъ управленія. Затѣмъ, что касается законовъ гражданскихъ, то Сперанскій раздѣляетъ ихъ на три главные вида: на законы по отношеніямъ

семейнымъ и на законы по отношеніямъ имущественнымъ вообще и въ 3-хъ на законы, особенно касающіеся имущества. Подъ этимъ послѣднимъ разрядомъ закона онъ разумѣетъ законы государственнаго благоустройства. Въ законахъ уголовныхъ Сперанскій считалъ необходимымъ опредѣлить, такъ называемую, систему преступленій и наказаній отдѣльно отъ самаго порядка примѣненія уголовныхъ законовъ. Система, положенная Сперанскимъ въ основаніе Свода была одобрена Государственнымъ Совѣтомъ. Общій смыслъ ея заключался въ томъ, чтобы одна и та же система служила бы основаніемъ для теоретическаго изученія законовъ и для практическаго ихъ примѣненія. Въ 1-й разъ, такимъ образомъ, въ нашемъ законодательствѣ является Сборникъ Законовъ, составленный по соображенію не однѣхъ только нуждъ примѣненія, но и по соображеніямъ теоретическимъ, т. е. научнымъ. Что касается до отдѣльныхъ результатовъ всѣхъ этихъ работъ, то они состояли въ изданіи полнаго собранія законовъ и затѣмъ въ изданіи свода законовъ. Въ полное собраніе законовъ вошли, начиная съ уложенія, всѣ послѣдующіе законы. Замѣтимъ при этомъ, что матеріаломъ для составленія полнаго собранія законовъ послужили нетолько оффиціальные источники, но и различные сборники законовъ, составленные частными лицами. Такъ въ примѣръ подобныхъ частныхъ сборниковъ мы можемъ указать на собраніе законовъ подъ названіемъ Указатель Законовъ, составленный Максимовичемъ. При расположеніи законовъ въ полномъ собраніи принята хронологическая система. Полное собраніе законовъ заключаетъ въ себѣ нетолько общіе законы, но и отдѣльныя частныя постановленія, изданныя на отдѣльный какой либо случай. Матеріалъ для составленія полнаго собранія законовъ хранился въ различныхъ присутственныхъ мѣстахъ, большею частью находился съ 1711 г. въ Петербургскомъ архивѣ Правительствующаго Сената, отчасти же находился въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и въ архивахъ отдѣльныхъ министерствъ. Изъ всѣхъ этихъ мѣстъ, матеріалы были собраны и раздѣлены хронологически. Но нужно было составить особенный реэстръ всѣхъ законовъ, входившихъ въ составъ полнаго собранія. Было предположено

составить хронологическій и алфавитный указатели для предварительныхъ справокъ. Въ особенности важное значеніе представлялъ алфавитный реэстръ. Онъ долженъ былъ заключать въ себѣ главные предметы по наименованіямъ. Онъ служитъ значительнымъ пособіемъ при разработкѣ матеріала по полному собранію. Прежде всего, подъ каждымъ названіемъ, алфавитный указатель представляетъ, наглядным образомъ, рядъ постепенныхъ законовъ. Это уже не тѣ указанія, которыя въ Сводѣ помѣщаются подъ статьями закона, къ этимъ указаніямъ нужно обращаться въ настоящей исторической работѣ, при всѣхъ изслѣдованіяхъ полнаго собранія законовъ, потому что указанія въ алфавитномъ указателѣ заключаютъ и всѣ временныя отмѣны. Что касается до реэстра хронологическаго, то онъ, хотя имѣетъ меньшее значеніе, но тѣмъ не менѣе онъ также необходимъ при исторической работѣ. По хронологическому реэстру можно наглядно опредѣлить древность закона. Затѣмъ, указанія, заключенныя въ хронологическомъ реэстрѣ какъ бы избавляютъ отъ поисковъ по отдѣльнымъ томамъ полнаго собранія законовъ. Онъ прямо указываетъ къ какому году относится тотъ или другой законъ. Затѣмъ, когда были собраны эти матеріалы, расположенные въ хронологическомъ порядкѣ, тогда работа приняла видъ окончательный, и вслѣдствіе того было разрѣшено приступить къ печатанію полнаго Собранія Законовъ, раздѣливъ его на двѣ части, начиная 2-ое собраніе законовъ со времени царствованія Императора Николая. Но несмотря на изданіе полнаго собранія законовъ, оказалось необходимымъ еще исполнить часть труда: именно 2-е отдѣленіе собственной канцеляріи имѣло еще въ виду въ отношеніи каждой части Свода ея исторію. Для этого предполагалось составить общій планъ для каждой части Свода, затѣмъ изложить въ отношеніи къ каждому уставу его постепенное историческое развитіе. Къ сожалѣнію этотъ трудъ наиболѣе важный по отношенію къ исторіи русскаго права не былъ оконченъ и составлены только отдѣльныя историческія обозрѣнія по отношенію къ нѣкоторымъ отдѣламъ законодательства. Кромѣ предположенія о составленіи этихъ историческихъ сводовъ имѣлось въ виду непосредственно по-

слѣ изданія свода приступить къ переработкѣ его отдѣльныхъ частей въ смыслѣ составленія отдѣльныхъ уложеній. Такъ; на 1-й разъ въ царствованіе Николая I было обращено вниманіе на составленіе уложенія по части уголовныхъ законовъ. Дѣйствительно эта часть законодательства представлялась менѣе разработанною и болѣе представляла запутанности въ практическомъ примѣненіи. Нужно было привести въ соразмѣрность различныя наказанія, нужно было обратить вниманіе на недостатокъ опредѣленій касательно обстоятельствъ увеличивающихъ и уменьшающихъ виновность. Нужно было разъяснить нѣкоторыя противорѣчія, вкравшіяся въ самый текстъ Свода несмотря на всѣ старанія коммиссіи избѣгнуть этого. Тѣмъ болѣе сдѣлалось необходимымъ тотчасъ послѣ изданія Свода приступить къ обработкѣ уголовныхъ законовъ, что ограничиться тѣми только видами ихъ, какіе представлялись въ Сводѣ, представлялось очевидно невозможнымъ для самаго практическаго примѣненія. Къ этому времени относятся первоначальныя предположенія того, какимъ образомъ улучшить и самый порядокъ судопроизводства. Два рода мнѣній представлялось при разрѣшеніи этого вопроса: съ одной стороны порядокъ уголовнаго судопроизводства въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вошелъ въ Сводъ Законовъ представлялъ въ себѣ смѣсь разныхъ постановленій; съ другой стороны самая система преступленій и наказаній представлялась неполною и невыясненною. Въ наказаніяхъ не представлялось никакой соразмѣрности; иногда за различныя преступленія по своей относительной тяжести, опредѣлялись однородныя наказанія. Кромѣ того было множество случаевъ при которыхъ законъ не упоминалъ прямо о способѣ наказанія, а ограничивался общимъ выраженіемъ: наказать по мѣрѣ вины, наказать по всей строгости закона и т. п., но они усиливали только возможность произвола суда при выборѣ того или другаго рода наказанія. Очевидно, что нужно было, прежде чѣмъ позаботиться объ исправленіи порядка суда, позаботиться о томъ, чтобы законы были болѣе совершенны. Къ этому присоединялось еще слѣдующее обстоятельство: во всей западной Европѣ, начиная съ текущаго столѣтія почти въ каждомъ государствѣ было приступлено къ

самымъ дѣятельнымъ работамъ касательно составленія сборниковъ уголовныхъ законовъ. Улучшеніе уголовныхъ законовъ составляетъ постепенный предметъ заботы редакціонной коммиссіи. Въ силу этихъ работъ почти каждое государство выработало себѣ отдѣльный уголовный кодексъ. Они представляли большіе или меньшіе успѣхи въ смыслѣ редактивномъ. Тотъ самый фактъ, что всѣ почти государства занялись именно выработкою кодексовъ уголовныхъ законовъ, указывалъ на подобную же необходимость въ нашемъ отечествѣ. Вотъ причина, вслѣдствіе которой, вслѣдъ за изданіемъ Свода Законовъ, мы видимъ труды по составленію проэкта новаго уложенія законовъ уголовныхъ. Между тѣмъ, пока отдѣльная коммиссія была занята этимъ родомъ работъ нужно было установить порядокъ въ новѣйшихъ законахъ. Рѣшено было новые законы, выходящіе послѣ изданія Свода, собирать, въ такъ называемыя, продолженія къ своду, распредѣляя эти продолженія по 8-ми главнымъ отдѣламъ соотвѣтственно раздѣленію свода на 8-мь главныхъ частей. Кромѣ того, при каждомъ продолженіи печатать особенную таблицу, въ которой бы номера статей указывали, что извѣстный законъ подвергся перемѣнѣ или совершенной отмѣнѣ. Такимъ образомъ предположено было, чтобы послѣ каждаго изданія свода выходили указанія на дальнѣйшія перемѣны законодательства. Затѣмъ предположено было, чтобы въ продолженіи извѣстнаго числа лѣтъ, когда накопится достаточное количество этихъ продолженій приступать къ перепечатанію Свода, включая въ него и перемѣны и дополненія. Эти дальнѣйшія работы представлялись болѣе легкими, нежели прежнія. Работа эта продолжается по настоящее время, такъ что послѣ 1-го изданія свода 1832 года было 2-е изданіе Свода въ 1842 г. со включеніемъ перемѣнъ, заключающихся въ продолженіяхъ, а затѣмъ 3-е въ 1857 г.; новыя постановленія послѣ этого изданія Свода по настоящее время продолжаютъ входить въ составъ продолженій. Затѣмъ, работа по составленію и приведенію въ систему уголовныхъ законовъ была возложена на то же самое учрежденіе, которое было занято составленіемъ свода законовъ. Эти работы были въ высшей степени плодотворны для нашего законодательства въ смыслѣ значительнаго усовершенствованія

самаго содержанія уголовныхъ законовъ. Коммиссія, учрежденная Николаемъ I для составленія проэкта уголовныхъ законовъ, получила назначеніе обозрѣть всѣ прежніе уголовные законы, не оставлять безъ вниманія работъ различныхъ коммиссій, трудившихся надъ составленіемъ общаго сборника законовъ, имѣть въ виду и древнее наше допетровское законодательство, имѣть въ виду и новѣйшіе кодексы уголовные, изданные въ различныхъ государствахъ и на основаніи всѣхъ этихъ матеріаловъ создать совершенно новую систему, какъ преступленій и наказаній, такъ и порядка уголовнаго судопроизводства. Коммиссія выполнила одну часть работъ: она приготовила проэктъ уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и приступила къ другой части. Она не могла окончательно выполнить этой 2-й части работъ. Это принадлежитъ уже нашему времени, именно изданію судебныхъ уставовъ, въ которыхъ уставъ уголовнаго судопроизводства выработалъ совершенно новыя начала, противоположныя началамъ, которыя находились въ сводѣ законовъ. Для того, чтобы объяснить себѣ значеніе уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, прежде всего замѣтимъ, что уложеніе 1845 г. представляется собраніемъ законовъ уголовныхъ. Главнымъ образомъ, это доказывается тѣмъ, что въ новыхъ изданіяхъ Свода уложеніе замѣнило прежнюю 15-ю часть Свода, въ которой были собраны законы уголовные. Что касается до самаго содержанія, то коммиссія, главнымъ образомъ, должна была обратить вниманіе на реформы въ законодательствѣ уголовномъ. Нужно было обратить вниманіе на новыя понятія уголовнаго права, которыя были занесены къ намъ еще въ царствованіе Петра Великаго. Въ этомъ отношеніи коммиссія обратила вниманіе на изслѣдованіе содержанія законовъ уголовныхъ, помѣщенныхъ въ воинскихъ артикулахъ, въ морскомъ уставѣ 1722 г., который былъ ни что иное, какъ продолженіе воинскаго артикула, обращено вниманіе на регламенты, въ которыхъ были выражены различныя соображенія, касательно уголовныхъ законовъ. Прежде всего коммиссія привела въ систему все то, что было извлечено изъ законодательства Петра Великаго. Затѣмъ, было обращено вниманіе на труды отдѣльныхъ коммиссій, которыя хотя дѣйствовали не съ

успѣхомъ въ отношеніи къ общему законодательству, но въ особенности обращали вниманіе на проэкты уголовныхъ законовъ, напр. составленный 6-ю коммиссіею (1754 г.). Этотъ проэктъ касался прямо законовъ уголовныхъ, онъ носилъ слѣдующее наименованіе: о розыскныхъ дѣлахъ. При составленіи этого проэкта въ 1754 г. составители имѣли въ виду составить полное Уголовное Уложеніе чрезъ дополненіе воинскаго артикула, морскаго устава и различныхъ регламентовъ. Они хотѣли привести эти матеріалы въ систематическій порядокъ, и также объяснить и дополнить отдѣльныя постановленія. Но этотъ проэктъ представлялъ слѣдующій недостатокъ: въ немъ встрѣчается отсутствіе главныхъ основныхъ правилъ, опредѣляющихъ значеніе преступленія и наказанія. Частныя постановленія, относясь къ отдѣльнымъ родамъ преступленія, собраны въ систематическій порядокъ, но нѣтъ правилъ касательно обстоятельствъ, увеличивающихъ и уменьшающихъ виновность. Кромѣ этихъ недостатковъ, проэктъ 1754 г. умалчивалъ совершенно о нѣкоторыхъ преступленіяхъ, хотя и не самыхъ значительныхъ, но тѣмъ не менѣе представлялся въ этомъ отношеніи неполнымъ. Наконецъ, въ проэктѣ 1754 г. не были приняты въ соображеніе иностранные уголовные кодексы. Тѣмъ не менѣе, проэктъ 1754 г. указываетъ намъ, что еще до составленія общаго свода имѣлась въ виду необходимость составить Уголовное Уложеніе. Въ числѣ различныхъ предположеній, высказанныхъ въ Наказѣ видно, что Екатерина II желала усовершенствованія уголовнаго законодательства. Въ Наказѣ Императрица Екатерина II сама высказала нѣсколько общихъ взглядовъ касательно преступленій, касательно суда, указала нѣкоторые новые роды и виды этихъ преступленій, хотя въ общихъ чертахъ, но тѣмъ не менѣе въ томъ смыслѣ, что по этимъ общимъ очертаніямъ нужно было ожидать составленія новаго Уголовнаго Уложенія. Императрица указала, между прочимъ, нетолько на недостатокъ самой системы, но и на недостатокъ въ порядкѣ судопроизводства. Она весьма ясно высказываетъ ту мысль, что предѣлы власти, предоставленные уголовнымъ судьямъ должны быть точно опредѣлены самимъ законодательствомъ. Но коммиссія, въ цар-

ствованіе Екатерины II, не могла сдѣлать ничего нетолько для общаго законодательства, но даже и для отдѣльныхъ частей. Обозрѣвая дѣятельность этихъ коммиссій, мы замѣчали, что труды этихъ коммиссій не остались однако, безъ важныхъ результатовъ. Въ свое время мы упомянули, что коммиссія составила проэктъ учрежденія о губерніяхъ. Мы должны замѣтить, что этотъ проэктъ закона учрежденія о губ. 1775 г. имѣетъ непосредственное отношеніе и къ уголовному законодательству. Въ немъ опредѣленъ порядокъ судопроизводства по преступленіямъ и проступкамъ, излагаются нѣкоторые роды и степени наказанія и опредѣляется основаніе для соображенія обстоятельствъ, увеличивающихъ и уменьшающихъ вину. Затѣмъ въ царствованіе Екатерины II въ 1781 г. является отдѣльный указъ, опредѣляющій отдѣльные случаи, роды и виды нѣкоторыхъ преступленій, въ особенности преступленій касательно имущественныхъ правъ. Указъ 1781 г. опредѣляетъ весьма подробно значеніе кражи и нѣкоторыхъ случаевъ обмана и мошенничества. Въ нѣкоторыхъ другихъ законахъ, изданныхъ въ царствованіе Екатерины II, встрѣчаются постановленія по части уголовной. Такъ, въ одномъ изъ уставовъ по части торговли 1781 г. содержатся также и уголовныя постановленія, касающіяся морской торговли. Въ 1782 г. въ царствованіе Екатерины II появляется уставъ благочинія, имѣющій ближайшее отношеніе къ уголовному законодательству. Въ немъ излагается система, такъ называемыхъ проступковъ полицейскихъ и что въ особенности важно—въ 1-й разъ въ нашемъ законодательствѣ проводится черта, разграничивающая полицейскія нарушенія или, такъ называемые, проступки отъ преступленій въ тѣсномъ или собственномъ смыслѣ этого слова. Кромѣ этого въ жалованной дворянской грамотѣ, городовомъ положеніи и ремесленномъ положеніи встрѣчаются постановленія, относящіяся къ уголовному законодательству. Кромѣ того въ нѣкоторыхъ уставахъ, изданныхъ Екатериною II проявляются постановленія объ особенныхъ родахъ преступленій. Такъ при учрежденіи банка въ 1786 г., вмѣстѣ съ тѣмъ, является уставъ и въ немъ правила о наказаніи за поддѣлку, взысканіе вообще за подлогъ въ монетахъ и за распростране-

ніе фальшивыхъ денежныхъ знаковъ. Въ 1787 г. былъ изданъ манифестъ о поединкахъ, гдѣ собраны и приведены въ порядокъ всѣ постановленія о наказаніяхъ за дуэль и вмѣстѣ съ тѣмъ постановленія о преступленіяхъ противъ чести, объ обидѣ, клеветѣ и т. п. Мы видимъ, такимъ образомъ, что хотя царствованіе Екатерины II и не представляло ничего новаго по отношенію къ уголовному законодательству въ смыслѣ новаго сборника, однако же отдѣльные законы, встрѣчающіеся въ ея царствованіе носятъ болѣе или менѣе характеръ стремленія дополнить уголовное законодательство при всякомъ частномъ случаѣ и подготовляли матеріалъ для составленія Уложенія.

LXX ЛЕКЦІЯ.

Мы видѣли, что въ законодательствѣ Екатерины II при изданіи отдѣльныхъ законовъ при каждомъ случаѣ опредѣлялись и соотвѣтствующія постановленія, касающіяся уголовнаго законодательства. Въ томъ же направленіи законодательство продолжало развитіе и при пріемникахъ Екатерины II. Такъ, въ царствованіе Павла I, не смотря на краткость этого царствованія, изданы нѣкоторыя постановленія и уставы для разныхъ частей государственнаго управленія и почти во всѣхъ этихъ уставахъ для утвержденія силы закона помѣщены были и постановленія о нарушеніи закона, т. е. постановленія о наказаніяхъ. Эти различныя отдѣльныя постановленія уголовнаго законодательства имѣли, большею частью, цѣль исправить и дополнить нѣкоторые пробѣлы законодательства по отношенію къ системѣ преступленій и наказаній. Коммиссія 1796 г., учрежденная Павломъ I для составленія общаго систематическаго сборника, однако же не имѣла успѣха. Въ царствованіе Александра I является проэктъ улучшенія законовъ уголовныхъ, составленный коммиссіей, при департаментѣ законовъ въ 1813 — 14 г. При этомъ составленіи проэкта новыхъ уголовныхъ законовъ постановленія уголовнаго законодательства значительно дополнены, однако же въ

общее собраніе государственнаго совѣта проэктъ этотъ не поступилъ тотчасъ на разсмотрѣніе и только въ 1824 г. Государственный Совѣтъ приступилъ къ обсужденію этого проэкта. Проэктъ представляетъ собою результатъ весьма тщательнаго труда: общія и частныя постановленія уголовнаго законодательства соображены въ немъ съ теоретическими понятіями науки уголовнаго права, новыя дополненія соображены съ дѣйствовавшимъ до тѣхъ поръ законодательствомъ; одна таблица, приложенная къ проэкту, указываетъ значительное число источниковъ, изъ которыхъ составители почерпали матеріалъ и доказываетъ, что при составленіи проэкта было обращено вниманіе и на иностранное законодательство. Между тѣмъ, наука уголовнаго права уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія обогатилась весьма замѣчательными сочиненіями. Эти сочиненія появлялись и послѣ составленія проэкта 1814 г. Отчасти это обстоятельство замедлило окончательное разсмотрѣніе и утвержденіе проэкта; кромѣ того предполагалось согласить постановленія проэкта съ нѣкоторыми другими постановленіями, такъ напр. съ постановленіями церковными и вотъ причина, почему проэктъ остался безъ легальнаго его утвержденія. Между тѣмъ, этотъ проэктъ уголовныхъ законовъ весьма важенъ въ нашей исторіи развитія законодательства, какъ прямое развитіе постановленій, не только заключавшихся въ Уложеніи 1649 г. и законахъ Петра Великаго, но и какъ дальнѣйшее развитіе проэкта законовъ, бывшаго въ царствованіе Елизаветы. Одно изъ важнѣйшихъ достоинствъ этого проэкта заключается въ томъ, что въ немъ преступленія по самому своему свойству раздѣлены были по различнымъ родамъ и видамъ. Замѣтимъ при этомъ, что полной классификаціи преступленій въ нашемъ законодательствѣ не было весьма долгое время: ее нѣтъ ни въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича, ни въ законахъ Петра Великаго, ни въ послѣдующихъ законахъ. Въ наказѣ Екатерины II хотя является классификація преступленій, но она не полна. Наказъ Екатерины раздѣляетъ преступленія на слѣдующіе главные роды на преступленія противъ вѣры, противъ нравовъ, преступленія противъ тишины и спокойствія и преступленія противъ бе-

зопасности, но это распредѣленіе не полное: доказательство тому то, что послѣдовавшій вскорѣ послѣ этого проэктъ той же самой императрицы имѣлъ уже другое раздѣленіе. Такимъ образомъ раздѣленіе преступленій, встрѣчающееся въ проэктѣ царствованія Александра I болѣе удовлетворительно и болѣе точно. Все это показываетъ намъ, какъ медленно развивалась и совершенствовалась система нашего уголовнаго законодательства. Въ проэктѣ 1813 г. всѣ преступленія раздѣлены въ 1-й разъ на 3 главные разряда: на преступленія государственныя, на преступленія общественныя и преступленія частныя. Мы увидимъ, что это же самое раздѣленіе вошло въ основаніе нынѣ дѣйствующаго Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, изданнаго въ 1845 г. Но не смотря на это достоинство проэкта и на достоинство самой классификаціи нельзя сказать, чтобы проэктъ дѣйствительно представлялъ собою соотвѣтственно этому раздѣленію стройную систему и изложеніе преступленій. Въ нѣкоторыхъ частяхъ проэкта въ распредѣленіи преступныхъ дѣяній принято въ основаніе различіе наказаній, которые полагаются за эти дѣянія, слѣдовательно не различіе по существу самихъ преступленій; съ другой стороны, онъ не выдерживаетъ въ своемъ содержаніи строгой послѣдовательности и имѣетъ въ свою очередь тотъ недостатокъ, что дѣлитъ преступленія не по существу ихъ, а по наказаніямъ. Кромѣ этого указаннаго недостатка въ нашемъ древнемъ уголовномъ законодательствѣ долгое время существовалъ и другой недостатокъ, а именно: полное отсутствіе различія между умышленнымъ и случайнымъ беззаконнымъ дѣяніемъ, а съ другой стороны отсутствіе различія между совершеннымъ преступленіемъ и покушеніемъ на преступленіе. Мы уже знаемъ, что самый древній законъ представляетъ нѣкоторыя зачатки этого различія. Мы видѣли, что въ эпоху Р. Пр. было сознаніе о различіи преступленій, совершенныхъ съ умысломъ и случайно. Но эти зачатки различія оставались безъ всякаго дальнѣйшаго развитія и составляли значительный недостатокъ въ системѣ нашего уголовнаго законодательства. Затѣмъ, эти недостатки встрѣчаются и въ послѣдующихъ сборникахъ законовъ: они встрѣчаются и въ судебникахъ и въ

Уложеніи 1649 г. Такъ, въ Уложеніи хотя и встрѣчаются постановленія о томъ, что зачинщики наказываются строже прочихъ участвующихъ въ преступленіи, однако же нигдѣ нѣтъ общихъ началъ, которыя бы опредѣляли это точнѣе. Даже въ законахъ Петра и въ послѣдующихъ законахъ, мы часто встрѣчаемъ наказать по мѣрѣ вины, по всей строгости закона и т. п., но эти всѣ выраженія, къ которымъ такъ привыкло древнее и даже новѣйшее законодательство, они то и заключаютъ въ себѣ главный и существенный недостатокъ нашего уголовнаго законодательства, потому что наказать по всей строгости закона—это значило предоставлять на произволъ судьи опредѣлять мѣру наказанія, которое по мысли судьи дѣйствительно соотвѣтствовало преступленію. Слѣдовательно не было опредѣленности касательно обозначенія мѣры наказанія по мѣрѣ большей или меньшей вины, не было указаній на то, чѣмъ должны руководиться суды и судьи при опредѣленіи большей или меньшей степени наказанія а между тѣмъ въ иностранныхъ законодательствахъ давно уже были выработаны подобныя начала и въ 1-й разъ встрѣчаются они и даже въ толкованіяхъ на статьи воинскаго устава и артикула при Петрѣ Великомъ, но здѣсь встрѣчаются частныя указанія и при томъ какъ бы мимоходомъ, случайно. Эта случайность указаній объясняется тѣмъ, что во время Петра уже было задумано составить новое и общее Уложеніе законовъ; во время Петра было положено начало къ учрежденію коммиссій для составленія законовъ, слѣдовательно Петръ, предполагая, что въ его царствованіе осуществится систематическое собраніе законовъ, ограничился тѣмъ, что толкованія эти были помѣщены не вездѣ, а только на нѣкоторые случаи, казавшіеся по понятіямъ времени болѣе необходимыми. Еще съ большею неопредѣленностью въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ были оставлены тѣ случаи или опредѣленія тѣхъ случаевъ нарушенія закона, совершеніе которыхъ не должно быть вмѣняемо въ вину. Понятіе о вмѣняемости и невмѣняемости составляетъ капитальный вопросъ въ каждой системѣ законодательства. Опредѣленіе случаевъ невмѣняемости весьма медленно развивается въ нашемъ законодательствѣ. Прежде всего въ нашемъ законодательствѣ, въ

этомъ отношеніи, упоминается о необходимой оборонѣ и о преступленіяхъ, случайно произведенныхъ. Затѣмъ, въ указѣ 1669 года указывается на возрастъ малолѣтства до 7 лѣтъ, въ продолженіе котораго не можетъ быть никакого вмѣненія. Затѣмъ, указъ Екатерины I 1727 г. присовокупилъ къ этому числу причинъ невмѣненія помѣшательство ума. Затѣмъ, въ нашихъ древнихъ законахъ и до самаго новѣйшаго времени весьма рѣдко упоминались обстоятельства, уменьшающія вину преступника. Обстоятельства увеличивающія обозначались, но также не всегда вполнѣ: или иногда одно и тоже обстоятельство признавалось, въ одномъ случаѣ, причиною усиленія наказанія, а въ другомъ, уменьшенія наказанія. Очевидно, что это было существеннымъ недостаткомъ. Въ проэктѣ 1813 г. въ первый разъ встрѣчаемъ мы эти разбросанныя въ нашихъ различныхъ законахъ опредѣленія въ совокупности и систематичности. Тамъ точно опредѣлено различіе между умышленнымъ и неумышленнымъ преступленіемъ; въ проэктѣ встрѣчается весьма важное различіе значеній покушенія и самаго совершенія преступленія, и указываются главныя обстоятельства, увеличивающія и уменьшающія вину преступника, но только главныя, а слѣдовательно не вполнѣ. Такимъ образомъ, во многихъ отношеніяхъ царствованіе Александра I, въ виду этого проэкта 1813 г., подготовило дальнѣйшій успѣхъ въ развитіи нашего уголовнаго законодательства. Что касается до наказаній этой другой важной части уголовнаго законодательства, то и въ этомъ отношеніи мы видимъ слѣдующій постепенный ходъ—прогресса. Сначала, какъ мы имѣли случай видѣть при разборѣ памятниковъ древняго и новаго законодательства, самая древняя система наказаній въ Россіи, основывалась на началахъ воздаянія зломъ за зло. Эта система такъ называемаго: самосуда, система мести, подъ вліяніемъ которой, какъ мы видѣли и въ Русской Правдѣ въ случаѣ преступленія, лицо, интересы котораго ближайшимъ образомъ затронуты, имѣло право воздать преступнику тоже самое, что было совершено преступленіемъ. Это первая форма, первый видъ, въ которомъ являются наказанія у насъ въ древнее время. Затѣмъ, слѣдуетъ эпоха, въ которой наказаніе является осуществленіемъ

системы устрашенія. Наказаніе опредѣляется безъ всякаго соображенія, съ тѣмъ зломъ, которое заключается въ преступленіи. Все равно, будетъ ли сдѣланное важно, или неважно. Наказаніе полагается, самое ужасающее подъ вліяніемъ той мысли, что чѣмъ будетъ значительнѣе наказаніе, тѣмъ оно болѣе уменьшитъ число преступленій. Эта система устрашенія занимаетъ долгое время въ нашемъ законодательствѣ преобладающее начало. Она является не только въ древнемъ законодательствѣ, она является и въ законодательствѣ новой эпохи. Въ концѣ существованія этой системы образуется 3-я система или третій взглядъ на наказанія, какъ на средство для общественной пользы, т. е. взглядъ, подъ вліяніемъ котораго наказаніе примѣняется не ради устрашенія, но ради пользы общества и государства, а равно и самаго преступника. Въ этихъ 3-хъ періодахъ развитія системы наказанія мы имѣли различныя, такъ сказать переходныя ступени: такъ въ древнѣйшее время, во время системы воздаянія зломъ за сдѣланное зло сначала является месть, самосудъ, самоуправство, затѣмъ, наказаніе является въ формѣ денежнаго взысканія, часть котораго отдается тѣмъ лицамъ, которымъ нанесены обиды или вредъ, а другая часть обращается въ княжескую казну. Затѣмъ, въ эпоху системы устрашенія являются многія различныя наказанія; такъ, напримѣръ, къ этой эпохѣ относятся введеніе различныхъ тѣлесныхъ наказаній, изувѣчивающихъ и т. п. Подъ вліяніемъ первой системы составлены были постановленія Русской Правды и болѣе или менѣе всѣ изданныя въ послѣдующее время раздѣленія Руси на удѣлы, отдѣльныя грамоты и законы. Эта первоначальная система, этотъ первоначальный взглядъ на наказанія могъ быть примѣняемъ однако же не ко всѣмъ преступникамъ. Такъ, преступникъ государственный посылался въ ссылку или въ заточеніе, имущество его подвергалось разграбленію, иногда слѣдовала смертная казнь. По другимъ преступленіямъ нужно было подвергать другимъ наказаніямъ, ближе соотвѣтствующимъ тому вреду, которой наносился преступленіемъ. По суду духовному, сверхъ денежнаго взысканія, виновный подвергался церковному покаянію, иногда-же на основаніи закона греко-римскаго и смертной ка-

зни. По духу 2-й системы составлены были оба судебника; наказанія, въ нихъ являются въ слѣдующей по степенности: смертная казнь, торговая казнь, батоги, т. е. тѣлесныя наказанія, содержаніе въ тюрьмѣ и взысканіе денежное. Всѣмъ этимъ наказаніямъ подвергаются не только виновные въ преступленіяхъ важнѣйшихъ, т. е. государственныхъ и общественныхъ, но и въ преступленіяхъ противъ частныхъ лицъ, такъ, напримѣръ, не только на основаніи Судебниковъ, но и на основаніи Двинской грамоты, смертная казнь опредѣляется иногда и за преступленія противъ правъ частныхъ лицъ. Замѣтимъ, что этому обширному примѣненію смертной казни въ нашемъ древнемъ законодательствѣ содѣйствовало Византійское право, такъ какъ греко-римскіе законы были въ нашемъ древнемъ законодательствѣ основою для примѣненія въ дѣлахъ церковнаго суда. Система устрашенія достигаетъ все большаго и большаго развитія, что видно въ Уложеніи Царя Алексѣя Михаиловича. Въ немъ встрѣчается много жестокихъ наказаній за преступленія, *дабы инымъ такъ дѣлати тоже не повадно было.* Затѣмъ, кромѣ наказанія смертной казнью и изувѣчивающихъ тѣлесныхъ наказаній, Уложеніе 1649 г. упоминаетъ о ссылкѣ въ Украину и другія отдаленныя области. Такимъ образомъ, въ Уложеніи встрѣчаются наказанія по системѣ устрашенія, но оно замѣчательно тѣмъ, что въ немъ видны и наказанія непостроенныя на системѣ устрашенія—ссылка, какъ такой родъ наказанія, при которомъ возможно съ пользою употребить дѣятельность преступника. Эта же мысль проявляется весьма часто въ законахъ Петра Великаго. Онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ на основаніи закона замѣняетъ смертную казнь ссылкою или каторжными работами въ различныхъ мѣстахъ: такъ преступники осуждались на работы и на постройки различныхъ зданій въ Петербургѣ, Азовѣ и различныхъ другихъ мѣстахъ. Начиная съ Петра Великаго, вводится еще новый родъ наказанія въ смыслѣ обращенія нѣкоторыхъ преступниковъ на службу въ рядахъ войска, а затѣмъ, мало по малу появляются установленные въ смыслѣ наказанія, содержаніе въ рабочемъ домѣ, содержаніе въ смирительныхъ домахъ, различныя работы на казенныхъ фабрикахъ и заводахъ. Въ свое время

мы замѣчали, что каждая реформа Петра Великаго имѣла свои соотношенія къ другимъ реформамъ. Петръ въ особенности старался замѣнить нѣкоторыя древніянаказанія, такимъ образомъ, чтобы они могли служить съ пользою для государства; при прорытіи каналовъ, при производствѣ различныхъ работъ. Такимъ образомъ, является въ нашемъ законодательствѣ поворотъ отъ прежней системы устрашенія къ той системѣ, которая смотритъ на наказанія, какъ на средство доставить государству и обществу пользу, а вмѣстѣ съ тѣмъ доставить преступнику возможное исправленіе. Проэктъ 1813 г. и въ этомъ отношеніи подвинулъ наше законодательство значительно впередъ. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на то, что въ самомъ опредѣленіи системы наказаній не было единства, не было классификаціи въ нашемъ законодательствѣ и не было однородности наказаній: для всѣхъ лицъ существовало различіе, и слѣдовательно, различныя системы наказаній. Главнымъ образомъ, установилось слѣдующее различіе, одинъ родъ наказаній для лицъ, изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній и другой родъ для лицъ неизъятыхъ отъ наказаній тѣлесныхъ. Между тѣмъ и другимъ родомъ не было надлежащей соразмѣрности. За одно и тоже преступленіе виновный, неизъятый по состоянію своему отъ наказаній тѣлесныхъ, подвергался иногда слишкомъ незначительному наказанію, напримѣръ, заключенію въ рабочій домъ, а изъятый, значительному, напримѣръ, ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь. При переходѣ отъ наказаній уголовныхъ къ наказаніямъ исправительнымъ не было надлежащей постепенности: напримѣръ за ссылкою въ Сибирь слѣдовало заключеніе въ смирительный рабочій домъ. Это было значительнымъ недостаткомъ нашего законодательства. Затѣмъ, нѣтъ надобности говорить, что самый существенный недостатокъ заключался въ томъ, что въ системѣ наказаній до 1813 года удерживались самые жестокіе роды наказаній, напримѣръ, четвертованіе, колесованіе и т. п. Размѣръ другихъ наказаній не былъ опредѣленъ закономъ, а предоставлялся произволу судей; самый срокъ заключенія въ тюрьмы, въ смирительный домъ и въ рабочій домъ, также не опредѣлялись закономъ. Составители проэкта 1813 г. имѣли въ виду исправить эти не-

достатки нашихъ законовъ уголовныхъ. Нельзя однако же сказать, чтобы проэктъ 1813 г. дѣйствительно исправилъ нашу систему наказаній въ общей ихъ совокупности, тѣмъ неменѣе система наказаній проэкта 1813 г. имѣетъ за собой то преимущество, что она послѣдовательна и что даже въ двухъ системахъ наказаній, для лицъ изъятыхъ и неизъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній, постановляетъ нѣкоторую соразмѣрность; при томъ проэктъ 1813 г. прибавилъ, къ числу существовавшихъ наказаній, работы въ крѣпостяхъ и точнѣе опредѣлилъ содержаніе въ рабочихъ домахъ. Всю совокупность наказаній проэктъ 1813 г. дѣлитъ на 7 отдѣльныхъ категорій, а именно: смертная казнь, затѣмъ, лишеніе всѣхъ правъ политическихъ и гражданскихъ, соединяя съ этимъ для лицъ изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній каторгу ссылки, а для неизъятыхъ съ каторжными работами; затѣмъ, слѣдуетъ лишеніе свободы и чести, соединенное въ нѣкоторыхъ случаяхъ, съ ссылкою въ Сибирь, а для неизъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній въ крѣпостяхъ съ тѣлеснымъ наказаніемъ, затѣмъ, слѣдуютъ наказанія позорныя и разжалованіе, исключеніе изъ службы: а для неизъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній и заключеніе въ рабочій домъ, затѣмъ, заключеніе въ крѣпости, монастырь, въ рабочій и смирительный дома; послѣ этого слѣдуютъ денежныя взысканія и наконецъ, церковное покаяніе. Такъ какъ проэктъ этотъ не былъ утвержденъ, то и эта предположенная система наказаній осталась также въ смыслѣ предположенія, но во всякомъ случаѣ она принесла ту пользу, что указала въ будущемъ на необходимость болѣе точнаго опредѣленія родовъ и видовъ наказаній.

LXXI ЛЕКЦІЯ.

Обозрѣвъ проэктъ 1813 г. мы должны остановиться на разсмотрѣніи того вопроса, на сколько изданіе общаго Свода Законовъ имѣло отношеніе къ развитію нашего Уголовнаго Законодательства. Прежде всего полное собраніе законовъ дало возможность болѣе подробно опредѣлить всѣ существующіе законы; оно же дало возможность соображенія различ-

ныхъ учрежденій, уставовъ и указовъ и извлеченія изъ нихъ одного общаго систематическаго Свода всѣхъ безъ исключенія уголовныхъ постановленій. При самомъ составленіи Свода необходимы были истолкованія, дополненія и измѣненія нѣкоторыхъ частей текста закона. Всѣ эти работы производились подъ общимъ руководствомъ графа Сперанскаго. Такимъ образомъ, съ формальной стороны вліяніе Свода Законовъ на успѣхъ уголовнаго законодательства выразилось прежде всего въ точныхъ опредѣленіяхъ существующихъ уголовныхъ законовъ; затѣмъ, въ частности касательно содержанія въ 1-й разъ мы находимъ точное и обстоятельное опредѣленіе преступленія, только въ Сводѣ Законовъ. На основаніи многихъ отдѣльныхъ разныхъ постановленій, прежде вышедшихъ, значеніе преступленія хотя опредѣлялось, но опредѣлялось въ смыслѣ преступленій, той или другой категоріи; общаго же опредѣленія понятія преступленія вообще не было въ нашемъ законодательствѣ до самаго изданія Свода Законовъ. Но такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не было опредѣлено какому именно наказанію слѣдуетъ подвергать за нарушеніе запрещенія закона, то къ общему опредѣленію прибавлено правило: судъ обязанъ въ такихъ случаяхъ опредѣлять сущность преступленія, сравнить его съ другими однородными съ нимъ преступленіями за которые наложено точно опредѣленное наказаніе и представить на усмотрѣніе высшаго суда. Въ XV томѣ свода включены всѣ важнѣйшія нарушенія закона, какъ тѣ, за которые наложено наказаніе уголовное, такъ и тѣ, за которые опредѣлялись полицейскія мѣры взысканія. Прочія менѣе значительныя нарушенія (проступки) распредѣлены въ различныхъ частяхъ Свода по тѣмъ отдѣльнымъ уставамъ, къ которымъ они относились. Посмотримъ же на это опредѣленіе: Сводъ опредѣляетъ преступленіе въ смыслѣ дѣянія, запрещеннаго закономъ. Подъ именемъ проступка Сводъ разумѣетъ вообще болѣе незначительныя нарушенія. Изъ нихъ нѣкоторыя относятся къ разряду законовъ уголовныхъ, другія относятся къ отдѣлу другихъ частей законодательства. Общій планъ, положенный Сперанскимъ въ распредѣленіи Свода заключался въ томъ, чтобы каждая часть законодательства имѣла при

себѣ опредѣлительную и охранительную систему. Подъ охранительной разумѣлись тѣ постановленія, которыя опредѣляли различныя взысканія. Сводъ, изъ различныхъ отдѣльныхъ постановленій, извлекъ также общія понятія, касающіяся нетолько опредѣленія преступленія, но и свойство внутренняго содержанія безъ отношенія къ отдѣльнымъ родамъ и видамъ преступленій. До изданія Свода въ нашемъ законодательствѣ были разбросаны постановленія объ умыслѣ, о винѣ, о неосторожности, о покушеніи на преступленіе, различныя опредѣленія касательно зачинщинковъ сообщниковъ, помощниковъ, укрывателей и т. п. При изданіи Свода всѣ эти отдѣльныя общія опредѣленія свѣдены въ одно мѣсто и такимъ образомъ, составилась общая часть постановленій уголовныхъ касательно значенія преступленія и внутренняго содержанія его вообще. Въ эту же общую часть составители включили и привели въ 1 разъ въ систематическій порядокъ обстоятельства, увеличивающія и уменьшающіявину, а также тѣ случаи, по которымъ совершенное преступленіе не должно быть вмѣняемо. Во всю эту работу составители не могли включить ничего новаго, такъ какъ и самая мысль заключалась въ томъ, чтобы собрать и привести въ систему и порядокъ то, что уже существуетъ, слѣдовательно многое изъ предполагаемаго проэкта 1813 г. не могло войти въ составъ Свода. Сводъ обобщилъ опредѣленія, касающіяся значенія преступленія и отношенія вины различныхъ лицъ, совершающихъ преступленія. Итакъ, если мы хотимъ опредѣлить вопросъ въ томъ смыслѣ, подвинулъ ли Сводъ содержаніе и достоинство нашихъ законовъ уголовныхъ, то въ этомъ отношеніи, конечно, мы должны отвѣчать отрицательно, такъ какъ Сводъ былъ только выраженіемъ существовавшаго безъ всякихъ перемѣнъ и усовершенствованій. Но за то Сводъ привелъ въ ясность то, что осталось въ нашемъ законодательствѣ и что было разбросано по отдѣльнымъ уставамъ о преступленіи, онъ свелъ въ одну цѣлую систему. Этимъ же и объясняется то, что Сводъ въ отношеніи Уголовнаго законодательства представлялъ по прежнему нѣкоторые существенные недостатки касательно содержанія уголовныхъ законовъ. Такъ, самую слабую часть Свода въ отношеніи уголовнаго законо-

дательства составляетъ исчисленіе различныхъ наказаній. Нетолько нѣтъ общей классификаціи наказаній, въ которой-бы наказанія были распредѣлены одно за другимъ соотвѣтственно своей важности и во взаимной связи, но даже не исчислены всѣ различные роды наказаній. Въ этомъ отношеніи Сводъ уступаетъ даже проэкту 1813 г., но за то въ другомъ отношеніи и именно касательно опредѣленія власти суда въ назначеніи наказаній, Сводъ сдѣлалъ значительныя улучшенія. Мы видѣли, что недостатокъ прежняго времени заключался въ томъ, что судъ могъ по произволу опредѣлять самый родъ и мѣру наказанія. Сводъ сдѣлалъ точное опредѣленіе власти суда при примѣненіи закона въ дѣлахъ о преступленіяхъ. Графъ Сперанскій, трудясь въ особенности надъ этою частью законодательства, составилъ общее начало въ этомъ отношеніи, заимствованное изъ отдѣльныхъ постановленій, которымъ должны были руководиться судьи и опредѣлилъ ихъ права и обязанности въ отношеніи примѣненія наказаній. Такъ, между прочимъ, встрѣчается постановленіе, что судья самъ отъ себя не можетъ отступить отъ рода наказаній, опредѣленнаго въ законѣ, не можетъ даже замѣнить его другимъ однороднымъ наказаніемъ безъ разрѣшенія высшею судебною инстанціею. Уголовное законодательство требовало полнаго и существеннаго его пересмотра и исправленія. По кончинѣ Графа Сперанскаго Императоръ Николай I поручилъ довершеніе начатыхъ работъ сначала Дашкову, а затѣмъ графу Блудову. При томъ было указано коммиссіи, учрежденной при II отдѣленіи что она должна работать не только на основаніи Свода, но и на основаніи тѣхъ данныхъ, которые она могла получить изъ самой судебной практики. Одновременно обращено было вниманіе также на то, чтобы принять въ соображеніе и различные иностранные уголовные кодексы, которые, какъ я уже упомянулъ прежде, съ начала нынѣшняго столѣтія появляются вновь въ каждомъ изъ европейскихъ государствъ. Нужно было исправить существующіе уголовные законы. Но при самомъ началѣ дѣла возникло сомнѣніе, какъ понимать исправленіе законовъ, разумѣть ли это въ смыслѣ исправленія постепеннаго, исправленія отдѣльнаго, или исправленія цѣлаго,

полной системы. Подъ именемъ отдѣльнаго исправленія коммисія предполагала, что можно приступить къ дѣлу такимъ образомъ, чтобы изъ нѣсколькихъ статей закона, признанныхъ неудобными, исправить сначала одну и т. д., издавая каждый разъ законодательнымъ порядкомъ особенное о томъ постановленіе; или можно было приступить къ исправленію полному и систематическому; для чего нужно было обозрѣть всѣ статьи законовъ уголовныхъ въ ихъ совокупности, составить общія начала исправленія ихъ и издать по нимъ проэктъ новаго кодекса. Изъ этихъ 2-хъ способовъ былъ признанъ болѣе удобнымъ послѣдній. Исправленіе отдѣльное было бы неудобно: во 1-хъ, оно заняло бы значительное пространство времени, и во 2-хъ, повело бы въ свой чередъ къ исправленію полному. Затѣмъ, коммиссія приступила къ самымъ работамъ. При соображеніи этихъ работъ предположено было заняться сначала составленіемъ плана новаго Уложенія о Наказаніяхъ. Затѣмъ сличить этотъ планъ съ раздѣленіями, помѣщенными уже въ другихъ заграничныхъ уголовныхъ кодексахъ, по возможности, сохранять значеніе и силу закона отечественнаго, а потому и придерживаться, по возможности, того тома свода законовъ, который заключалъ въ себѣ законы уголовные. Но съ другой стороны, признана необходимость въ замѣнъ постановленій Свода сдѣлать другія постановленія и вносить ихъ въ проэктъ. Для исполненія подобнаго предположенія прежде всего собраны и приведены въ систематическій порядокъ всѣ дѣйствующіе законы. Затѣмъ, составленъ очеркъ историческаго развитія нашего уголовнаго законодательства. Кромѣ того, сдѣлано систематическое извлеченіе изъ практическихъ замѣчаній, полученныхъ отъ различныхъ судебныхъ мѣстъ и судовъ, касательно неудобства примѣненія нѣкоторыхъ статей XV т. Свода; сдѣлано сравнительное обозрѣніе уголовной статистики, т. е. случаевъ преступленій, которыя сообщены были изъ различныхъ министерствъ, въ особенности, изъ министерства юстиціи, и затѣмъ, когда были приготовлены эти вспомогательныя работы, коммиссія приступила къ сравнительному обзору иностранныхъ уголовныхъ кодексовъ уголовныхъ и исправительныхъ. При этомъ были приняты въ соображеніе слѣдующіе:

шведскій 1734 г., австрійскій 1803 г., французскій 1810 г., баварскій 1813 г., неаполитанскій 1819 г., саксонскій, 1838 г., вюртембергскій, 1839 г., гановерскій, 1840 г., брауншвейгскій 1840 г. Изъ нихъ самый древній былъ шведскій 1734 г., самый новый ганноверскій 1840 г. и др. какъ напр. Гессенскій 1841 г. Кромѣ того, были приняты въ соображеніе и др. Соображая эти данные проэкты предположенныхъ кодексовъ: Прусскаго 1830 г., баварскаго 1831 г., шведскаго 1832 и датскаго 1839 года съ тѣмъ годомъ, когда появилось Уложеніе о Наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1845 года, мы видимъ, что были приняты въ соображеніе самые новѣйшіе кодексы. Затѣмъ, планъ проэкта былъ представленъ на высочайшее утвержденіе и затѣмъ, для полученія отдѣльныхъ замѣчаній онъ былъ разосланъ въ различныя министерства, въ различныя государственныя учрежденія съ тѣмъ, чтобы каждое учрежденіе по роду своихъ занятій, по своему вѣдомству, могло бы сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія и дополненія на отдѣльныя части проэкта. Затѣмъ, на основаніи этихъ сдѣланныхъ замѣчаній и дополненій, коммиссія составила окончательно редакцію Уложенія и такимъ образомъ, составился новый нашъ кодексъ уголовныхъ законовъ.

Чтобы указать на достоинство и преимущество Уложенія о Наказаніяхъ, чтобы вникнуть, на сколько этотъ кодексъ развилъ и подвинулъ впередъ наше законодательство, мы должны обратиться къ нѣкоторымъ частямъ Уложенія еще въ томъ видѣ, какими онѣ представлялись въ проэктѣ. Изъ соображенія различныхъ иностранныхъ кодексовъ составителямъ Уложенія о Наказаніяхъ представлялся выборъ хода работъ въ слѣдующемъ смыслѣ: они могли или составлять нѣкоторыя постановленія исключительно на началахъ науки или ограничиться только развитіемъ и дополненіемъ такихъ постановленій, которыя уже имѣлись въ дѣйствующемъ законодательствѣ. Иностранные кодексы въ этомъ отношеніи представляли примѣръ того и другаго способа. При составленіи названныхъ кодексовъ, редакціи этихъ кодексовъ или слѣдовали указанію науки, или прямо брали въ образецъ постановленія, получившіе уже силу закона или въ ихъ государствѣ, или въ другихъ иностран-

ныхъ. По первой системѣ составлены напр. кодексы: австрійской, баварской, прусской, саксонской, ганноверской и друг., по 2-й сардинской, греческой по баварскому проэкту и друг. 2-я система имѣла то преимущество предъ 1-й, что кодексъ Уголовныхъ Законовъ никогда не можетъ быть начертанъ по однимъ только теоретическимъ соображеніямъ, съ забвеніемъ жизненныхъ историческихъ началъ и именно въ этомъ смыслѣ самый опытъ примѣненія кодексовъ уголовныхъ, составленныхъ àpriori безъ соображеній съ исторіею права, указалъ ихъ несостоятельность. Несмотря на достоинство такихъ кодексовъ въ ученомъ отношеніи, нѣкоторыя постановленія ихъ явно и стѣснительно противорѣчили укоренившимся въ народѣ обычаямъ и юридическимъ воззрѣніямъ. Соотвѣтственно этому въ Уложеніе о наказаніяхъ вошли слѣдующіе элементы: съ одной стороны всѣ разнородныя постановленія дѣйствовавшаго законодательства приведены во взаимное соглашеніе, переработаны на общихъ началахъ и исправлены въ одномъ и томъ же духѣ, подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же общихъ систематическихъ началъ. Затѣмъ, Уложеніе внесло въ наше уголовное законодательство, исправленіе неточности выраженій, неопредѣленности этихъ выраженій и каждое постановленіе его, въ сравненіи съ постановленіями, заключающимися въ Сводѣ, очевидно, имѣетъ преимущество. Затѣмъ, Уложеніе внесло содержаніемъ своимъ много новыхъ постановленій, много сдѣлано дополненій, которыя оказались необходимыми по указанію опыта. Эти дополненія заимствованы большею частью изъ иностранныхъ кодексовъ. Этимъ и опредѣляется характеристическое различіе Уложенія отъ Свода. Уложеніе не только свело законы въ систематическій порядокъ, не только ихъ дополнило, не только согласило постановленія ихъ съ общими началами науки уголовнаго права, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно и усовершенствовало цѣлую систему законодательства, включивъ въ него постановленія, дополненныя заимствованіями изъ иностранныхъ кодексовъ сохранивъ притомъ историческую основу нашего права. Съ внѣшней или формальной стороны (потому что все сказанное до сихъ поръ относилось до содержанія) при занятіяхъ исправленія слога и выраженій, исключили всѣ неоп-

редѣленныя выраженія, какъ то: поступить по закону, наказать по всей строгости закона, судить какъ ослушника, наказать по мѣрѣ вины и т. п. Эти выраженія уже не встрѣчаются въ Уложеніи о наказаніяхъ, вмѣсто нихъ постановлены правила положительныя и точныя. При опредѣленіи этихъ правилъ редакторы старались соблюдать строгую послѣдовательность, т. е. они старались сначала понимать существо и свойство преступленій, затѣмъ сравнить его съ другими однородными преступленіями и на основаніи уже этого сравненія, какъ результатъ выводили заключенія о родѣ и степени наказанія. Затѣмъ, касательно вопроса о примѣненіи новаго Уложенія нужно было сообразить, должно ли быть Уложеніе общимъ закономъ для всякаго рода нарушеній, или только для такъ называемыхъ преступленій. Мы замѣтили уже, что въ XV т. Свода были помѣщены невсевозможныя нарушенія, такъ какъ нѣкоторыя нарушенія, особенно проступки были выражены въ различныхъ прочихъ уставахъ. Если бы продолжать только дѣло исправленія Свода, то новое Уложеніе могло бы послѣдовать той же самой системѣ. Но оно хотѣло свести въ одно цѣлое всевозможныя постановленія о нарушеніи закона; вотъ почему Уложеніе было составлено не для однихъ только наказаній уголовныхъ, но и для наказаній исправительныхъ, самыхъ легчайшихъ. Замѣтимъ при томъ, что при самомъ составленіи проэкта между составителями были различныя мнѣнія по отношенію къ этому вопросу. Одни полагали болѣе удобнымъ составить не одинъ, а 2 кодекса уголовныхъ законовъ, одинъ для дѣлъ уголовныхъ, другой для проступковъ, за которыя слѣдуютъ исправительныя и болѣе легкія взысканія, но такъ какъ и тотъ и другой кодексъ долженъ былъ быть составленъ въ одномъ и томъ же духѣ законодательства что неизбѣжно повело бы къ однимъ и тѣмъ же повтореніямъ въ общихъ кодексахъ и такъ какъ все различіе между преступленіемъ и проступкомъ заключалось въ относительной ихъ важности, то вслѣдствіе этого и было составлено одно общее Уложеніе. Рѣшено было всѣ постановленія о преступленіяхъ и проступкахъ безъ всякаго исключенія помѣстить въ одномъ и томъ же кодексѣ, распредѣливъ ихъ по различнымъ родамъ и предметамъ, т. е. по свойству

тѣхъ законовъ, которые нарушены. Эта система распредѣленія имѣла за собою и практическое преимущество, такъ какъ въ прежнее время уголовные суды замедляли дѣло розысками въ какомъ уставѣ, кромѣ XV т. можетъ быть опредѣленное взысканіе за тотъ или другой проступокъ. Затѣмъ, Уложеніе ввело нѣкоторыя новыя понятія и раздѣленія въ наше законодательство. Прежде всего въ Уложеніи о наказаніи встрѣчается точное распредѣленіе всѣхъ возможныхъ нарушеній закона на правильныя категоріи. Составители проэкта Уложенія долго колебались, какую систему имъ выбрать изъ различныхъ системъ, представлявшихся въ этомъ отношеніи иностранными кодексами. Такъ, въ нѣкоторыхъ кодексахъ нарушенія закона раздѣлялись на три разряда: на такъ называемыя злодѣянія или тяжкія преступленія, затѣмъ, на собственно такъ называемыя преступленія и наконецъ, на проступки. Такое раздѣленіе встрѣчается во французскомъ кодексѣ, гдѣ подъ именемъ crimes разумѣютъ тяжкія преступленія, подъ именемъ delits обыкновенныя преступленія и подъ contraventions de police проступки. Другое раздѣленіе австрійскаго уголовнаго кодекса, гдѣ кромѣ различія злодѣяній, полицейскія преступленія различены на нарушенія тяжкія и легкія. Подобное австрійскому раздѣленію нарушеній закона представилъ баварскій кодексъ. Соотвѣтственно этимъ различнымъ соображеніямъ при составленіи Уложенія было принято во вниманіе главное раздѣленіе на преступленія и проступки. Затѣмъ, нужно было раздѣлить преступленія по ихъ существу, т. е. по ихъ внутреннему характеру. Въ этомъ отношеніи Уложеніе о наказаніяхъ ввело слѣдующую систему преступленій раздѣляя всѣ нарушенія на нарушенія, имѣющія значеніе государственныхъ нарушеній, общественныхъ и частныхъ. Это раздѣленіе взято изъ проэкта 1813 г.; но эту тройственную систему Уложеніе выяснило съ большею подробностью. Каждое изъ названныхъ трехъ главныхъ разрядовъ нарушеній, составители Уложенія, въ свою очередь, раздѣлили на три части въ слѣдующемъ смыслѣ: въ каждомъ разрядѣ преступленій нарушаются или личныя права, или нарушается моральное благосостояніе, слѣдовательно наносится моральный вредъ или преступленіемъ

наносятъ матеріальный вредъ, т. е. нарушаютъ, такимъ образомъ, матеріальное благосостояніе. Эти три раздѣленія, примѣненныя къ раздѣленію преступленій на государственныя, общественныя и частныя, дали въ результатѣ подробную систему раздѣленія преступленій, которая и составляетъ основаніе Уложенія о наказаніяхъ. Такъ къ 1-му разряду преступленій государственныхъ, нарушающія личныя права государства, Уложеніе отнесло преступленія противъ Священной Особы Монарха, затѣмъ, преступленія нарушающія самую цѣлость и личность существованія государства. Затѣмъ, ко 2-му разряду преступленій, нарушающихъ моральное благосостояніе государства, составители Уложенія отнесли преступленія противъ вѣры, преступленія противъ правительства; къ 3-му разряду преступленій, нарушающихъ матеріальное благосостояніе государства, отнесены всѣ нарушенія, касающіяся государственныхъ доходовъ, государственнаго имущества и вообще государственнаго достоянія. Затѣмъ, въ этомъ же смыслѣ Уложеніе распредѣлило на 3 категоріи всѣ преступленія общественныя, разумѣя, въ 1-й, категоріи нарушенія личнаго благосостоянія общества, во 2-й, моральнаго благосостоянія т. е. преступленія противъ общественной нравственности и спокойствія и, въ 3-хъ, преступленія наносящія матеріальный вредъ цѣлому обществу. Наконецъ, послѣдняя категорія нарушеній противъ частныхъ лицъ раздѣлена, на основаніи тогоже соображенія, на преступленія наносящія вредъ личному благосостоянію, моральному, наприм. противъ чести лица и, наконецъ, преступленія кражи, воровства, т. е. наносящія матеріальный вредъ человѣку. Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ законодательствѣ явилась новая система раздѣленія преступленій основанная на одномъ началѣ.

LXXII ЛЕКЦІЯ.

Мы упомянули въ прошедшій разъ объ основаніи системы, по которой въ Уложеніи 1845 г. распредѣлены были постановленія о преступленіяхъ и наказаніяхъ. Эта система новая, которая

*

въ первый разъ явилась въ нашемъ законодательствѣ и которая отличаетъ Уложеніе 1845 г. отъ предъидущихъ сборниковъ нашего предшествующаго законодательства: въ составъ Уложенія о наказаніяхъ, вошли заимствованія изъ различныхъ уголовныхъ кодексовъ иностранныхъ государствъ и оттуда же взяты и нѣкоторыя подробности въ дальнѣйшемъ распредѣленіи всѣхъ преступленій и наказаній. Я упомянулъ о различныхъ кодексахъ, которые были приняты при составленіи проэкта. Эти заимствованія, хотя взяты, главнымъ образомъ, для устройства болѣе правильной системы по распредѣленію постановленій, но съ другой стороны, такъ какъ они были изъ разнообразныхъ кодексовъ, построенныхъ на началахъ различныхъ теорій, то отсюда произошло то, что и въ Уложеніи о наказаніяхъ встрѣчаются повторенія въ различныхъ отдѣлахъ однихъ и тѣхъ же статей; затѣмъ въ нѣкоторыхъ постановленіяхъ Уложенія, хотя и меньше, и рѣже, нежели въ предшествующихъ сборникахъ законовъ, нѣкоторыя противорѣчія. По этимъ причинамъ при второмъ изданіи Свода, Уложеніе о наказаніяхъ 1845 г., включенное въ составъ Свода Законовъ вошло въ содержаніе его 15 тома съ нѣкоторыми весьма незначительными перемѣнами, но затѣмъ при изданіи Уложенія о наказаніяхъ въ 1866 г., такъ какъ это есть послѣднее и новѣйшее изданіе, нѣкоторые изъ означенныхъ недостатковъ исправлены и повторенія, которыя встрѣчались въ первомъ изданіи Уложенія уничтожены. Затѣмъ, въ новѣйшее время, по отношенію исправленія уголовныхъ законовъ, сдѣланы нѣкоторыя существенныя улучшенія. Къ этимъ улучшеніямъ общимъ нужно отнести сначала то, что взглядъ на преступленіе, вообще и въ различныхъ его видахъ, является въ Уложеніи совершенно правильнымъ и вполнѣ опредѣленнымъ. Преступленіе считается окончательно дѣломъ общественнымъ и потому преслѣдуется независимо отъ воли частныхъ лицъ, независимо отъ жалобы лица пострадавшаго отъ преступленія. Оно возбуждается и преслѣдуется судебнымъ уголовнымъ порядкомъ, какъ дѣло общественное. Взглядъ на преступленіе, который до изданія Уложенія нѣсколько былъ затемнѣнъ, этотъ взглядъ дѣлается вполнѣ яснымъ, въ смыслѣ различія

преступленія отъ гражданскаго нарушенія. Въ гражданскомъ нарушеніи или въ такъ называемой гражданской обидѣ или ущербѣ, отъ воли обиженнаго зависитъ требовать себѣ вознагражденія или справедливаго удовлетворенія, или нетребовать взысканія за нарушеніе. Въ нашемъ древнемъ законодательствѣ и въ новѣйшемъ до изданія Уложенія были нѣкоторыя и уголовныя преступленія, которыя подводились подъ эти же самые взгляды, но Уложеніе уже опредѣляетъ, какъ я уже высказалъ, ясное понятіе о преступленіи: преступленіе требуетъ наказанія, оно требуетъ суда независимо отъ того, что лицо, пострадавшее отъ преступленія и не хотѣло бы этого. Слѣдовательно, Уложеніе смотритъ на преступленіе совершенно также, какъ смотритъ наука, теорія уголовнаго права, но смотритъ, какъ на такое право нарушеніе, которое затрогиваетъ интересы общества и государства. Затѣмъ къ достоинству Уложенія нужно отнести то, что оно совершенно равномѣрно и одинаково преслѣдуетъ и охраняетъ нарушеніе правъ, какъ государства, общества, такъ и семейства, такъ и отдѣльнаго лица. Въ прошедшій разъ, мы видѣли систему Уложенія: она совершенно равномѣрна, совершенно одинакова по отношенію ко всѣмъ правонарушеніямъ и имѣетъ тройственное начало изъ того соображенія, что преступленіе можетъ касаться нарушенія или личнаго благосостоянія, или нарушенія моральнаго, или нарушенія матеріальнаго благосостоянія. Эта тройственная система одинаково прилагается въ Уложеніи и съ одинаковою послѣдовательностью охраняетъ всякое правонарушеніе. Затѣмъ, взглядъ Уложенія на наказанія также значительно выше предшествующаго законодательства. Въ прежнее время, какъ мы видѣли, преобладала система устрашенія и возмездія зломъ за зло. Затѣмъ, на наказаніе стали смотрѣть съ различныхъ точекъ зрѣнія, одни старались въ немъ видѣть справедливое удовлетвореніе обиженнаго, другіе старались видѣть одну только мѣру охраненія порядка общественнаго или правомѣрности, но до самаго изданія Уложенія о наказаніяхъ, законъ не ставилъ на первый планъ самого преступника, не имѣлъ въ виду цѣли исправленія преступника. Притомъ, какъ мы видѣли, къ недостатку нашей прежней

системы наказаній относилось то, что въ выборѣ разныхъ средствъ уголовнаго возмездія, законъ, въ прежнее время, не подвергалъ эти способы критикѣ и вводилъ многія изувѣчивающія наказанія. Уложеніе устранило всѣ эти существенные недостатки. Въ системѣ наказаній, которую ввело Уложеніе, заключается цѣль охраненія права отъ нарушенія, слѣдовательно, удовлетвореніе справедливымъ требованіямъ, охраненіе закона, охраненіе государственнаго спокойствія, общественнаго, семейнаго и частнаго права, затѣмъ, цѣль исправленія, которая занимаетъ въ системѣ Уложенія одно изъ первыхъ мѣстъ. Система наказаній по Уложенію распадается, главнымъ образомъ, на два отдѣла—на наказанія уголовныя, далѣе исправительныя, къ которымъ нужно причислить и такъ называемыя дисциплинарныя взысканія. Для болѣе важныхъ, и тяжкихъ преступленій, Уложеніе назначило наказанія уголовныя, для менѣе важныхъ, оно ввело однообразную систему исправительныхъ мѣръ — однообразную въ томъ смыслѣ, что, начиная отъ болѣе значительныхъ мѣръ взысканія, эта система идетъ, постепенно уменьшаясь и доходитъ до денежнаго взысканія. Въ самыхъ уголовныхъ наказаніяхъ, Уложеніе не оставляетъ идеи исправленія преступника, такъ что это исправительное начало составляетъ одно изъ самыхъ существенныхъ основаній его системы. Преступникъ, по мѣрѣ вліянія наказанія на его нравственное исправленіе, подвергается нѣкоторымъ облегченіямъ и это исправительное начало примѣняется, какъ при распредѣленіи каторжныхъ работъ, такъ и при ссылкѣ. Эти же начала примѣняются къ заключеннымъ въ крѣпостяхъ, заключеннымъ въ тюрьмахъ, рабочихъ домахъ и въ другихъ мѣстахъ. Затѣмъ, система наказанія, проникнутая однимъ и тѣмъ же началомъ, является, однако же, въ Уложеніи съ нѣкоторыми оттѣнками различія. Такъ, Уложеніе опредѣлило особенные роды наказаній для лицъ, изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія и особенныя наказанія для лицъ, неизъятыхъ отъ этого наказанія. Для первыхъ, всѣ наказанія заключаются въ лишеніи свободы, для вторыхъ, исправительное наказаніе заключается въ лишеніи свободы, но въ особенныхъ мѣстахъ. Слѣдовательно, различіе является не въ самомъ

главномъ принципѣ, а во второстепенныхъ его примѣненіяхъ, т. е. въ различіе мѣстъ заключенія и, кромѣ того, въ нѣкоторыхъ другихъ послѣдствіяхъ. Отсюда произошло то, что и въ Уложеніи о наказаніяхъ за одно и тоже преступленіе невсегда полагается два совершенно одинаковыя наказанія, а различныя, по различію званія преступниковъ. Однако же, это различіе не главное, а второстепенное; оно не есть существенное потому, что законъ принялъ въ соображеніе, что для лица, принадлежащаго къ нижнему или рабочему сословію заключеніе или лишеніе свободы на болѣе продолжительное время должно быть разсматриваемо не какъ одно, а какъ два наказанія—это лишеніе свободы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, потеря заработка тѣхъ дней, которые лицо проводитъ во время заключенія; лицо, не принадлежащее къ рабочему классу не подвергается этому двойственному наказанію, слѣдовательно, лицо, сообразно своему общественному положенію, должно испытывать наказаніе, по возможности, равномѣрное; по этимъ соображеніямъ законъ и постановилъ въ системѣ Уложенія нѣкоторыя особенныя мѣры наказанія для лицъ, принадлежащихъ къ рабочему классу и для лицъ, непринадлежащихъ къ рабочему классу. Въ тѣхъ мѣстахъ заключенія, которымъ подвергается простолюдинъ, законъ далъ ему возможность, во время самаго заключенія, посредствомъ извѣстной работы, зарабатывать себѣ извѣстную цѣнность. Этимъ уменьшается неравномѣрность наказанія и, кромѣ того, постоянное занятіе во время заключенія есть одно изъ самыхъ надежныхъ мѣръ къ исправленію. И такъ, слѣдовательно, если мы встрѣчаемъ въ Уложеніи о наказаніяхъ различныя постановленія наказаній по различію общественнаго положенія, то мы не должны забывать тѣ соображенія, которыя имѣло законодательство въ виду, при установленіи ихъ. Но и въ этомъ отношеніи, новѣйшее время сдѣлало существенныя улучшенія. Прежде всего, въ новѣйшее время, нѣкоторыя наказанія, введенныя въ нашъ уголовный кодексъ еще со времени Петра Великаго, были окончательно отмѣнены и замѣнены другими общими наказаніями. Такъ, Петръ Великій, въ числѣ различныхъ нововведеній, ввелъ и новый способъ наказанія—отдачу

въ военную службу рядовымъ. Этотъ родъ наказанія существовалъ въ нашемъ законодательствѣ до самаго новѣйшаго времени. Въ 1860 г., 22 марта отмѣнено это наказаніе, затѣмъ въ это же самое время сдѣлано весьма важное улучшеніе въ системѣ наказаній — опредѣлены особенныя наказанія, для несовершеннолѣтнихъ лицъ за менѣе тяжкія преступленія и запрещено присуждать, несовершеннолѣтнихъ къ лишенію всѣхъ правъ и преимуществъ въ обыкновенныхъ преступленіяхъ. 19 февраля 1861 г. отмѣнена крѣпостная зависимость и это имѣло то важное значеніе въ отношеніи къ уголовному законодательству, что вмѣстѣ съ этою отмѣною окончательно прекратилась прежняя крѣпостная расправа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уничтожился разрядъ преступленій, бывшій въ нашемъ законодательствѣ подъ именемъ преступленій противъ власти помѣщичьей. Закономъ, 17 апрѣля 1863 г. отмѣнена совершенно система наказаній тѣлесныхъ. Сюда нужно отнести слѣдующія существенныя усовершенствованія, которыя уничтожили недостатокъ нашего прежняго законодательства, а именно отмѣнено клейменіе или наложеніе штемпельныхъ знаковъ на преступника, отмѣна плети, какъ добавочнаго наказанія, женщины совершенно исключены отъ тѣлеснаго наказанія, сокращенъ срокъ работъ въ арестантскихъ ротахъ, сокращены, на одну треть противъ прежняго, сроки заключенія въ тюрьмы, въ рабочій домъ, въ смирительный домъ и въ крѣпостяхъ. Вообще, сроки заключенія были у насъ весьма продолжительны; продолжительность этихъ сроковъ совершенно оправдывается въ наказаніяхъ уголовныхъ, но продолжительность заключенія за нарушенія менѣе важныя, а тѣмъ болѣе за проступки не можетъ быть разсматриваема, какъ достоинство законодательства, и вотъ почему эти сроки сокращены вообще на $^1/_3$ противъ прежняго, даже противъ того размѣра, который былъ принятъ составителями Уложенія въ 1845 г.; при томъ судьямъ предоставлено право, при обстоятельствахъ смягчающихъ, сокращать и эти уменьшенные сроки до половины. Отмѣна тѣлесныхъ наказаній составляетъ весьма важное и существенное усовершенствованіе въ нашемъ законодательствѣ. Мы видѣли, какъ эти наказанія съ древнихъ временъ

были рѣдки у насъ, какъ они усилились въ эпоху монгольскаго владычества, затѣмъ, мы видѣли, какъ они умножались и разнообразились подъ вліяніемъ самаго взгляда на наказанія, что они должны внушать устрашеніе и слѣдовательно, чѣмъ болѣе поражаютъ ужасомъ наказанія, тѣмъ болѣе они имѣютъ значенія. Царствованіе Государя Императора Александра Николаевича составляетъ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ эпохъ усовершенствованія уголовнаго законодательства. Съ отмѣною тѣлесныхъ наказаній, отмѣнено и клейменіе. Клейменіе нужно разсматривать также какъ тѣлесное наказаніе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, клейменіе имѣло тотъ важный недостатокъ, что оно совершенно шло въ разрѣзъ съ тѣми цѣлями, которыя были положены въ основаніе Уложенія. Преступникъ, подвергнувшійся клейменію, носилъ на себѣ неизгладимую печать отверженія и исправленіе по отношенію къ нему было уже немыслимо. Затѣмъ къ эпохѣ новыхъ временъ относятся весьма важныя усовершенствованія, сдѣланныя въ уголовномъ законодательствѣ судебными уставами, изданными 20 ноября 1864 г., въ особенности же постановленія о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Этотъ послѣдній уставъ сдѣлалъ весьма много существенныхъ измѣненій въ опредѣленіи наказаній уголовныхъ и исправительныхъ. Въ силу всѣхъ этихъ причинъ, новое изданіе Уложенія о наказаніяхъ 1866 г. является уже во многихъ своихъ постановленіяхъ совершенно инымъ, нежели изданіе Уложенія 1845 г. и является въ окончательной формѣ, при чемъ включены всѣ эти усовершенствованія, о которыхъ я только что упомянулъ. Итакъ, уголовное законодательство значительно усовершенствовалось съ изданіемъ Уложенія о наказаніяхъ 1866 г. и въ особенности усовершенствованіе уголовнаго законодательства находится въ тѣсной связи съ изданіемъ судебныхъ уставовъ 1864 г. Это и служитъ естественнымъ переходомъ въ нашемъ изложеніи отъ указаній перемѣнъ и усовершенствованій уголовнаго законодательства къ указанію существенныхъ перемѣнъ, по отношенію судебныхъ учрежденій съ изданіемъ судебныхъ уставовъ. Но здѣсь мы должны еще, прежде нежели приступимъ къ обозрѣнію этихъ замѣчательныхъ законоположеній новыхъ временъ, прежде,

нежели мы приступимъ къ опредѣленію значенія судебныхъ реформъ сдѣлать заключеніе о характерѣ законодательства времени Императора Николая I. Мы видѣли общее значеніе этой эпохи, разбирая и опредѣляя значеніе работъ по составленію Свода Законовъ, опредѣляя значеніе Полнаго Собранія Законовъ, вникая въ самый ходъ редакціонныхъ работъ и опредѣляя всю важность результатовъ этихъ работъ. Мы остановились долго на этой эпохѣ предшествовавшей нашему времени и эти изслѣдованія привели насъ къ тому убѣжденію, что эпоха царствованія Императора Николая I въ высшей степени важна въ отношеніи внѣшней исторіи русскаго права. Только въ эту эпоху осуществилось то, къ чему стремилось наше законодательство и правительство, въ теченіи длиннаго ряда всѣхъ предшествующихъ коммисій. Въ это царствованіе явилась система законодательства, собранная и расположенная на началахъ хронологическомъ и систематическомъ въ смыслѣ собранія законовъ и приведенія ихъ въ стройный порядокъ. Изданіе полнаго собранія и сводовъ законовъ составляетъ капитальную эпоху въ развитіи законодательства. Мы должны въ особенности указать на значеніе этой эпохи и въ томъ именно смыслѣ, что почти ни одно государство не имѣетъ такого полнаго и такъ тщательно собраннаго Собранія Законовъ, который представляетъ Полное Собраніе Законовъ въ хронологической послѣдовательности. Что это собраніе законовъ, разъ навсегда построенное и продолжаемое, что это собраніе составляетъ одно изъ главныхъ основаній нетолько всякой исторической ученой разработки въ отношеніи къ нашему праву, что оно составляетъ главный источникъ всѣхъ частныхъ трудовъ и изслѣдованій юридическихъ по всѣмъ отраслямъ права то это очевидно. Изданіе Свода Законовъ также знаменательно, какъ и изданіе Полнаго Собранія Законовъ. Въ первый разъ сводъ представляетъ систему законовъ, раздѣленныхъ методически, по требованіямъ науки. Сперанскій примѣняетъ къ нему свою программу, которая впослѣдствіи хотя и оказалась несовершенною, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ общемъ началѣ, элементъ научный, въ распредѣленіи законовъ, былъ положенъ разъ на всегда. Этому началу слѣдуютъ и всѣ послѣдующіе, какъ

мы увидимъ, сборники законодательства; уже послѣ Свода мы имѣли различные уставы; всѣ они болѣе или менѣе располагаются примѣнительно къ системѣ, которую выразилъ Сперанскій, т. е. всѣ они располагаются и разработываются при соображеніяхъ науки права. Итакъ не только въ смыслѣ эпохи во внѣшней исторіи законодательства, но и въ смыслѣ эпохи въ исторіи юридическаго образованія, время Николая I составляетъ замѣчательное явленіе. Не забудемъ мы юристы, что въ это же царствованіе было положено, въ первый разъ, начало прочнаго образованія и учрежденія юридическихъ факультетовъ во всѣхъ русскихъ университетахъ. Къ эпохѣ царствованія Николая I относится увеличеніе различныхъ каѳедръ въ юридическомъ факультетѣ. Затѣмъ кромѣ этой стороны это время замѣчательно по отношенію къ наукѣ государственнаго права. При Императорѣ Николаѣ, въ составѣ министерствъ, являются нѣкоторыя исправленія, является стремленіе къ большей систематичности въ учрежденіяхъ губернскихъ, уѣздныхъ и городскихъ, такъ что эпоха, предшествовавшая нынѣшнему царствованію положила много задатковъ, началъ и основъ для осуществленія того, что произведено въ нынѣшнее царствованіе касательно различныхъ учрежденій.

LXXIII ЛЕКЦІЯ.

Судебные уставы сообщили рѣшительное преобразованіе не только въ нашемъ судо-устройствѣ, но и въ порядкѣ судопроизводства какъ уголовнаго, такъи гражданскаго. Реформа, произведенная судебными уставами вмѣстѣ съ тѣмъ произвела и существенныя перемѣны въ нѣкоторыхъ другихъ частяхъ законодательства, перемѣны въ смыслѣ улучшеній и усовершенствованій. Поэтому изданіе судебныхъ уставовъ 1864 г. составляетъ эпоху во внутренней исторіи русскаго права. Вообще еще въ царствованіе Императора Николая I поручено было 2-му отдѣленію Собственной Его Величества Канцеляріи составить подробный проэктъ всѣхъ законовъ, относящихся къ судоустройству и къ судопроизводству. Съ тѣхъ поръ было представлено и об-

суждено правительствомъ много такихъ проэктовъ, но такъ какъ нѣкоторые проэкты не обнимали въ совокупности всѣхъ предметовъ, подлежащихъ преобразованію, не заключали въ себѣ указаніе основныхъ началъ реформы для развитія дальнѣйшихъ подробностей, и такъ какъ содержаніе нѣкоторыхъ проэктовъ въ смыслѣ судебной реформы заключалось въ колебаніи между исправленіемъ старыхъ началъ судопроизводства и введеніемъ только нѣкоторыхъ частныхъ новыхъ постановленій, то потому эти различные проэкты были переданы на совокупное разсмотрѣніе особой коммисіи, учрежденной при 2-мъ отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Работы по составленію и разсмотрѣнію проэктовъ продолжались до октября 1861 года. Нужно сказать, что до этого года эти работы шли весьма медленно и въ результатѣ ихъ не выработался еще общій планъ преобразованія. Въ октябрѣ мѣсяцѣ, 1861 года, Государю Императору благоугодно было потребовать свѣдѣніе о положеніи законодательныхъ работъ по этой части. Разсмотрѣвъ эти свѣдѣнія было признано необходимымъ, прежде внесенія въ Государственный Совѣтъ на разсмотрѣніе всѣхъ предположеній и проэктовъ по судебной части, обсудить и разрѣшить, сначала главныя основныя начала въ судоустройствѣ и въ судопроизводствѣ. Въ сентябрѣ, 1862 г., эти основныя положенія для судебной реформы были обнародованы и при томъ было объявлено, что они должны служить главными началами, на основаніи которыхъ должны быть развиваемы подробности, которыя впослѣдствіи могутъ войти въ составъ цѣлаго Судебнаго Уложенія или судебныхъ уставовъ, составленныхъ для этой цѣли. Коммиссія пригласила министра юстиціи и всѣхъ вообще служащихъ лицъ по судебному вѣдомству, кто пожелаетъ доставить въ коммиссію свои соображенія относительно судоустройства и судопроизводства. Кромѣ того, коммиссія отнеслась ко всѣмъ профессорамъ юридическихъ факультетовъ различныхъ университетовъ, о сообщеніи съ своей стороны замѣчаній и соображеній касательно судебной реформы. Кромѣ того коммиссія пригласила чрезъ посредство различныхъ періодическихъ изданій всѣхъ вообще, желающихъ сообщать свои за-

ключенія и предположенія, заимствованныя изъ практики судебной. Мы видимъ такимъ образомъ, что изданію судебныхъ уставовъ предшествовали такіе пріемы собранія свѣдѣній отъ разныхъ лицъ, которыя уже гарантировали заранѣе извѣстную степень полноты и тщательности обсужденій. Коммиссія желала такимъ образомъ имѣть и замѣчанія лицъ, служащихъ въ судебныхъ вѣдомствахъ и замѣчанія науки и наконецъ, замѣчанія частныхъ лицъ которыя путемъ судебной практики могли также съ своей стороны указать на нѣкоторыя необходимыя дополненія законодательства. По собраніи всѣхъ необходимыхъ матеріаловъ и свѣдѣній, работы были раздѣлены между нѣсколькими редакторами и каждый редакторъ долженъ былъ составить проэктъ части предположеннаго преобразованія. При этомъ вмѣнялось редакторамъ отдѣльныхъ частей проэкта соображаться также съ законодательствомъ иностранныхъ государствъ по части судоустройства и судопроизводства. Такимъ порядкомъ на основаніи Высочайшаго повеленія составлены были подробные проэкты судебныхъ постановленій, которые разсматривались сначала въ отдѣльныхъ коммиссіяхъ, а затѣмъ въ общемъ собраніи коммиссій. Каждая оконченная такимъ образомъ работа сообщалась на предварительное разсмотрѣніе главно управляющаго II отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи и министра юстиціи. Эти должностныя лица должны были представить свои соображенія, а затѣмъ коммиссія послѣ этихъ соображеній должна была составить свои окончательныя опредѣленія, которые въ общемъ порядкѣ разсмотрѣнія должны были поступать въ департаменты Государственнаго Совѣта, именно въ департаменты законовъ и гражданскихъ дѣлъ и оттуда уже поступали на Высочайшее утвержденіе. Таковъ былъ ходъ работъ по составленію судебныхъ уставовъ, обнародованныхъ 20 ноября 1864 г. Обращаясь затѣмъ къ указанію внутренняго содержанія судебныхъ уставовъ, мы раздѣлимъ наши указанія въ этомъ отношеніи на 2 части; во 1-хъ мы укажемъ на общую систему судебныхъ уставовъ. Затѣмъ по отношенію главныхъ и существенныхъ частей этого сборника законовъ укажемъ его внутреннее содержаніе, т. е. тѣ улуч-

шенія тѣ нововведенія, и тѣ новыя начала, которыя внесены судебными уставами вообще въ наше Право. Система судебныхъ уставовъ раздѣляется главнымъ образомъ на 3 части: сначала судебныя установленія. Затѣмъ, изъ остальныхъ 2 частей: одна составляетъ новый уставъ гражданскаго судопроизводства, другая—новый уставъ уголовнаго судопроизводства. По отношенію къ этимъ тремъ уставамъ, каждый изъ нихъ преобразовалъ прежній порядокъ и построилъ на новыхъ началахъ, какъ учрежденія судебныя, такъ и самый порядокъ процесса. Недостатки судоустройства и судопроизводства въ прежнее время давно уже обращали на себя вниманіе законодательной власти и однако же нельзя было исправить ихъ безъ нѣкоторыхъ коренныхъ преобразованій по другимъ частямъ законодательства. Одинъ изъ главныхъ существенныхъ недостатковъ судоустройства до изданія судебныхъ уставовъ заключался въ томъ, что наши судебныя учрежденія хотя не во всѣхъ инстанціяхъ, однако же преимущественно въ низшихъ, имѣли значеніе особенныхъ сословныхъ учрежденій; для разрѣшенія судебныхъ дѣлъ существовали особенные суды, если дѣло касалось лицъ, принадлежащихъ дворянству или для лицъ, принадлежащихъ къ другимъ сословіямъ. Итакъ сословность судовъ выражалась въ томъ, что уѣздные суды могли судить тяжбы и иски касающіяся дворянства и сельскихъ обывателей; магистраты и ратуши были низшими судами для лицъ, принадлежащихъ къ городскому сословію. Сельскіе обыватели имѣли свои особенныя полусудебные, полуадминистративные учрежденія для разбирательства судебнымъ порядкомъ, нѣкоторыхъ дѣлъ. Кромѣ этого существовали еще особые суды низшей или 1-й инстанціи подъ названіемъ надворныхъ судовъ въ Петербургѣ и Москвѣ, гдѣ разбирались дѣла, касавшіяся лицъ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ сословій, потому только соображенію, что эти лица принадлежали или къ числу постоянныхъ жителей столицы или къ особеннымъ званіямъ. Итакъ при началѣ каждаго судебнаго дѣла какъ гражданскаго такъ и уголовнаго въ законодательствѣ нашемъ на первыхъ порахъ представлялось отсутствіе единства, не одинъ судъ судилъ дѣла, а различные суды. Устройство этихъ судовъ притомъ было неодинаково, хотя всѣ

они должны были имѣть то общее значеніе, что каждое дѣло немогло поступать въ слѣдующую судебную инстанцію, не бывъ разсмотрѣно въ этихъ первоначальныхъ судахъ. Затѣмъ во 2-й судебной инстанціи, т. е. въ палатахъ уголовнаго и гражданскаго суда это сословное начало было, хотя въ меньшей степени но также существовало и именно въ томъ смыслѣ, что составъ палатъ до изданія судебныхъ уставовъ представлялъ совокупность лицъ, назначенныхъ для судейской обязанности частью по выборамъ отъ дворянъ и отъ правительства, частью по выборамъ отъ дворянъ и отъ купечества; выборныхъ же отъ сельскихъ сословій не было въ этой 2-й инстанціи суда и такимъ образомъ 2-я степень суда имѣла значеніе судебнаго учрежденія, въ которомъ только два сословія имѣли своихъ представителей въ качествѣ выборныхъ. Третьею или высшею инстанціею былъ Правительствующій Сенатъ и здѣсь уже не было оттѣнковъ различныхъ сословій. Но подобное положеніе вещей было сознано въ смыслѣ недостатка. Правительство весьма хорошо понимало, что въ дѣлѣ судебномъ прежде всего и важнѣе всего самая сущность дѣла, а все остальное дѣло второстепенное какъ то званіе лица или сословіе, къ которому оно принадлежитъ. Качество это тѣмъ болѣе было очевидно, что въ дѣлахъ гражданскихъ очевидно требовались общіе суды а никакъ не особенныя учрежденія. Затѣмъ кромѣ этого недостатка, въ самомъ составѣ и значеніи различныхъ выборныхъ членовъ отъ дворянъ, отъ городскихъ обывателей, а въ уѣздахъ и отъ сельскихъ обывателей существовало слѣдующее весьма существенное различіе de facto сельскихъ засѣдателей въ уѣздныхъ судахъ: они никогда не присутствовали въ засѣданіяхъ уѣзднаго суда, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда дѣло касалось лица изъ сельскаго сословія, затѣмъ по самому своему положенію и образованію, они присутствуя и въ этихъ дѣлахъ, конечно не имѣли никакого самостоятельнаго вліянія. Затѣмъ въ палатахъ, которыя имѣли весьма важное назначеніе ревизіи приговоровъ нисшей судебной инстанціи, сельскихъ выборныхъ совершенно не было и по смыслу самаго закона. Затѣмъ, другой важный и существенный недостатокъ нашего судоустройства до 1864 года заключался въ томъ, что на главномъ пла-

нѣ стояли всегда дѣла, имѣющіе какое либо соприкосновеніе съ казеннымъ вѣдомствомъ, вообще съ казеннымъ интересомъ. При тяжбахъ и искахъ, производившихся не между частными лицами, а между казною и частнымъ лицомъ, если казна что-либо требовала съ частнаго лица или частное лицо домогалось какихъ-либо удовлетвореній отъ казенныхъ вѣдомствъ, то дѣло получало совершенно особенный ходъ, именно слѣдственный ходъ. Этотъ слѣдственный ходъ заключался въ томъ, что судъ или судебныя учрежденія въ этомъ случаѣ имѣли второстепенное значеніе, такъ какъ каждая инстанція суда могла не прежде постановлять свое рѣшеніе, какъ сообщивъ предварительно о дѣлѣ тому казенному вѣдомству, которому принадлежитъ предметъ спора и суды обязаны были соображать свои рѣшенія съ мнѣніями и заключеніями различныхъ начальствъ и вѣдомствъ къкоторымъ относилось спорное дѣло. При томъ, подобныя дѣла никогда не могли быть окончательно рѣшены нетолько въ 1-й и во 2-й судебныхъ инстанціяхъ, но даже и въ высшей инстанціи они не могли быть разсмотрѣны и разрѣшены иначе, какъ по предварительному соображенію различныхъ мнѣній начальства того или другаго вѣдмства. Ясно, что вообще судебныя учрежденія не имѣли того самостоятельнаго значенія которое должно быть по самому понятію о судѣ. Это уже намъ показываетъ, что одинъ изъ самыхъ важныхъ и капитальныхъ недостатковъ нашего древняго судоустройства заключался въ томъ, что не было строгаго разграниченія между административною и судебною властью и что судебныя учрежденія въ нѣкоторыхъ дѣлахъ были поставлены на 2-й планъ и зависѣли отъ вліянія администраціи. Съ другой стороны, этотъ же самый капитальный недостатокъ существовалъ и въ различныхъ административныхъ учрежденіяхъ: нѣкоторыя учрежденія административныя, а въ числѣ ихъ и полицейскія имѣли право нетолько на административныя распоряженія, но и право на разбирательство спорныхъ дѣлъ, слѣдовательно право судебное. Но одно изъ главныхъ и существенныхъ условій, какъ административной, такъ и судебной дѣятельности заключается въ томъ, чтобы административныя учрежденія не имѣли никакой власти судебной даже въ такихъ дѣлахъ, которыя воз-

никаютъ въ кругѣ ихъ вѣдомства. Назначеніе администраціи заключается въ точномъ примѣненіи закона въ дѣлахъ управленія и распоряженія тамъ, гдѣ возникаетъ сомнѣніе; гдѣ же возникаетъ дѣло судебнаго свойства, тамъ администрація передаетъ это дѣло суду. Но этого порядка до 1864 г. у насъ не было. Затѣмъ къ другимъ существеннымъ недостаткамъ прежняго судоустройства относится излишнее, чрезмѣрное число судебныхъ инстанцій. Дѣло судебное переходило нѣсколько степеней судебнаго разсмотрѣнія. Хотя вообще, по свойству, каждое судебное дѣло и представляется неразъясненнымъ вначалѣ, хотя въ силу этого качества своего судебное дѣло не можетъ быть предоставлено окончательному рѣшенію одного только суда по общему правилу, такъ какъ допускается возможность, такъ называемой, судебной ошибки, однако же съ другой стороны по соображенію только этой возможности законодательство не можетъ увеличивать излишнее число судебныхъ инстанцій, оно не можетъ растягивать такимъ образомъ, отправленіе правосудія. Наука и опытъ въ иностранныхъ законодательствахъ указываетъ ясно ту истину, что для полнаго и несомнѣннаго правильнаго судебнаго разбирательства необходимо вообще существованіе только двухъ судебныхъ инстанцій; предполагать большее число ихъ — значитъ основывать возможность судебной ошибки на чрезвычайно шаткихъ основаніяхъ. Между тѣмъ у насъ до 1864 г., дѣло судебное могло переходить нетолько чрезъ 2 или чрезъ 3, оно переходило иногда чрезъ 7 или 8 инстанцій. Дѣло возникало въ уѣздномъ судѣ, затѣмъ, оно переходило на разсмотрѣніе палаты гражданскаго или уголовнаго суда, отсюда, пересылалось на разсмотрѣніе различныхъ административныхъ учрежденій, затѣмъ уже переходило въ Правительствующій Сенатъ. Но и здѣсь оно въ большей части случаевъ не могло получать окончательнаго разрѣшенія; для того, чтобы могло быть разрѣшено дѣло, законъ требовалъ, чтобы мнѣнія сенаторовъ были единогласны; такимъ образомъ достаточно было несогласіе одного сенатора и дѣло не получало окончательнаго рѣшенія въ департаментѣ; тоже самое было при несогласіи оберъ-прокурора съ рѣшеніемъ и единогласнымъ. Отсюда дѣло посту-

пало въ общее собраніе департаментовъ Правительствующаго Сената. здѣсь требовалось уже не единогласное рѣшеніе, а рѣшеніе большинства двухъ третей голосовъ; но если съ этимъ большинствомъ не соглашался министръ юстиціи, то дѣло не считалось окончательно рѣшеннымъ. Отсюда оно переходило въ совѣтъ министра юстиціи или, въ такъ называемую консультацію. Здѣсь происходило новое изслѣдованіе дѣла, доклады мнѣній и рѣшеніе консультаціи и затѣмъ уже дѣло переходило въ департаментъ Государственнаго Совѣта. Здѣсь могло возникнуть также разногласіе между членами; въ этомъ случаѣ дѣло переходило въ общее собраніе Государственнаго Совѣта и мнѣніе общаго собранія Государственнаго Совѣта восходило обыкновеннымъ порядкомъ на Высочайшее утвержденіе и такимъ образомъ оно получало наконецъ окончательное рѣшеніе. Этотъ длинный ходъ дѣла соединялся при томъ съ крайнею медленностью. Архивы нашихъ прежнихъ судебныхъ мѣстъ заключаютъ не малое количество дѣлъ, которыя однимъ числомъ лѣтъ своего производства поражаютъ насъ: прежде тяжбы и иски производились лѣтъ 30, 40, а иногда и болѣе. Къ недостаткамъ нужно также отнести преобладаніе письменности, что увеличивало объемъ производства судебнаго дѣла; при томъ суды входили въ излишнюю и совершенно не нужную переписку и сношенія съ различными прочими учрежденіями или присутственными мѣстами. Къ недостаткамъ прежняго порядка судопроизводства нужно отнести и то, что при несостоятельномъ значеніи судовъ, они, съ другой стороны, имѣли и не свойственный имъ характеръ; такъ напримѣръ, назначеніе суда въ дѣлахъ гражданскихъ заключается въ томъ, чтобы онъ былъ только какъбы посредникомъ, между тяжущимися во время ихъ спора. Ясно и очевидно, что если сами тяжущіеся не увеличиваютъ своихъ требованій въ отношеніи другъ друга, то суду нѣтъ никакой надобности, нѣтъ никакого интереса преувеличивать тѣхъ требованій, которыя заявляетъ истецъ противъ отвѣтчика или наоборотъ. Между тѣмъ, наши суды до 1864 г. и наши юристы смотрѣли на назначеніе суда совершенно иначе въ дѣлахъ гражданскихъ. Правда, что съ одной стороны этотъ осо-

бенный и неправильный взглядъ имѣлъ нѣкоторую долю своего основанія, именно: суды смотрѣли на каждую тяжбу и на каждый искъ, какъ на спорный юридическій вопросъ, который должно непремѣнно разрѣшить въ самомъ полномъ и всеобъемлющемъ его значеніи, такъ что не то, чего домагаются тяжущіеся въ отношеніи другъ друга становилось какъ-бы программою суда, а вопросъ въ общемъ его юридическомъ значеніи. Такимъ образомъ судъ не ограничивался заявленіемъ истца, а разбиралъ, на сколько вообще принадлежитъ ему извѣстное право, не имѣетъ-ли онъ право требовать еще чего, кромѣ того, что онъ заявляетъ въ своемъ искѣ. Отъ этого происходило то, что изъ одного иска самъ судъ производилъ нѣсколько другихъ исковъ и отступалъ отъ первоначальныхъ требованій истца Судъ входилъ, такимъ образомъ въ совершенно ненужное ему разбирательство различныхъ другихъ сторонъ спорнаго дѣла. Дѣйствительно, если смотрѣть, что суды должны разбирать дѣла во всей ихъ полнотѣ, то взглядъ этотъ имѣетъ долю своего основанія, но ненужно забывать, что тяжущійся прежде всего имѣетъ интересъ, какъ можно скорѣе получить то, чего онъ требуетъ. Затѣмъ, съ другой стороны отвѣтчикъ весьма часто, какъ показываетъ судебная практика до 1864 г., былъ вполнѣ гарантируемъ отъ самыхъ значительныхъ исковъ и притязаній со стороны истца, тѣмъ что онъ имѣетъ какія-либо другія требованія, и судъ отступалъ отъ первоначальныхъ требованій истца и входилъ въ разбирательство другихъ исковъ, которые могли или были большею частью неосновательны. Иногда бывали и такіе случаи, что истецъ и отвѣтчикъ соглашались въ нѣкоторыхъ своихъ требованіяхъ, но судъ вмѣшивался въ дѣло и объявлялъ, что оно не можетъ подлежать разсмотрѣнію, потому что прошла давность или прошли другія какіе установленные сроки. Иногда судъ возбуждалъ въ дѣлахъ гражданскаго производства ходъ уголовный, такъ напримѣръ достаточно было возраженія отвѣтчика или истца что какой-либо документъ, представленный противною стороною, признаетъ онъ сомнительнымъ или подложнымъ, чтобы искъ прекратился, и начиналось слѣдствіе о подлинности какого либо документа. Кромѣ этихъ недостат-

*

ковъ судовъ при отсутствіи гласности и публичности, другой недостатокъ заключался въ томъ, что разбирательство и производство судебныхъ дѣлъ возлагалось большею частью на дѣятельность секретарей судовъ, которые по смыслу закона не должны были имѣть право рѣшительнаго голоса при разрѣшеніи дѣла, а между тѣмъ de facto они то были самыми вліятельными лицами въ производствѣ дѣла. Разрѣшеніе судебнаго дѣла должно быть результатомъ общаго и всесторонняго обсужденія членовъ суда; изъ различныхъ мнѣній членовъ судебнаго учрежденія должно происходить разрѣшеніе дѣла.

ЛЕКЦІЯ LXXIV.

Коснувшись недостатковъ прежняго порядка судоустройства, мы упомянули, между прочимъ, объ отсутствіи публичности и гласности. Одно изъ наиважнѣйшихъ достоинствъ судебной реформы заключается въ томъ, что устройство засѣданій судебныхъ мѣстъ основано на началѣ публичности и гласности. Нельзя, однакоже сказать, чтобы это обстоятельство имѣло значеніе усовершенствованія только по отношенію къ судоустройству: публичность и гласность есть одинаковое усовершенствованіе и въ отношеніи самаго судопроизводства т. е. въ отношеніи самаго хода процесса. Остановимся на значеніи этого важнаго нововведенія по отношенію къ судоустройству; публичность и гласность судопроизводства имѣетъ то существенное преимущество, что онѣ придаютъ всему характеру дѣятельности судопроизводства болѣе строгое, болѣе соотвѣтствующее правосудію значеніе. Когда дѣло производится и разбирается судьями публично, когда судьи знаютъ, что нетолько самый ходъ разбирательства, но и самое рѣшеніе ихъ можетъ быть подвергаемо, какъ это дозволяетъ законъ, извѣстному разсмотрѣнію въ печати, тогда этимъ самымъ уже, характеръ дѣятельности суда дѣлается совершенно инымъ, нежели какимъ онъ былъ прежде; при закрытомъ производствѣ члены, полагаясь на докладъ секретаря суда, могли не относится къ дѣлу съ тою под-

робностію и съ тѣмъ необходимымъ углубленіемъ и вниманіемъ, какъ это неизбѣжно при публичномъ судопроизводствѣ. Во время публичныхъ засѣданій члены суда и предсѣдатель суда руководятъ ходомъ самаго судебнаго производства. Они наглядно примѣняютъ постановленія закона въ отношеніи порядка суда. Они отвѣтствуютъ за упущенія установленнаго порядка судопроизводства. Все это придаетъ нетолько всему ходу процесса, но и въ особенности судебному рѣшенію большую силу, большую твердость, болѣе правильное значеніе; самое впечатлѣніе судебнаго рѣшенія на публику и вообще на всѣхъ постороннихъ лицъ дѣлается болѣе значительнымъ, болѣе существеннымъ, нежели, какъ судебное рѣшеніе, объявленное при закрытыхъ дверяхъ. Затѣмъ при публичности и гласности судопроизводства, одно изъ необходимыхъ при этомъ дополненій составляетъ допущеніе словесной формы разбирательства. Эта словесная форма искони присущая нашему русскому законодательству, вѣками сохранявшая свою силу и значеніе только постепенно въ новѣйшій періодъ законодательства вытѣснена преобладаніемъ письменныхъ формъ. Это словесное начало допущено въ нашихъ судебныхъ уставахъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; на немъ построенъ ходъ процесса нетолько гражданскаго, но и уголовнаго судопроизводства. Древнія судебныя рѣчи, древнее судоговореніе нашло себѣ весьма широкое примѣненіе въ судебныхъ уставахъ. Судебные уставы поэтому не могутъ быть понимаемы въ смыслѣ заимствованія только изъ иностранныхъ законодательствъ Правда въ нихъ есть весьма многія части, взятыя цѣликомъ изъ французскаго и англійскаго законодательства, но онѣ взяты только по отношенію къ тѣмъ частямъ процесса, которыя одинаковымъ образомъ, встрѣчаются въ различныхъ иностранныхъ законодательствахъ; и при томъ, эти заимствованія примѣнены къ тѣмъ началамъ судопроизводства, которыя мы видѣли въ нашемъ древнемъ законодательствѣ. Такъ состязательная форма въ гражданскомъ процессѣ есть ничто иное, какъ словесное возраженіе, объясненіе между истцомъ и отвѣтчикомъ; въ уголовномъ процессѣ словесное начало выражается въ такъ называемыхъ судебныхъ преніяхъ еще съ большею силою: обвинительная рѣчь прокурора, защи-

тительная рѣчь защитника и возраженія составляютъ самую существенную, капитальную часть процесса. Кромѣ этого въ прежнемъ порядкѣ производства дѣлъ, особенно въ дѣлахъ уголовныхъ, подсудимые хотя призывались въ засѣданіе суда при допросѣ, однакоже послѣ допроса они удалялись и остальныя части процесса производились внѣ присутствія подсудимыхъ, защитника у нихъ не было. И такъ однимъ изъ существенныхъ улучшеній по судебной реформѣ нужно, безъ всякаго сомнѣнія, признать введеніе въ наше законодательство учрежденіе защитниковъ или такъ называемыхъ присяжныхъ повѣренныхъ, затѣмъ, допущеніе подсудимаго присутствовать во все продолженіе засѣданій: при выслушаніи показанія свидѣтелей, при выслушаніи показаній экспертовъ или свѣдущихъ лицъ, при объявленіи различныхъ доказательствъ или уликъ, возводимыхъ на подсудимаго. Предсѣдатель суда обязанъ спросить его, что онъ имѣетъ возразить на тѣ данныя, которыя публично заявляются противъ него, которыя служатъ уликами или доказательствами его виновности. И такъ судебные уставы ввели много новыхъ и существенныхъ улучшеній въ отношеніи къ самому ходу процесса. Процессъ, какъ гражданскій такъ и уголовный получилъ большую твердость, совершенную опредѣленность и самое значеніе судебныхъ мѣстъ безъ всякаго сомнѣнія этимъ возвышено. Одинъ изъ главныхъ и существенныхъ результатовъ судебной реформы заключался въ томъ, что новые суды должны внушать къ себѣ болѣе довѣрія какъ со стороны тяжущихся такъ и со стороны всего народа. Къ этому нужно присоединить, что для дѣлъ незначительныхъ, какъ въ гражданскомъ смыслѣ, такъ и въ уголовномъ, т. е. для тяжбъ и исковъ малоцѣнныхъ и для суда о проступкахъ, неподвергающихъ виновнаго значительному наказанію, реформа ввела особенное учрежденіе—мировыхъ судовъ. Самое названіе этихъ особенныхъ учрежденій указываетъ на то, что законъ ввелъ особенный элементъ въ разбирательство судовъ, отличающій ихъ отъ общихъ судебныхъ учрежденій; назначеніе мироваго разбирательства, въ смыслѣ особенной формы суда, заключается главнымъ образомъ въ томъ, чтобы народъ имѣлъ судей, избранныхъ изъ среды его самаго, чтобы при томъ, эти судьи

давали народу судъ самый простой, необлеченный въ какія-либо сложныя письменныя формы, при томъ въ большей части случаевъ судъ окончательный. Это установленіе особенныхъ судовъ, съ особеннымъ характеромъ, съ особеннымъ значеніемъ и при томъ въ большей части случаевъ съ правомъ окончательнаго рѣшенія, не должно быть разсматриваемо какъ противорѣчіе тому общему правилу, что судъ для всякаго рода дѣлъ долженъ быть одинаковъ. Судъ не можетъ быть одинаковъ для всякаго рода дѣлъ именно въ интересахъ самихъ тѣхъ лицъ, которыя подлежатъ судебному разбирательству, именно въ томъ смыслѣ, что недостатокъ прежняго законодательства, медленность производства дѣлъ тянувшихся иногда десятки лѣтъ, убѣдилъ наконецъ само правительство въ необходимости дать судъ возможно скорый и возможно простой. Въ самомъ дѣлѣ въ тѣхъ дѣлахъ, которыя незначительны, интересъ лицъ заключается въ томъ, чтобы рѣшеніе по возможности, было скорое. Для рабочаго класса лицъ, для лицъ, живущихъ насущнымъ трудомъ, такой судъ составляетъ истинное благодѣяніе въ смыслѣ мировыхъ учрежденій. Дѣйствительно одно изъ главнѣйшихъ достоинствъ этихъ новыхъ учрежденій заключается въ томъ, что безъ всякаго соблюденія формъ каждое лице, обратившееся къ мировому судьѣ можетъ получить немедленное и скорое удовлетвореніе. Затѣмъ, эти судьи, въ смыслѣ особенныхъ судебныхъ учрежденій, различены по судебнымъ уставамъ отъ обыкновенныхъ судовъ тѣмъ, что они, въ строгомъ смыслѣ слова, не только судьи, но и какъ бы частные посредники и примирители интересовъ спорящихся лицъ. Отсюда ихъ названіе нетолько судей, но судей мировыхъ. Отсюда же одно изъ главныхъ началъ въ судебныхъ уставахъ, что судья въ мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ долженъ, прежде постановленія рѣшенія по всей строгости законовъ, предложить тяжущимся различныя попытки и средства къ примиренію, т. е. къ разрѣшенію дѣла по мимо строгаго формальнаго судебнаго рѣшенія. Это же самое начало введено и въ прочихъ судебныхъ учрежденіяхъ, по дѣламъ гражданскимъ. Нетолько мировые судьи и мировые съѣзды, но и окружные суды, и судебныя палаты должны, по

смыслу судебныхъ уставовъ въ дѣлахъ гражданскихъ, прежде постановки рѣшенія, испытать способъ примиренія тяжущихся лицъ. Затѣмъ къ улучшенію по части судоустройства нужно отнести весьма важное усовершенствованіе; оно ближе всего касается именно насъ, т. е. юристовъ. Судебными уставами опредѣлено, что судьями должны быть лица, получившіе юридическое образованіе. Это первое постановленіе, которое является въ нашемъ законодательствѣ и которое, такимъ образомъ, гарантируетъ то, что составъ судовъ дѣйствительно представляетъ совокупность лицъ, имѣющихъ возможность разрѣшать дѣло по юридическимъ соображеніямъ. Что судьи должны быть юристами, это очевидно и не требуетъ объясненій, но что кромѣ судей юристовъ должны быть въ нѣкоторыхъ дѣлахъ и судьи фактической стороны дѣла, хотя и безъ всякаго юридическаго образованія—это требуетъ разъясненія, тѣмъ болѣе, что одно изъ нововведеній судебныхъ уставовъ заключается въ томъ, что въ дѣлахъ уголовныхъ у насъ введено то знаменитое учрежденіе, которое существуетъ въ иностранныхъ законодательствахъ и приносило и приноситъ громадную пользу — это институтъ присяжныхъ — какъ судей фактической стороны дѣла. Почему въ дѣлахъ уголовныхъ необходимо такое сочетаніе и судей юридической и судей фактической стороны дѣла? Это потому, что самое свойство уголовныхъ дѣлъ таково, что при обсужденіи ихъ нужно обратить вниманіе нетолько на то, что заключается въ самомъ законодательствѣ, но и на тѣ понятія, которыя присущны подсудимому, стоящему на судѣ и внимающему судебному приговору. Такъ какъ судъ рѣшаетъ нарушеніе закона и такъ какъ при обсужденіи уголовныхъ дѣлъ для удовлетворенія правосудія должно быть принято во вниманіе все, что можетъ дать полное понятіе какъ о фактѣ или событіи преступленія, такъ и о личности подсудимаго, то понятно, что при разрѣшеніи уголовныхъ дѣлъ съ одной стороны необходимо, прежде всего оцѣнка самаго факта или событія преступленія въ томъ смыслѣ, можетъ ли оно быть вмѣнено въ вину подсудимому, или нѣтъ. Эта оцѣнка факта зависитъ отъ силы тѣхъ доказательствъ, которыя представляются противъ подсудимаго. Си-

лою убѣжденій должно заставить присяжныхъ засѣдателей, (избираемыхъ по случаю) по совѣсти признать фактъ дѣйствительнымъ, т. е. признать возможность вмѣненія факта въ вину или нѣтъ. Такимъ образомъ, судьи факта образуютъ свой приговоръ прежде, нежели судьи юристы, которыхъ назначеніе заключается въ томъ, что если вина признана дѣйствительною и не сомнѣнною, тогда остается удовлетворить правосудію полнымъ, точнымъ и безпристрастнымъ примѣненіемъ карательной силы закона, и вотъ эта то часть приговора и составляетъ обязанность судей юристовъ, первая же часть приговора составляетъ назначеніе присяжныхъ засѣдателей. Затѣмъ судебными уставами введено въ составъ суда также учрежденіе присяжныхъ защитниковъ. Они ввели у насъ то устройство адвокатуры, которое существовало давнымъ давно въ другихъ государствахъ и существуетъ въ настоящее время въ томъ же видѣ и у насъ. Нельзя не признать этого учрежденія однимъ изъ существенныхъ улучшеній какъ вообще въ отношеніи его значенія, такъ и въ особенности по соображенію того, что было у насъ до 1864 г. Что касается общаго значенія, то понятно, что назначеніе суда заключается въ правосудіи, но иногда подсудимый по недостатку юридическаго понятія, иногда по природнымъ какимъ-либо недостаткамъ, иногда по степени своего низкаго развитія или низкаго образованія не можетъ пользоваться на судѣ тѣми правами, которыя законъ предполагаетъ и требуетъ, чтобы они были сохранены за подсудимымъ. Однимъ словомъ подсудимый не можетъ иногда воспользоваться правомъ защиты, которое каждое развитое законодательство имѣетъ на первомъ планѣ. Мы видѣли, что въ самыхъ древнихъ фазисахъ своего развитія, законодательство всегда имѣло въ виду то обстоятельство, чтобы дать возможность и средства подсудимому не только доказать свою правоту, но и повозможности защитить свои права, но предоставленный самому себѣ безъ помощи адвоката подсудимый не могъ никогда воспользоваться всѣми этими гарантіями. И такъ адвокатура необходима въ смыслѣ существованія особеннаго сословія лицъ, которыя, будучи также юристами, какъ и судьи, направили бы свою дѣятельность исключительно на защиту правъ подсуди-

маго. На западѣ сословіе адвокатовъ пріобрѣло свою не только публичную извѣстность, но и знаменитость и имѣло своихъ блистательныхъ представителей. Дѣятельность адвокатовъ выражалась не только въ самыхъ судахъ, въ произнесеніи защитительныхъ рѣчей, но и въ литературѣ. Кромѣ того, какъ совокупность лицъ, которыя прилагаютъ къ самому дѣлу, къ самому опыту свои юридическія познанія и силою самаго опыта пріобрѣтаютъ свой особенный взглядъ на процессъ, мнѣніе адвокатуры имѣетъ на западѣ весьма важный вѣсъ и потому съ нимъ соображаются иногда и самыя судебныя мѣста при постановленіи своихъ приговоровъ. У насъ это учрежденіе въ самыхъ первыхъ порахъ своего развитія, но нѣтъ сомнѣнія, что оно принесетъ тѣ же самые результаты, какіе оно принесло и въ другихъ государствахъ, слѣдовательно о достоинствѣ корпораціи адвокатовъ и о важномъ вліяніи ихъ, какъ на ходъ процесса, такъ и вообще на успѣхи юридической литературы нѣтъ надобности распространяться. Мы опредѣлили такимъ образомъ вообще достоинство этого учрежденія. У насъ тѣмъ болѣе оно принесетъ важный и существенный результатъ, что въ прежнемъ порядкѣ производства дѣла до изданія судебнаго устава вся судебная адвокатурная практика находилась часто въ рукахъ такихъ лицъ, которыя не только не имѣли и не заботились пріобрѣсть юридическое образованіе, но которыя весьма часто и не нуждались въ этомъ образованіи. Вся дѣятельность нашихъ прежнихъ ходатаевъ по дѣламъ заключалась только въ знаніи тѣхъ способовъ, и уловокъ къ затемнѣнію смысла настоящаго дѣла, или удачныхъ пріемовъ для проволочки или образованія изъ одного дѣла 10 другихъ тѣмъ болѣе, что самое законодательство содѣйствовало этой медленности. Такимъ образомъ зачѣмъ было запасаться юридическимъ образованіемъ, зачѣмъ было писать объясненія или возраженія по отношенію къ самой сущности дѣла, когда достаточно было указать на незначительное отступленіе отъ формы или употребить способъ къ замедленію дѣла для того, чтобы выиграть процессъ. Но при подобномъ положеніи дѣла понятно, что возможность веденія какихъ-либо болѣе значительныхъ спорныхъ судебныхъ дѣлъ могла быть предоставле-

на только немногимъ лицамъ; много самыхъ законныхъ и очевидныхъ требованій должны были въ силу этого порядка вообще не только прекращаться въ самомъ ихъ начинаніи, но и не возобновляться. Кто не имѣлъ средствъ къ продолженію тяжбъ или иска, тому выгоднѣе было отказаться отъ иска вначалѣ нежели подвергать себя всевозможнымъ затратамъ въ пользу различныхъ стряпчихъ; что эта затрата была громадна что не было возможности правильнаго разбирательства чрезъ ходатаевъ—это всѣмъ извѣстно и именно потому, что не было установленія, которое бы имѣло право надзора за этими повѣренными по дѣламъ. Противъ повѣренного или ходатая не было гарантій со всѣхъ сторонъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не только недоставлялъ выгоды своему довѣрителю, но приносилъ вредъ. Часто онъ входилъ въ противозаконное сношеніе съ другой стороной и дѣлалъ такъ, чтобы довѣритель не выигралъ дѣло. Противъ этого не было никакого контроля. Если бы кому либо вздумалось принести жалобу на своего повѣреннаго, то онъ могъ всегда отговориться тѣмъ, что имѣлъ полную довѣренность. На основаніи судебныхъ уставовъ дѣло построено совершенно иначе: вопервыхъ, защита дѣла принадлежитъ присяжнымъ повѣреннымъ: эти лица могутъ быть назначаемы только изъ лицъ, окончившихъ юридическое образованіе: это образованіе гарантируетъ уже успѣхъ дѣла; вовторыхъ, эти лица находятся подъ контролемъ: надъ ними есть власть, составленная изъ нихъ же самихъ — совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ. Этотъ совѣтъ долженъ строго контролировать дѣйствія присяжныхъ повѣренныхъ. Еслибы онъ убѣдился самъ или по жалобѣ, что присяжный повѣренный допустилъ какое-либо нерадѣніе въ успѣхѣ ввѣреннаго ему дѣла, а тѣмъ болѣе еслибы было допущено злоупотребленіе, то совѣтъ имѣетъ право наложить на присяжнаго повѣреннаго различныя взысканія—запретить ему адвокатуру въ теченіи года или лишить его навсегда этого права; въ болѣе важныхъ случаяхъ онъ можетъ предать его суду. Къ улучшеніямъ по судоустройству нужно отнести и новое значеніе прокурорской обязанности. Прокурорскій надзоръ, который ведетъ свое начало съ петровскаго законодательства до самаго 1864 г. не имѣлъ

надлежащаго и правильнаго своего положенія именно потому, что прокуроръ, кромѣ значенія въ отношеніи судебной дѣятельности былъ часто обремененъ, заваленъ дѣлами чисто административнаго свойства. Значеніе губернскаго прокурора было опредѣлено въ послѣднее время въ учрежденіи о губерніяхъ Екатерины II. Съ этого времени на губернскихъ прокуроровъ постепенно до 1864 г. постоянно налагались новыя обязанности различныхъ дѣлъ. Не одно дѣло, касающееся казеннаго интереса не могло проходить безъ разсмотрѣнія губернскаго прокурора, и онъ до изданія судебныхъ уставовъ въ силу этого обстоятельства былъ не только судебнымъ должностнымъ лицомъ, но совмѣщалъ и характеръ финансоваго чиновника.

LXXVI ЛЕКЦІЯ.

Къ числу нововведеній, которыя произвели судебные уставы нужно причислить и учрежденіе кассаціоннаго суда. Это есть явленіе, въ 1-й разъ встрѣчающееся въ нашемъ новѣйшемъ законодательствѣ. Учрежденіе кассаціоннаго суда представляется весьма важнымъ установленіемъ. Смыслъ его тотъ, что отправленіе правосудія, во всякомъ случаѣ, должно быть однообразно на всемъ пространствѣ государства. Но такое однообразіе отправленія правосудія можетъ быть только въ томъ случаѣ, когда не возникаетъ никакого сомнѣнія въ примѣненіи того или другаго закона. Въ данномъ случаѣ въ различныхъ судебныхъ дѣлахъ, неправильное толкованіе статей законовъ въ примѣненіи ихъ къ судебному рѣшенію устраняется существованіемъ такого учрежденія, какъ кассаціонный судъ. Такимъ образомъ съ этой точки зрѣнія, кассаціонный судъ является важнымъ учрежденіемъ, охраняющимъ однообразіе и совершенно правильное толкованіе закона въ примѣненіи его къ судебному рѣшенію. Нѣтъ явленія болѣе вреднаго по своимъ послѣдствіямъ, какъ различное примѣненіе одного и того же закона къ однороднымъ дѣламъ. При подобномъ явленіи уничтожается въ обществѣ довѣріе къ суду. Общество смѣ-

шиваетъ различныя понятія о правѣ, лишается возможности руководствоваться чѣмъ либо опредѣленнымъ. Отъ этого самое значеніе закона слабѣетъ. Но когда это высшее учрежденіе, каковъ кассаціонный департаментъ Сената, имѣетъ своимъ назначеніемъ разбирать, правильно ли примѣняютъ суды законъ и правильно ли толкуютъ смыслъ его въ данномъ случаѣ, тогда существованіе и дѣятельность подобнаго учрежденія имѣетъ характеръ самой лучшей гарантіи. Оно поддерживаетъ уваженіе къ закону и охраняетъ правильное, безпристрастное примѣненіе закона въ данномъ случаѣ. Такое учрежденіе у насъ, въ Россіи, является въ 1-й разъ со введеніемъ судебныхъ уставовъ. Существованіе подобнаго учрежденія въ другихъ государствахъ также еще весьма недавнее, наприм. во Франціи 60 л. Тамъ какъ и у насъ теперь рѣшенія кассаціоннаго суда имѣютъ весьма важное значеніе: на нихъ ссылаются нетолько судьи, прокуроры, адвокаты, на нихъ ссылаются и профессора въ своихъ юридическихъ лекціяхъ. Уже и въ настоящее время, судебная практика ссылается на рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ, уже въ настоящее время у насъ адвокатура основываетъ доводы, главнымъ образомъ, на толкованіяхъ заключенныхъ въ рѣшеніяхъ кассаціонныхъ департаментовъ Сената. Для науки права, эти рѣшенія представляютъ также весьма важное значеніе такъ какъ большею частью эти рѣшенія возникаютъ при какихъ либо необыкновенныхъ спорныхъ вопросахъ и, слѣдовательно, представляютъ для практической стороны права весьма важный и интересный матеріалъ. Затѣмъ, указавъ на важныя и существенныя улучшенія въ самомъ порядкѣ судоустройства, обратимъ вниманіе на самый судебный процессъ, опредѣленный и построенный на новыхъ началахъ въ судебныхъ уставахъ и укажемъ, въ чемъ заключаются усовершенствованія процесса и какія новыя начала вошли въ систему нашего законодательства. Въ порядкѣ отправленія правосудія вообще можетъ быть двойная форма: она можетъ быть или чисто обвинительная, или въ формѣ такъ называемой слѣдственной или розыскной. Въ порядкѣ чисто обвинительномъ, судъ остается только посредникомъ между истцомъ и отвѣтчикомъ въ гражданскихъ дѣлахъ, и между обвинителемъ и обвиняемымъ въ дѣлѣ уголовномъ. Од-

нимъ словомъ при формѣ чисто обвинительной судъ занимаетъ значеніе посредствующаго учрежденія между противоположными сторонами. Въ отношеніи этой формы нужно замѣтить, что она имѣла свое древнее историческое начало и кромѣ того, она имѣетъ за собою наглядный примѣръ существованія въ одномъ изъ весьма развитыхъ иностранныхъ законодательствъ. именно въ англійскомъ законодательствѣ. Весь процессъ англійскаго законодательства, главнымъ и существеннымъ образомъ, построенъ на началѣ обвиненія, но это начало въ англійскомъ законодательствѣ не безусловно, т. е. съ примѣсью нѣкоторыхъ иныхъ началъ. Мы увидимъ, что въ судебныхъ уставахъ не принята чисто обвинительная форма и это-то и составляетъ достоинство судебныхъ уставовъ, такъ какъ чисто обвинительная форма имѣетъ свои существенные недостатки. Но для того, чтобы понять достоинство судебныхъ уставовъ въ этомъ отношеніи, мы должны выяснить нѣсколько опредѣленнѣе значеніе этой формы Итакъ при обвинительной формѣ судъ имѣетъ значеніе и положеніе посредника, т. е. безъ истца по гражданскому дѣлу и безъ обвинителя по уголовному дѣлу судъ не приступаетъ къ сужденію и рѣшенію какого бы то нибыло дѣла. Предметъ иска и обвиненіе въ дѣлѣ уголовномъ выражается опредѣленно, такъ что рѣшеніе можетъ состояться только по такому предмету, который прямо названъ въ искѣ или прямо значится въ обвинительномъ актѣ. Такъ напримѣръ, если бы при обвиненіи въ воровствѣ или грабежѣ открылось бы, что съ этимъ было соединено и убійство, то судъ долженъ постановить приговоръ о воровствѣ, предоставляя начать новое дѣло объ убійствѣ. Судъ не идетъ далѣе тѣхъ заявленій, которыя высказаны обвинителемъ. Затѣмъ, 2-я существенная принадлежность чисто обвинительной формы заключается въ томъ, что судъ не дѣлаетъ самъ никакихъ прямыхъ допросовъ отвѣтчику и не обязываетъ отвѣчать на нихъ Однимъ словомъ, судъ не дозволяетъ себѣ вмѣшиваться въ дѣло ни прямо, ни косвенно, а предоставляетъ противоположнымъ сторонамъ разъяснять это дѣло взаимными вопросами и отвѣтами на столько на сколько они имѣютъ къ тому средства. Вотъ этотъ-то чисто обвинительный порядокъ введенъ въ полной своей формѣ для дѣлъ

гражданскихъ, а не для дѣлъ уголовныхъ. Въ этомъ существенное различіе нашего законодательства отъ англійскаго. Тамъ въ уголовномъ процессѣ преобладаетъ чисто обвинительная форма, у насъ, на основаніи судебнаго устава, эта чисто обвинительная форма, это значеніе суда, какъ посредника отнесено только къ гражданскому процессу. Въ уголовномъ процессѣ судебные уставы взяли изъ этой, чисто обвинительной формы всѣ ея лучшія стороны за исключеніемъ всѣхъ недостатковъ и замѣнили эти недостатки заимствованіями изъ другой формы, изъ формы слѣдственной. Судебные уставы основали нашъ уголовный процессъ на формѣ, такъ называемой, смѣшанной— на формѣ процесса обвинительно - слѣдственнаго. Итакъ для дѣлъ гражданскихъ уставы ввели новый порядокъ процесса, основанный на чисто обвинительныхъ началахъ. Мы укажемъ на самыя существенныя основанія судебныхъ уставовъ, которыя характеризуютъ гражданскій процессъ: именно въ этомъ смыслѣ истецъ, на основаніи судебныхъ уставовъ, долженъ доказать самъ свой искъ, судъ ни въ какомъ случаѣ не собираетъ самъ доказательствъ или справокъ: онъ основываетъ рѣшеніе исключительно на доказательствахъ, представленныхъ тяжущимися. Мы видѣли въ прошедшихъ лекціяхъ, что именно этимъ недостаткомъ и страдалъ нашъ гражданскій процессъ на основаніи прежнихъ законовъ. Итакъ это, весьма существенное нововведеніе Для уголовныхъ же дѣлъ введенъ новый порядокъ, но для того, чтобы понять этотъ порядокъ въ формѣ смѣшенія чисто обвинительнаго начала съ началомъ слѣдственнымъ, нужно указать на неудобство и недостатокъ чисто обвинительной формы Прежде всего, мы убѣдимся въ томъ что чисто обвинительная форма совершенно не соотвѣтствуетъ характеру самихъ нарушеній или преступленій. Уголовный процессъ, по существу своему, долженъ быть не обвинительнымъ, а слѣдственнымъ, т. е. представляться не зависящимъ отъ произвола и отъ частнаго взгляда. Изысканія истины относительно какого-либо факта, признаваемаго преступнымъ и самое начало процесса не можетъ быть предоставлено произволу частнаго лица, какъ это представляется въ гражданскомъ дѣлѣ. Положимъ, что это было бы иначе, положимъ что

тамъ, гдѣ существуетъ чисто обвинительная форма, о преступленіи зайти не можетъ и рѣчи, если самъ потерпѣвшій отъ преступленія не обращается къ суду. Понятно, что въ этомъ случаѣ нетолько правосудіе, но и самый разборъ преступленія, самая характеристика дѣянія и самое примѣненіе правосудія будетъ зависѣть не отъ общихъ началъ справедливости, а лишь отъ того, до какой степени обиженный понимаетъ важность того оскорбленія или нарушенія, которое ему сдѣлано, слѣдовательно большая часть преступныхъ дѣйствій, въ отношеніи лицъ не развитыхъ или необразованныхъ, осталась-бы безъ взякаго наказанія, потому что эти лица не считали бы эти дѣйствія преступными, а именно такое положеніе и существуетъ при обвинительной формѣ. Итакъ, самое свойство, самое существо уголовныхъ нарушеній таково, что процессъ или изслѣдованіе никакъ не можетъ быть обвинительнымъ, а должно быть слѣдственнымъ, т. е. изысканіе дѣйствительности нарушенія должно быть предоставлено такимъ лицамъ, которыя по своимъ юридическимъ знаніямъ, по своей принадлежности къ судебному вѣдомству имѣютъ и возможность, и всѣ данныя, какъ необходимыя средства для того, чтобы привести преступный фактъ въ несомнѣнную извѣстность. Другой недостатокъ чисто обвинительной формы заключается въ томъ, что самое направленіе обвиненія, самое преслѣдованіе преступника является не равномѣрнымъ: сначала, обвинитель можетъ преслѣдовать преступника въ двухъ или трехъ преступленіяхъ, затѣмъ можетъ отказаться и преслѣдовать только въ одномъ, изъ прежде заявленныхъ преступленій. Итакъ преслѣдованіе зависитъ отъ произвола частнаго лица, и если это мы встрѣчаемъ въ древнихъ законодательствахъ, то тамъ при отсутствіи правильныхъ судебныхъ учрежденій понятно, что преслѣдованіе обидчика зависитъ отъ самаго обиженнаго, но при развитомъ устройствѣ государственныхъ установленій чисто обвинительная форма не мыслима, и этимъ то и страдаетъ англійскій судъ и англійскій процессъ. Затѣмъ нужно сказать, что въ древнемъ законодательствѣ нѣкоторыхъ образованныхъ народовъ, именно въ древнемъ римскомъ правѣ, уголовный процессъ имѣетъ также

формы и значеніе обвинительные но тамъ это происходило отъ особеннаго устройства самаго государства, отъ особеннаго положенія римскаго гражданина. Тамъ гражданинъ, являясь уголовнымъ обвинителемъ представлялъ собою все государство, и поэтому тамъ судъ могъ принять подобное положеніе совершенно безстрастное, положеніе посредника между обвинителемъ и обвиненнымъ, но и при вліяніи этого начала даже въ римскомъ правѣ въ уголовномъ процессѣ не во всѣхъ случаяхъ оно имѣло подобное значеніе. Такъ напримѣръ, на основаніи римскаго права если обвинитель изъявившій объ обвиненіи, отказывался впослѣдствіе отъ преслѣдованія того лица, которое онъ обвинялъ, то за этотъ отказъ онъ подвергался наказанію. Слѣдовательно въ древнемъ римскомъ правѣ процессъ уголовный не имѣлъ чисто обвинительной формы. Даже въ новѣйшемъ англійскомъ законодательствѣ замѣтны отступленія отъ этихъ чисто обвинительныхъ началъ. При началѣ процесса выслушиваютъ не только обвинителя, но и обвиняемаго и свидѣтелей. Противъ каждаго показанія обвиняемый можетъ дѣлать свои возраженія и замѣчанія; если обвиняемый нехочетъ ничего отвѣчать, то его не принуждаютъ къ тому, и даже въ томъ случаѣ, если онъ собирается что-либо отвѣтить или замѣтить, то его предупреждаютъ, чтобы онъ хорошенько обдумалъ свой отвѣтъ, такъ какъ онъ можетъ повлечь за собою важныя послѣдствія. Вообще въ англійскихъ процессахъ весьма сильно сходство производствъ дѣла, какъ въ гражданскихъ тяжбахъ, такъ и въ уголовныхъ процессахъ, весьма сильна аналогія между гражданскимъ судопроизводствомъ и уголовнымъ. Но несмотря на это сходство, на это преобладаніе обвинительнаго начала есть всетаки такіе элементы процесса, которые указываютъ на ограниченія этого начала. Такъ при всемъ преобладаніи обвинительнаго начала процесъ имѣетъ значеніе государственныхъ распоряженій: издержки обвинителя по процессу выдаются ему изъ казны или отъ общины; всякое лицо, пострадавшее отъ преступленія, на основаніи новыхъ англійскихъ законовъ, обязано явиться обвинителемъ, въ противномъ случаѣ оно подвергается наказанію за утайку, каждое частное лицо обязано задерживать того,

кто совершаетъ преступленіе въ его присутствіи; наконецъ въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ особенные слѣдователи производятъ первоначальное изысканіе о случившемся событіи, собираютъ затѣмъ окольныхъ жителей и изъ нихъ назначаютъ выборныхъ для производства суда но это не есть еще собственно судъ, а есть первоначальное изслѣдованіе о томъ, нужно-ли предать кого либо суду или ненужно. Однимъ словомъ въ этихъ послѣднихъ указаніяхъ мы видимъ, что даже англійское законодательство признаетъ необходимымъ, такъ называемое слѣдственное производство. Мы видѣли, что форма чисто обвинительная получила свое начало въ древнемъ римскомъ правѣ и существуетъ въ новѣйшемъ законодательствѣ — въ англійскомъ. Противоположная этой формѣ — форма слѣдственная возникла у германскихъ народовъ. Германскій процессъ впалъ въ другую противоположную крайность, именно, забывая значеніе частнаго лица, значеніе личности и относя все къ интересамъ только общественнымъ и государственнымъ онъ ставилъ слѣдственное начало на 1-й планъ. Основаніе воззрѣній въ этомъ отношеніи въ германскомъ законодательствѣ заключалось въ томъ, что только одно государство имѣетъ право на изслѣдованіе истины въ дѣлѣ судебномъ и что по этому государство имѣетъ право на всѣ тѣ способы и на всѣ тѣ данныя, посредствомъ которыхъ можно изслѣдовать совершившееся преступленіе, слѣдовательно, всевозможныя средства для узнанія истины, каковы бы не были эти средства, допускаются для того, чтобы разъяснить дѣло. Отсюда извѣстно, что въ средніе вѣка возникли въ германскихъ государствахъ пытки, которыя достигли чрезвычайно разнообразныхъ формъ примѣненія и имѣли то гибельное послѣдствіе, что весь порядокъ производства дѣла былъ основанъ на началахъ только слѣдственныхъ съ устраненіемъ прямаго въ немъ участія самаго подсудимаго. При этомъ крайнемъ проявленіи слѣдственной формы обвиняемый, а иногда заподозрѣнный стоялъ совершенно одинъ лицомъ къ лицу съ слѣдователемъ, окруженный различными принадлежностями производства слѣдственнаго процесса. Самый судъ и самые судьи обратились въ слѣдователей, такъ какъ имъ нетолько поручалось изслѣдованіе дѣла, но за-

тѣмъ, и обвиненіе подсудимаго, а иногда и самое постановленіе приговора и исполненіе этого приговора. Но понятно и очевидно, что одному и тому же лицу по дѣлу уголовному не можетъ быть предоставлено и право изслѣдовать дѣло, и право судить, и право постановлять приговоры и самое исполненіе ихъ. Новѣйшая наука права выработала въ этомъ отношеніи тѣ аксіомы и данныя, что слѣдователь, какъ онъ не искусенъ въ производствѣ изслѣдованія уголовнаго процесса, никогда не можетъ быть допущенъ въ число судей, потому что производя слѣдствіе, слѣдователь невольно становится на свою собственную точку воззрѣній, заранѣе слагается въ немъ извѣстный взглядъ на изслѣдуемое преступленіе. Этотъ личный взглядъ укореняется болѣе и болѣе, смотря по продолжительности слѣдствія, и съ этимъ уже готовымъ взглядомъ на дѣло, слѣдователь, если онъ будетъ допущенъ въ число судей, не можетъ уже подать никакого другаго мнѣнія. Но гарантія правосудія и заключается именно въ томъ, чтобы судьи до выслушанія дѣла не имѣли бы въ себѣ никакого предвзятаго убѣжденія, слѣдовательно, слѣдственное производство должно быть непремѣнно отдѣлено отъ самаго постановленія приговора. Вслѣдствіе этихъ недостатковъ слѣдственнаго процесса, доведенныхъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ, онъ былъ оставленъ во французскомъ законодательствѣ еще въ прошедшемъ столѣтіи, а въ Германіи въ половинѣ нынѣшняго столѣтія. Понятно, что нѣтъ надобности опредѣлять, что судебные уставы, какъ Германіи, такъ и Франціи удержали изъ слѣдственной формы только лучшія, свѣтлыя ея стороны и всѣ остальныя замѣнили заимствованіемъ лучшихъ сторонъ изъ обвинительной формы. Тоже самое сдѣлали и наши судебные уставы только съ большимъ успѣхомъ, потому что имѣли возможность выбора изъ всѣхъ иностранныхъ законодательствъ. Достаточно привести въ этомъ случаѣ мнѣніе знаменитаго германскаго юриста Миттермайера, который попрочтеніи нашихъ судебныхъ уставовъ сказалъ, что они въ отношеніи устройства процесса, какъ уголовнаго, такъ и гражданскаго опередили далеко, даже современныя имъ иностранныя законодательства. Судебные уставы сдѣлавъ выборку лучшаго изъ иностранныхъ законодательствъ положили

въ основаніи процесса не исключительно форму слѣдственную, но сгруппировавъ начала той и другой формы, они образовали процессъ на началахъ обвинительномъ и слѣдственномъ. Итакъ, судебные уставы не могли построить уголовный процессъ на началахъ вполнѣ слѣдственныхъ, они должны были ограничить слѣдственныя формы на столько, на сколько это необходимо для успѣховъ правосудія; и дѣйствительно они ограничили слѣдственный процессъ слѣдующими главными положеніями. Прежде всего слѣдователь на основаніи Судебн. Уст. ограниченъ опредѣленіями самаго закона. Онъ производитъ неокончательное слѣдствіе, а такъ называемое предварительное слѣдствіе: не тѣ данныя, и не тотъ результатъ къ которымъ придетъ слѣдователь будутъ служить основаніемъ суду, а тотъ результатъ, который получится послѣ повѣрки этого слѣдствія на самомъ судѣ или при такъ называемомъ судебномъ слѣдствіи. Итакъ слѣдовательно слѣдователь не совмѣщаетъ въ себѣ всей власти для изслѣдованія обстоятельствъ дѣла. Изысканія слѣдователя повѣряются и являются въ настоящемъ видѣ и значеніи во время самаго судебнаго засѣданія. Судебное слѣдствіе относительно важнѣе предварительнаго слѣдствія, потому что иногда послѣ судебнаго слѣдствія обвинитель или прокуроръ отказывается отъ части своего обвиненія, поставляется въ необходимость отказаться отъ первоначальныхъ своихъ воззрѣній или убѣжденій въ преступности. Итакъ, слѣдственное производство ограничено судебными уставами тѣмъ, что въ немъ принимаетъ участіе въ извѣстной мѣрѣ самъ судъ. Онъ повѣряетъ дѣйствія слѣдователя и кромѣ того дѣйствія слѣдователя находятся подъ постояннымъ надзоромъ прокурора. До изданія судебнаго устава слѣдствіе служило основаніемъ для послѣдующаго дѣла въ уголовномъ процессѣ. Если слѣдователь считалъ кого либо преступнымъ, то въ большинствѣ случаевъ это завѣреніе опредѣляло будущій приговоръ суда. Судъ соображался со взглядомъ слѣдователя на дѣло. На основаніи судебнаго устава предварительное слѣдствіе вовсе не служитъ основаніемъ, на которое можетъ опираться судъ. Оно служитъ основаніемъ лишь для того слѣдуетъ ли предать обвиненнаго суду или

нѣтъ. Если прокуроръ находитъ достаточно доводовъ для своего убѣжденія въ виновности какого либо лица, то онъ можетъ продолжать начатое обвиненіе, но если онъ изъ предварнтельнаго слѣдствія не видитъ достаточныхъ поводовъ, то онъ долженъ прекратить свое преслѣдованіе. Затѣмъ, въ самомъ порядкѣ уголовнаго процесса, слѣдственное начало поставлено въ такое положеніе, что оно можетъ только гарантировать права личности, а никакъ не содѣйствовать къ затемнѣнію дѣла, какъ это было прежде.

LXXVI ЛЕКЦІЯ.

Судебные уставы опредѣлили новыя постановленія касательно предварительныхъ распоряженій, которыя дѣлаетъ судъ, получивъ слѣдственные документы. Въ этихъ постановленіяхъ судебнаго устава о приготовительныхъ къ суду распоряженіяхъ выражается также стремленіе доставить обвиняемому всевозможныя гарантіи для защиты и доказательства своей невинности. Прежде всего, подсудимому сообщается копія съ обвинительнаго акта, составленнаго прокуроромъ, и списокъ тѣхъ лицъ, которыхъ предполагается вызвать въ судъ въ качествѣ свидѣтелей. Уже одно это постановленіе показываетъ громадное различіе новаго порядка отъ прежняго. Въ прежнемъ порядкѣ подсудимый совершенно не зналъ, что происходитъ въ судѣ до тѣхъ поръ, пока его не призовутъ къ допросу. Подсудимый не зналъ, въ чемъ заключается тяжесть обвиненій, которыя на него предъявлены. Судебные Уставы постановили, чтобы копія съ обвинительнаго акта, который заключаетъ въ себѣ результатъ слѣдствія и совокупность аргументовъ или доводовъ, которые прокуроръ выскажетъ въ обвиненіи, была сообщена подсудимому прежде, нежели будетъ начато судебное засѣданіе. Подсудимый, получивъ этотъ актъ долженъ въ семидневный срокъ сообщить суду, кого онъ желалъ бы вызвать къ разбирательству въ качествѣ свидѣтелей, кромѣ тѣхъ лицъ, которыя указаны въ свидѣтельствѣ. Затѣмъ, подсудимый долженъ сообщить выбралъ ли онъ самъ себѣ защитника и если онъ за-

трудняется въ этомъ выборѣ, то судъ самъ назначаетъ ему защитника изъ числа лицъ, принадлежащихъ къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ. Въ прежнемъ порядкѣ судопроизводства обвиняемый стоялъ совершенно безъ защиты: повѣренные или ходатаи не допускались въ дѣлахъ уголовныхъ. И такъ, обвиняемый стоялъ одинъ противъ прокурора, слѣдователя, т. е. тѣхъ лицъ, которыя и своимъ положеніемъ, и своими юридическими свѣдѣніями, и своею опытностью въ судебной практикѣ преобладали въ возможности обвиненія противъ возможности защиты. Итакъ Судебные Уставы дали обвиняемому три существенныя права прежде нежели начнется судебное засѣданіе: 1-е право—знать въ подробности всю силу доводовъ обвинителя на обвиняемаго; 2-ое право—знать, кто будетъ въ числѣ свидѣтелей противъ обвиняемаго и право дополнить этотъ списокъ свидѣтелей указаніемъ на тѣхъ лицъ, которыя могли доказать въ чемъ либо невинность подсудимаго; наконецъ, 3-е право нетолько самого себя защищать, но и защищаться при помощи защитника, и при невозможности найти его просить судъ назначить его изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ. Затѣмъ до открытія судебнаго засѣданія Судебные Уставы опредѣляютъ, чтобы каждый подсудимый получалъ списокъ судей, прокуроровъ и присяжныхъ засѣдателей для того, чтобы онъ могъ сообразить, кому изъ этихъ лицъ онъ можетъ дать отводъ, допущенный закономъ, т. е. доказать, что въ отношеніи извѣстнаго лица онъ находится въ родствѣ съ нимъ, свойствѣ или въ какихъ либо другихъ отношеніяхъ, которыя могутъ быть, на основаніи закона причиною къ устраненію этихъ лицъ отъ участія въ рѣшеніи дѣла. Кромѣ того, весьма важное право дано Судебными Уставами въ томъ смыслѣ, что защитникъ имѣетъ право объясняться наединѣ съ подсудимымъ, содержащимся подъ стражей, и защитнику предоставляется право до начала еще судебнаго засѣданія разсмотрѣть всѣ находящіеся въ канцеляріи суда документы, акты, бумаги, относящіеся къ производству дѣла. Итакъ еще до начала судебныхъ засѣданій законъ далъ право приготовиться съ одинаковыми средствами къ возраженію: какъ прокурору съ своимъ обвиненіемъ такъ и подсудимому или защитнику съ сво-

ими средствами защиты, слѣдовательно является положеніе совершенно равномѣрное и обѣ стороны въ уголовномъ процессѣ имѣютъ равные шансы на успѣхъ въ разъясненіи своихъ доводовъ. Законъ ищетъ справедливости. Итакъ, если сила доводовъ та, что она можетъ служить къ оправданію подсудимаго, то законъ нисколько не препятствуетъ этому; онъ не скрываетъ уликъ отъ подсудимаго, не старается удалить защитника отъ подсудимаго; напротивъ, онъ помогаетъ ему въ этомъ: даетъ право защитнику объясняться съ подсудимымъ, даетъ право на разсмотрѣніе и изслѣдованіе всѣхъ бумагъ, относящихся къ дѣлу; такъ точно для прокурора, онъ даетъ возможность воспользоваться всѣми результатами отъ розысканій слѣдователя, и такимъ образомъ, ставитъ какъ обвиненіе, такъ и защиту на совершенно равныхъ началахъ. Отсюда понятно и положеніе двухъ сторонъ въ уголовномъ процессѣ, опредѣляемое Судебными Уставами: съ одной стороны прокуроръ, какъ публичный государственный обвинитель (онъ долженъ быть юристъ; Судебные Уставы вообще требуютъ, чтобы судьи и прокуроры были лица, окончившія юридическое образованіе) обладаетъ всѣми знаніями и опытностью, необходимою для предстоящаго ему состязанія, для предстоящей борьбы и опроверженія защитника. Затѣмъ со стороны обвиняемаго защитникъ также, какъ юристъ, имѣетъ всѣ данныя въ своемъ распоряженіи, знаніе и опытность. Затѣмъ, Судебные Уставы опредѣляютъ самый порядокъ разбирательства дѣла. Въ предъидущей лекціи мы видѣли, какъ Судебные Уставы опредѣлили слѣдствіе, затѣмъ, мы видѣли, въ чемъ заключается преимущество новаго порядка суда въ предварительныхъ распоряженіяхъ; переходимъ къ самому засѣданію. Разборъ дѣлъ начинается чтеніемъ обвинительнаго акта, затѣмъ спрашиваютъ обвиняемаго, признаетъ ли онъ себя виновнымъ или нѣтъ? въ случаѣ признанія себя виновнымъ разбирательство дѣла оканчивается безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій только тогда, когда признаніе подсудимаго не возбуждаетъ никакого сомнѣнія. Въ англійскомъ процессѣ нѣтъ исключенія въ подобномъ случаѣ: коль скоро подсудимый призналъ себя виновнымъ, судъ долженъ тотчасъ постановить приговоръ; онъ не можетъ входить ни въ какія

изслѣдованія. Но исключеніе, допускаемое Судебными Уставами совершенно раціонально. Интересъ закона заключается въ томъ, чтобы не пользоваться признаніемъ, которое можно предположить не истиннымъ; подсудимый, хотя и признаетъ себя виновнымъ, но обстоятельства дѣла таковы, что этому признанію нельзя почему-либо вѣрить, такъ какъ практика показываетъ, что иногда дѣйствительно виновные признаются въ одномъ изъ преступленій только для того, чтобы не было разслѣдованія другихъ преступленій, ими совершенныхъ. Итакъ, если признаніе подсудимаго возбуждаетъ какія-либо сомнѣнія, то судъ продолжаетъ разборъ дѣла, несмотря на заявленное признаніе. Затѣмъ, судъ приступаетъ къ повѣркѣ слѣдствій, произведенныхъ слѣдователемъ, или къ такъ называемому судебному слѣдствію. Важность его мы видѣли въ предъидущей лекціи. Здѣсь скажемъ, что судебное слѣдствіе заключается въ разспросѣ всѣхъ свидѣтелей, въ разспросѣ экспертовъ, въ разсмотрѣніи письменныхъ актовъ, документовъ вообще въ повѣркѣ всего того, что было обнаружено или выяснено предварительно въ слѣдствіи. Когда эта повѣрка будетъ окончена, то въ заключеніи ея, судъ выслушиваетъ обвинительную рѣчь прокурора или частнаго обвинителя. Обвинительную рѣчь прокурора не нужно смѣшивать съ обвинительнымъ актомъ, который читается вначалѣ судебнаго засѣданія, потому что обвинительный актъ есть результатъ предварительнаго слѣдствія, а обвинительная рѣчь есть результатъ не только предварительнаго слѣдствія но и судебнаго слѣдствія. Вотъ почему прокуроръ въ обвинительной рѣчи можетъ иначе поставить свое обвиненіе, нежелито, какъ онъ выразилъ его въ обвинительномъ актѣ. Вообще прокуроръ или частный обвинитель въ своихъ обвинительныхъ рѣчахъ могутъ представлять подтвержденія своихъ показаній различными доказательствами, для чего законъ предоставляетъ право имъ предлагать свидѣтелямъ вопросы, возражать противъ свидѣтельскихъ показаній, просить о передопросѣ свидѣтелей и о повѣркѣ ихъ первоначальныхъ показаній. Кромѣ прокурора или частнаго обвинителя въ уголовномъ процессѣ можетъ быть на одной сторонѣ, такъ называемый, гражданскій истецъ, то есть, то лицо частное интересы

которого пострадали отъ преступленія, но только въ матеріальномъ смыслѣ, т. е. понесло какой либо ущербъ отъ совершившагося преступленія. И такъ, противъ подсудимаго и его защитника можетъ быть на одной сторонѣ прокуроръ, частный обвинитель и такъ называемый гражданскій истецъ. Прокуроръ, есть государственный обвинитель; онъ есть представитель закона; въ его лицѣ законъ требуетъ кары или справедливаго возмездія за совершенное нарушеніе. Частный обвинитель не имѣетъ этого оффиціальнаго характера, но пользуется тѣми же правами на обвинительную рѣчь, если дѣло о преступленіи возбуждается по его иниціативѣ. Гражданскій истецъ можетъ указывать только тотъ вредъ, ущербъ или убытокъ, который преступленіе ему нанесло, слѣдовательно отношеніе его къ обвиненію ограничено матеріальною стороною. По выслушаніи обвинительной рѣчи прокурора или частнаго обвинителя, а также гражданскаго истца законъ требуетъ, чтобы защитникъ высказалъ основанія или доводы противъ прокурора. Въ этой части процесса происходятъ такъ называемыя судебныя пренія т. е. возраженія между прокуроромъ и защитникомъ. Этою частію уголовный процессъ сходствуетъ съ гражданскимъ процессомъ: какъ въ гражданскомъ процессѣ, тяжущіяся стороны—истецъ и отвѣтчикъ состязаются передъ судьями во взаимныхъ возраженіяхъ и объясненіяхъ, такъ и здѣсь имѣетъ тоже самое мѣсто между прокуроромъ и защитникомъ. Предсѣдатель обязанъ направлять ходъ дѣла къ тому порядку, который болѣе всего способствуетъ къ раскрытію истины: такъ онъ не можетъ дозволить ни прокурору, ни защитнику уклоняться въ своихъ рѣчахъ отъ главнаго значенія дѣла. Если онъ замѣтитъ, что въ обвинительной рѣчи прокуроръ, или въ защитительной защитникъ впадаютъ во второстепенныя обстоятельства, то онъ вправѣ сдѣлать надлежащее замѣчаніе и снова направить ходъ дѣла на главное и прямое его направленіе. Во всемъ этомъ порядкѣ мы видимъ, что нетолько слѣдствіе, обвиненіе и самый судъ распредѣлены между отдѣльными органами, но что каждая изъ этихъ функцій имѣетъ свои опредѣленные формы, опредѣленное мѣсто опредѣленные органы для ихъ выраженія. Такъ слѣдствіе имѣетъ

своими органами слѣдователя и самое судебное засѣданіе: обвиненіе имѣетъ своимъ органомъ прокурора, частнаго обвинителя и даже гражданскаго истца; оправданіе имѣетъ своимъ органомъ кромѣ подсудимаго—его защитника. Наконецъ судъ съ фактической стороны принадлежитъ присяжнымъ засѣдателямъ, съ юридической стороны самимъ—судьямъ. И такъ различные интересы устремлены къ своему взаимному соотношенію въ уголовномъ процессѣ, имѣютъ каждый свое особенное мѣсто, свои особенные органы, свои особенныя формы. Затѣмъ, по окончаніи судебныхъ преній, которыя заканчиваетъ всегда защитительная рѣчь защитника, а послѣ того слѣдуетъ защитительное слово самаго подсудимаго, приступаютъ къ окончательной части уголовнаго процесса, наиболѣе существенной именно къ постановкѣ вопросовъ для опредѣленія рѣшенія. Постановка вопросовъ есть дѣло въ высшей степени важное. Собственно два главныхъ вопроса представляются въ разрѣшеніи каждаго судебнаго дѣла—вопросъ о виновности и вопросъ о наказаніи. Само собой разумѣется, что вопросъ о виновности есть главный. Прежде всего нужно разрѣшить этотъ вопросъ, потому что если нѣтъ виновности, то не можетъ быть и рѣчи о наказаніи. И такъ это основа, на которой должно быть построено все будущее приложеніе закона, т. е. постановленіе судебнаго рѣшенія. Судебные Уставы въ этомъ отношеніи опредѣляютъ извѣстный порядокъ въ разрѣшеніи того и другаго вопроса. Чтобы понять преимущество ихъ, усовершенствованіе ихъ въ отношеніи прежняго порядка, нужно замѣтить, что до изданія Судебн. Уст., уголовный судъ основывали на тѣхъ доказательствахъ, которые находятся въ дѣлѣ. При оцѣнкѣ этихъ доказательствъ прежнее законодательство вмѣняло въ обязанность строго придерживаться постановленныхъ правилъ. Однимъ словомъ, до изданія судебныхъ уставовъ положеніе дѣла было таково, что судья долженъ принять тотъ или другой доводъ не въ силу убѣжденія, а потому что самъ законъ указывалъ ему, на сколько онъ долженъ вѣрить тому или другому доводу. Понятно, что тамъ, гдѣ законъ требуетъ объявленія рѣшенія по внутреннему убѣжденію, основанному на впечатлѣніи, которое производятъ обстоятельства дѣла на

образъ мыслей судьи тамъ совершенно излишне опредѣлять подробно въ законѣ, какъ поступать судьямъ, и какія доказательства, и въ какой степени принимать имъ. Судебн. Уст. отмѣнили, уничтожили всю эту прежнюю систему доказательствъ, основанную на формальныхъ правилахъ, опредѣленныхъ самимъ закономъ. Они постановили, что судьи опредѣляютъ вопросъ съ фактической и юридической стороны по внутреннему своему убѣжденію. И такъ, вопросъ о виновности разрѣшается тѣмъ, что присяжные должны объявить вину или невинность по внутреннему своему убѣжденію; законъ предоставляетъ оцѣнку силы доказательствъ имъ самимъ. Въ прежнемъ порядкѣ было совершенно иначе: законъ опредѣлялъ, что показанія 2-хъ свидѣтелей достаточно для признанія виновности. Отъ этого происходило слѣдующее: если въ дѣлѣ были 2 или болѣе свидѣтелей, то хотя бы ихъ показанія и были весьма шатки, весьма слабы по внутреннему значенію, судьи могли положиться на нихъ потому только, что было два или три показанія. Напротивъ на показаніи одного свидѣтеля, какъ-бы оно ни было согласно съ обстоятельствами дѣла, какъ-бы оно сильно не служило и не говорило въ пользу обвиняемаго, судьи не могли постановить оправданія потому, что показаніе было только одного свидѣтеля. Теперь на основаніи Судебныхъ Уставовъ отъ присяжныхъ зависитъ повѣрить болѣе показаніямъ 2-хъ, 3-хъ, 4-хъ свидѣтелей, или основать свои убѣжденія на показаніяхъ одного свидѣтеля, если только они дѣйствительно вселяютъ убѣжденіе въ виновности или невинности обвиняемаго. Такимъ образомъ, существенный переворотъ и реформа въ этомъ отношеніи заключается въ томъ, что Судебные Уставы отмѣнили такъ называемую законную или формальную теорію доказательствъ, а предоставили оцѣнку доказательствъ на соображеніе присяжныхъ. Чѣмъ болѣе показанія свидѣтелей согласны съ истиною, тѣмъ болѣе они крѣпки и производятъ впечатлѣніе на судей, а этого-то и желаетъ законъ, такъ какъ онъ не имѣетъ въ виду никакой другой цѣли, кромѣ правосудія. Но не лишне въ этой исторіи прогресса будетъ замѣтить и объяснить вслѣдствіе какихъ причинъ образовалась прежняя формальная теорія доказательствъ? Формальная или законная

теорія доказательствъ, которой придерживались судьи до 1864 г., образовалась вслѣдствіе самаго устройства судовъ: они были закрыты, производство было облечено исключительно въ письменную форму, соблюдалась строго такъ называемая канцелярская тайна, даже въ дѣлахъ уголовныхъ. Нужно было при этой обстановкѣ чѣмъ-либо ограничить производство судовъ, иначе оно обратилось-бы въ совершенный произволъ, не стѣсненный никакими правилами. Судья при недостаточности провѣрки актовъ и документовъ, при закрытости и канцелярской тайнѣ могъ основать свое рѣшеніе чисто на одномъ только произволѣ, если бы самъ законъ не указывалъ извѣстныхъ предѣловъ этой возможности произвола. Въ виду ограниченія произвола и образовалась подробная система извѣстныхъ правилъ и доказательствъ съ опредѣленіемъ при какихъ условіяхъ судья можетъ признать вину или невинность. Понятно, что эта теорія въ прежнее время принесла огромную пользу, еслибы ее не было, то отправленіе правосудія обратилось-бы въ чистый произволъ судей. Но когда устройство судовъ получило совершенно иную форму, когда вся эта закрытость оказалась совершенно ненужною и излишнею, даже вредною для успѣховъ правосудія, тогда вмѣстѣ съ нею, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ этихъ порядковъ стараго устройства судовъ должна была исчезнуть и эта формальная теорія доказательствъ, потому что она не соотвѣтствовала новому устройству суда. Она должна была исчезнуть и по недостатку своей внутренней силы, такъ какъ постановленіе суда должно быть основано не на числѣ доказательствъ, а на степени ихъ достовѣрности. Затѣмъ, весьма важное усовершенствованіе, которое ввели судебные уставы, заключается въ томъ, что въ самой системѣ доказательствъ судебные уставы различили строго доказательства отъ уликъ. Подъ уликами разумѣлись недостовѣрные доводы, которые даютъ возможность впадать въ различные догадки, но которыя все таки не исключаютъ возможности или предположенія обратнаго. Напротивъ того, факты, которые вытѣсняютъ возможность какого-бы то ни было рода предположеній, факты, производящіе рѣшительное впечатлѣніе о виновности или невиновности—только такіе факты имѣютъ значеніе доказательствъ.

Въ прежнемъ нашемъ уголовномъ процессѣ судъ, при недостаткѣ подобныхъ настоящихъ доказательствъ, могъ основать свое рѣшеніе и на уликахъ, коль скоро ихъ было такъ много, что онѣ самою своею численностью уже вызывали предположеніе виновности или невиновности обвиняемаго. Но понятно, что сколько бы ни было уликъ или подозрѣній, они все-таки не могутъ исключать возможности предположенія обратнаго. Въ связи съ этимъ находилось и то прежнее постановленіе нашего законодательства, что судъ могъ или оправдать, или обвинить, или оставить въ подозрѣніи лицо. Это оставленіе лица въ подозрѣніи сопровождалось съ различными невыгодами для тѣхъ лицъ, которыя подвергались этому. Обвиненный могъ быть и дѣйствительно невиннымъ, однако-же сила уликъ была такова, что дѣйствительно оставляла сомнѣніе. Судебные уставы сдѣлали въ этомъ отношеніи слѣдующее: они не знаютъ этой формы; они знаютъ только оправданіе и обвиненіе. Ничего другаго между этими двумя предѣлами они не признаютъ, или отрицаютъ право суда оставлять кого-либо въ подозрѣніи. Затѣмъ, мы должны обратиться къ самому порядку постановки вопросовъ для опредѣленія судебнаго рѣшенія. Прежде всего опредѣляется вопросъ о виновности, разрѣшеніе котораго предоставляется присяжнымъ засѣдателямъ. Для предложенія этихъ вопросовъ предсѣдатель и члены суда во время судебныхъ преній, заготовляютъ подобные вопросы, которые они извлекаютъ изъ самой сущности дѣла. По окончаніи судебныхъ преній предсѣдатель отдаетъ списокъ этихъ вопросовъ присяжнымъ засѣдателямъ. Присяжные удаляются для совѣщанія и постановленія приговора. Въ разрѣшеніи вопросовъ, имъ предоставленныхъ, они должны слѣдовать общему порядку голосованія, т. е. основывать рѣшеніе на большинствѣ мнѣній. Если-бы мнѣнія раздѣлились такимъ образомъ, что одна половина была-бы на сторонѣ оправданія, а другая противъ, то изъ этихъ мнѣній избирается то, которое въ пользу подсудимаго. И такъ и здѣсь мы видимъ, что законъ въ послѣдній разъ предоставляетъ всевозможныя средства для защиты. Если-бы присяжные, при постановкѣ отвѣтовъ, на предложенные имъ вопросы, пришли къ какимъ-либо сомнѣніямъ

на счетъ обстоятельствъ дѣла, заключающихся въ предложенныхъ вопросахъ, то судьи, чрезъ посредство старшины присяжныхъ, разрѣшаютъ имъ эти сомнѣнія. Затѣмъ, постановленные отвѣты на вопросы провозглашаются въ засѣданіи суда старшиною присяжныхъ, и приговоръ присяжныхъ, въ случаѣ оправданія, имѣетъ ту рѣшительную силу, что дальнѣйшее преслѣдованіе противъ обвиняемаго прекращается; если обвиняемый находился подъ стражей до этого момента, то съ этого времени онъ освобождается и уголовное преслѣдованіе, начатое противъ него, совершенно оканчивается. Затѣмъ, въ случаѣ признанія подсудимаго виновнымъ, судъ, т. е. члены суда и предсѣдатель, должны приступить къ разрѣшенію вопроса о наказаніи. Такимъ образомъ предоставляется второй вопросъ судьямъ. Въ разрѣшеніи этого вопроса, судьи, какъ юристы, должны опредѣлить слѣдующія главныя стороны вопроса: они должны опредѣлить значеніе и свойство преступленія, тотъ его характеръ и тѣ его стороны, которые именно отмѣчены въ законодательствѣ. Судьи факта, т. е. присяжные, не имѣютъ подобной надобности, для нихъ рѣшительно все равно, къ какому разряду по наказаніюпреступленіе относится. Дѣло ихъ состоитъ только въ признаніи вины или невинности. Но члены суда, въ данномъ случаѣ, должны указать именно, что преступленіе было заранѣе предусмотрѣно законодательствомъ, что законодательство именно предвидѣло его въ томъ или другомъ законѣ и что преступленіе относится къ такому-то роду и виду, опредѣленному въ уголовномъ кодексѣ

ЛЕКЦІЯ LXXVII.

Разбирая значеніе усовершенствованій, введенныхъ судебными уставами, мы должны обратить вниманіе на ту особенную черту, что постановка рѣшеній, главнымъ образомъ, предоставлена на основаніи Судебнаго Устава внутреннему убѣжденію какъ судей, такъ и присяжныхъ; послѣдніе должны приложить это внутреннее убѣжденіе къ факту, событію; судьи же въ отношеніи оцѣнки этого факта съ юридической

стороны. И такъ, внутреннее убѣжденіе судей и присяжныхъ опредѣляетъ вину или невинность подсудимаго; однако же, не нужно понимать это внутреннее убѣжденіе въ томъ смыслѣ, чтобы рѣшеніе дѣла, по смыслу Судебныхъ Уставовъ, зависѣло какъ бы исключительно отъ произвола судей; убѣжденіе это должно быть основано на обсужденіи всѣхъ въ совокупности обстоятельствъ дѣла; какъ присяжные, такъ и судьи должны основать свое убѣжденіе на чемъ либо, сознательно. Отъ присяжныхъ законъ въ этомъ случаѣ требуетъ обсужденіе и соображеніе всѣхъ данныхъ, всѣхъ обстоятельствъ исключительно со своей точки зрѣнія; отъ судей онъ требуетъ сверхъ того воззрѣнія съ точки зрѣнія закона. И такъ, нельзя понимать, что внутреннее убѣжденіе судей какъ бы равносильно ихъ произволу, нельзя сказать, чтобы отъ присяжныхъ или отъ судей зависѣло, если они захотятъ признать или не признать виновность подсудимаго. Еслибы это было такъ, то это относилось бы скорѣе къ недостатку, нежели къ совершенству новой судебной реформы. Мы сказали, что Судебные Уставы составлены по выбору лучшихъ частей законодательнаго процесса того или другого законодательства. Уголовный же процессъ на основаніи Судебнаго Устава не совпадаетъ ни съ англійскимъ, ни съ французскимъ процессомъ, но онъ ближе къ англійской системѣ, нежели къ французской. Французскій уголовный процессъ впадаетъ въ этомъ отношеніи въ весьма опасную и вредную краткость; французскій законъ вовсе не предписываетъ никакихъ правилъ, которыми бы судьи должны были руководствоваться при оцѣнкѣ силы доказательствъ и значенія уликъ, считаетъ эти правила совершенно ненужными и признаетъ единственнымъ источникомъ истины въ уголовныхъ дѣлахъ внутреннее убѣжденіе, невысказывая на чѣмъ и съ чѣмъ должно соображаться это убѣжденіе. Однимъ словомъ, по французскому закону требуется только, чтобы убѣжденіе было основано судьями на томъ впечатлѣніи, которое произвели на нихъ судебныя пренія, и законъ не указываетъ въ этомъ отношеніи никакого положительнаго начала. Въ свое время до Судебныхъ Уставовъ у насъ была чрезвычайно развитая и опредѣленная теорія формальныхъ доказа-

тельствъ, когда самъ законъ указывалъ, чего онъ требуетъ при оцѣнкѣ того или другого доказательства. Это была крайность, но противоположная крайность именно является во французскомъ процессѣ. То же самое французскій законъ требуетъ и отъ присяжныхъ. Тамъ, гдѣ они удаляются для постановленія своего приговора о виновности или невинности преступника, во французскомъ судѣ вывѣшено особенное разъяснительное объявленіе на этотъ случай. Вотъ содержаніе его: законъ не спрашиваетъ у присяжныхъ причинъ, которыя побудили ихъ къ рѣшенію, не предписываетъ имъ никакихъ правилъ, по которымъ они должны считать тѣ или другія доказательства убѣдительными, законъ требуетъ только отъ присяжныхъ, чтобы они спросили самихъ себя въ тишинѣ и размышленіи и поискали въ своей совѣсти, какое впечатлѣніе произвели на нихъ доказательства, представленныя противъ обвиняемаго и средства защиты. Законъ не говоритъ имъ, что они должны считать справедливымъ обстоятельство, подтверждаемое извѣстнымъ числомъ свидѣтелей, но предлагаетъ только одинъ вопросъ, который заключаетъ всю мѣру ихъ обязанностей, вопросъ о томъ, имѣютъ ли они внутреннее убѣжденіе? Такого рода объявленіе, вывѣшенное въ комнатѣ присяжныхъ, указываетъ имъ на главную и существенную ихъ обязанность. Но при подобномъ положеніи законъ облекаетъ присяжныхъ страшною и совершенно безотчетною властью, онъ прямо вводитъ въ область уголовнаго процесса, вмѣсто разумной свободы сужденій и оцѣнки фактовъ совершенно безграничной произволъ и пользуясь предоставленною имъ закономъ властью, французскіе присяжные, какъ показала судебная практика до самого послѣдняго времени, довольно произвольно распоряжались участью подсудимаго. Нерѣдко они основывали свой судъ о виновности и невинности на такихъ обстоятельствахъ, которыя не имѣли ничего общаго ни съ преступленіемъ, ни съ уголовнымъ правосудіемъ. Нерѣдко были примѣры во французскихъ судахъ, что самая наружность или личность подсудимаго, его хорошія или дурныя манеры производили впечатлѣніе на присяжныхъ, и они, зная, что вся сила рѣшенія зависитъ исключительно отъ ихъ произвола, опредѣляли иногда

рѣшенія, противныя началамъ справедливости. Французскіе адвокаты весьма хорошо знали эту слабую сторону учрежденія во французскихъ судахъ. Они разсчитывали на эту слабую сторону и весь расчетъ адвоката заключается въ томъ, чтобы возбуждать въ присяжныхъ какое либо искусственное настроеніе въ пользу подсудимаго. Совершенно иначе представляется практика англійскаго процесса. Она силою закона предписываетъ присяжнымъ, чтобы они основали свой судъ на доказательствахъ и при самой оцѣнкѣ силы этихъ доказательствъ держались бы извѣстныхъ постановленныхъ какъ закономъ, такъ и обычаемъ правилъ. Англійскій процессъ допускаетъ, такимъ образомъ, впечатлѣніе и вліяніе на присяжныхъ какъ прямыхъ опредѣленій закона, такъ и называемаго обычнаго права, но онъ не вмѣняетъ имъ этихъ правилъ безусловно: онъ дозволяетъ не вѣрить доказательствамъ, если къ нимъ не присоединяется со стороны присяжныхъ внутреннее убѣжденіе въ винѣ или невинности подсудимаго. Нашъ новый уголовный процессъ ближе къ англійской системѣ, чѣмъ къ французской по вопросу о внутреннемъ убѣжденіи, именно потому, что Судебные Уставы указываютъ присяжнымъ на то, что оцѣнка факта, хотя принадлежитъ исключительно имъ, но всѣ сомнѣнія объ истинномъ или дѣйствительномъ значеніи тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, равно какъ и о свойствѣ самаго преступленія, они должны разъяснить посредствомъ вопроса съ своей стороны судьямъ. Судьи обязаны поставить взглядъ присяжныхъ на надлежащую точку воззрѣнія; въ этомъ отношеніи, какъ на основаніи Уставовъ Судебныхъ, такъ и на основаніи судебной практики новѣйшаго времени, одна изъ главныхъ обязанностей предсѣдателя заключается въ томъ, чтобы по окончаніи судебныхъ преній онъ какъ бы резюмировалъ въ своей краткой рѣчи, обращенной къ присяжныхъ, свойство и значеніе не только тѣхъ вопросовъ, которые составляютъ предметъ разбора, но и значеніе, и силу тѣхъ доказательствъ, уликъ и отдѣльныхъ обстоятельствъ, которыя выяснились во время судебныхъ преній. Предсѣдатель не навязываетъ своихъ воззрѣній присяжнымъ, напротивъ, онъ долженъ указать двой-

ственный исходъ присужденіи объ однихъ и тѣхъ же фактахъ. предсѣдатель долженъ указать присяжнымъ, что фактъ можетъ быть признанъ ими такимъ или противоположнымъ, что если присяжные захотятъ вѣрить такому-то факту, то они должны придти ко внутреннему убѣжденію о виновности подсудимаго, если же, напротивъ, они дадутъ вѣру другимъ доказательствамъ, то изъ этого произойдетъ противоположное убѣжденіе въ невинности. И такъ, нашъ законъ ставитъ посредствомъ этой рѣчи предсѣдателя къ присяжнымъ, все-таки на первый планъ юридическое воззрѣніе, облегчая тѣмъ ясное пониманіе присяжными обстоятельствъ дѣла. Это, очевидно, необходимо присяжнымъ, при надлежащимъ къ различнымъ классамъ народа, различнымъ по степени образованія, неимѣющимъ ни возможности, ни способности уловить силу и значеніе какого либо доказательства или улики, если имъ не будутъ поставлены, такимъ образомъ, на первый планъ лицами, свѣдущими въ этомъ дѣлѣ, обстоятельства, облегчающія ихъ размышленіе. И такъ, постановкѣ вопроса, которая предшествуетъ разрѣшенію дѣла, въ свой чередъ предшествуетъ рѣчь предсѣдателя. Эта рѣчь приближаетъ нашъ процессъ къ англійской системѣ и совершенно отличаетъ отъ французской системы. Англійскій процессъ предписываетъ присяжнымъ, чтобы они основали свой судъ на доказательствахъ и при оцѣнкѣ ихъ держались постановленій закона и обычая. У насъ рѣчь предсѣдателя представляетъ имъ возможность смотрѣть на доказательства или улики такъ, какъ смотритъ законъ и обычай. Недостатокъ устройства присяжныхъ во французскомъ уголовномъ процессѣ вызвалъ въ юридической литературѣ нѣкоторыя сомнѣнія въ томъ, дѣйствительно ли полезно и необходимо это учрежденіе? Что присяжные совершенно излишни въ гражданскомъ процессѣ — это, очевидно и составляетъ общепринятое явленіе, но излишни ли они въ уголовномъ процессѣ? Это я разъяснилъ въ предшествующей лекціи, именно въ виду того, что въ каждомъ дѣлѣ нужно отличать фактическую и юридическую стороны дѣла. Однако же мы должны указать на тѣ возраженія, которыя были заявлены въ юридической литературѣ противъ этого учрежденія. Они вообще несостоя-

тельны. Тѣмъ не менѣе они указываютъ извѣстную точку воззрѣнія на это учрежденіе, такъ прежде всего лица, возражающія противъ установленія этого учрежденія, замѣчаютъ, что раздѣленіе труда при постановкѣ рѣшенія между присяжными и судьями совершенно не нужно. «Если», говорятъ они: «судьи могутъ также хорошо, какъ и присяжные рѣшать вопросъ о виновности, то кто либо изъ нихъ долженъ быть лишнимъ или судьи, или присяжные. А такъ какъ, сверхъ того, судьи необходимы нетолько для рѣшенія вопроса о виновности, но и для примѣненія закона, т. е. для постановки вопроса о наказаніи и вообще для руководства всѣми судебными дѣйствіями, то лишними оказаться могутъ только присяжные». Несостоятельность этого мнѣнія заключается въ томъ, что вопросъ о виновности и вопросъ о наказаніи существенно различны между собою. При томъ при обсужденіи вопроса о виновности необходимо, чтобы въ судьяхъ, кромѣ элемента юридическаго образованія была еще извѣстная степень воззрѣній чисто народныхъ, такъ какъ преступленіе является въ извѣстной средѣ преступника, представляется въ различныхъ видахъ нарушеній, произведенныхъ въ силу различныхъ окружающихъ его обстоятельствъ и причинъ, надо восходить на степень понятій, образованіяидо значенія тѣхъ привычекъ и той среды къ которой принадлежалъ преступникъ при совершеніи своего преступленія, но это возможно только тогда, когда въ составѣ суда, кромѣ судей будутъ допущены и лица, принадлежащія къ различнымъ классамъ общественныхъ учрежденій, а въ составъ присяжныхъ и входятъ лица высшаго, средняго и низшаго сословія. Преступникъ можетъ принадлежать къ тому классу, изъ котораго и присяжный и понятно что въ такомъ случаѣ лучше могутъ оцѣнить тѣ побужденія и тѣ причины, тотъ образъ воззрѣній, который руководилъ преступникомъ при совершеніи преступленія. Съ другой стороны по мѣрѣ судебной практики юристъ пріобрѣтаетъ нѣкоторую наклонность къ оцѣнкѣ какого либо дѣянія съ чисто теоретической или научной стороны. Чѣмъ продолжительнѣе практика судебной дѣятельности, тѣмъ болѣе судья какъ бы отдаляется отъ настоящей и дѣйствительной жизни и при-

выкаетъ смотрѣть на дѣла, подлежащія его разрѣшенію; какъ на отвлеченные юридическіе вопросы, а не какъ на живыя явленія жизни, и вотъ этотъ то недостатокъ судебной практики, неизбѣжный съ отправленіемъ судебнаго правосудія и дѣлаетъ необходимымъ, чтобы на ряду съ этими теоретическо-юридическими воззрѣніями былъ въ судѣ другой способъ воззрѣнія, прямо соотвѣтствующій жизни и дѣйствительнымъ явленіямъ. Такимъ образомъ, первое возраженіе противъ учрежденія присяжныхъ оказывается несостоятельнымъ по существу дѣла. Затѣмъ, есть другое возраженіе. Возражатели противъ пользы учрежденія присяжныхъ, обращаются къ началу этого учрежденія и вникаютъ въ первоначальный характеръ его. Извѣстно, что въ Англіи до половины 15 вѣка присяжные еще не были настоящими судьями: имъ не предоставлялось, нетолько сужденіе дѣлъ въ юридическомъ смыслѣ, но даже сужденіе дѣлъ въ фактическомъ значеніи. Они съ начала не разсматривали доказательствъ, но только имѣли значеніе выборныхъ изъ мѣстныхъ жителей, преимущественно того мѣста, гдѣ случалось событіе, которые лучше могли знать обстоятельства дѣла и личность обвиненнаго. Спрашивали ихъ только, нужно ли предать обвиненнаго суду, или нужно ли считать первое событіе, засовершившееся преступленіе. Такимъ образомъ, въ первоначальномъ своемъ значеніи присяжные были какъ бы органомъ, чрезъ посредство котораго узнавалось въ дѣяніи какомъ либо преступленіе. Нѣчто подобное мы видѣли въ нашей древнѣйшей исторіи права. И у насъ въ свое время чрезъ посредство извѣстныхъ людей признавался или не признавался первый фактъ въ смыслѣ преступленія. Такъ было и въ Англіи до половины 15 вѣка. Впослѣдствіи присяжнымъ предоставлено было право и постановлять судебные приговоры. Такимъ образомъ, противники этого учрежденія замѣчаютъ, что учрежденіе это въ томъ смыслѣ, какъ оно является въ новѣйшее время нужно считать потерявшимъ свое первоначальное и прямое назначеніе. Но противъ этого нужно сказать, что первоначальное назначеніе присяжныхъ въ томъ смыслѣ, какъ его понимаютъ противники этого учрежденія, въ настоящее время не имѣетъ никакой пользы. Во всякомъ развитомъ

законодательствѣ есть уже учрежденіе слѣдователей, въ смыслѣ выработаннаго института или установленія, которое гораздо лучше и точнѣе отправляетъ судебную дѣятельность, нежели присяжные. Затѣмъ, присяжнымъ не можетъ быть предоставлено первоначальное слѣдствіе, потому что это отрывало бы присяжныхъ отъ обыкновенныхъ ихъ занятій. Извѣстно, что званіе присяжныхъ есть извѣстная обязанность, родъ службы въ отношеніи къ обществу. Во-вторыхъ, присяжнымъ предоставляется право нетолько слушать все то, что происходитъ въ судебномъ слѣдствіи, но и предлагать различные вопросы свидѣтелямъ въ отношеніи такъ называемыхъ вещественныхъ и другихъ доказательствъ. Наконецъ самъ законъ вмѣняетъ въ обязанность присяжнымъ, чтобы они для разъясненія своихъ сомнѣній обращались и къ судьямъ, и къ свидѣтелямъ, и ко всему тому, что можетъ имъ дать надлежащее понятіе о какомъ либо предметѣ. Затѣмъ, указываютъ, что одинъ изъ недостатковъ учрежденія присяжныхъ заключается въ томъ, что они могутъ постановлять пристрастные приговоры и указываютъ въ этомъ смыслѣ именно на практику французскаго суда, но мы уже замѣтили, что этотъ недостатокъ происходитъ не отъ самаго учрежденія, а отъ недостатка законодательства, которое предоставляетъ широкое безусловное право произвола. Нужно замѣтить также, что приговоръ присяжныхъ не всегда можетъ имѣть силу окончательнаго рѣшенія, что судьямъ предоставляется право признать приговоръ этотъ недостаточнымъ и въ такомъ случаѣ онъ теряетъ свое значеніе. Это одна изъ самыхъ существенныхъ и свѣтлыхъ сторонъ новой судебной реформы. Однако же если приговоръ и не признается дѣйствительнымъ, то это все-таки не уничтожаетъ общій характеръ способа рѣшенія дѣла. Въ такомъ случаѣ судьи должны представить разрѣшеніе дѣла присяжнымъ въ новомъ составѣ ихъ. Отсюда понятно, что въ нашемъ процессѣ не можетъ быть безграничной и какъ бы сказать, безконтрольной власти присяжныхъ, которая существуетъ во французскомъ законодательствѣ и судебной его практикѣ. Законъ въ этомъ отношеніи обращается торжественно, какъ бы къ совѣсти цѣлаго народа, законъ какъ бы говоритъ при-

сяжнымъ: «Вотъ фактъ, который имѣетъ такія-то и такія дурныя стороны; можете ли вы допустить, чтобы подобный фактъ проходилъ безнаказанно, чтобы подобныя явленія повторялись въ средѣ вашей общественной жизни»? И этотъ-то вопросъ и возбуждаетъ ихъ внутреннее убѣжденіе, ихъ, такъ называемую, общественную совѣсть. Наконецъ, къ числу возраженій противъ учрежденія присяжныхъ относятъ и то, что учрежденіе, полезное какому либо народу, разумѣя притомъ англичанъ, не всегда можетъ быть полезно у другаго народа. Но въ опроверженіе этого можно сказать, что совершенно ошибочно было бы смотрѣть на начало суда присяжныхъ, какъ на исключительную принадлежность Англіи. Я имѣлъ уже случай высказать, что и въ нашемъ древнемъ правѣ есть нѣчто подобное.

Затѣмъ, мы обратимъ вниманіе на значеніе самихъ отвѣтовъ присяжныхъ. Если, съ однойстороны, постановка вопросовъ для рѣшенія присяжныхъ составляетъ весьма важное обстоятельство въ ходѣ уголовнаго процесса, если законъ весьма осмотрительно предоставляетъ это дѣло въ руки опытныхъ юристовъ, то не менѣе важно и значеніе отвѣтовъ присяжныхъ. Посмотримъ, какія начала въ этомъ отношеніи проводятъ Судебные Уставы. Присяжные вообще должны дать такой приговоръ, который могъ бы послужить основаніемъ для судебнаго рѣшенія, слѣдовательно, понятно, что отвѣты присяжныхъ должны имѣть безусловное значеніе, слѣдовательно, не могутъ подпадать ни подъ какое сомнѣніе. Но нѣкоторые юристы полагали, что присяжные, какъ люди неопытные и не свѣдущіе въ законахъ, легко могутъ дать приговоръ, неимѣющій юридическаго значенія и не ясный, фактъ дѣйствительно возможный, но только тогда, если не предшествуетъ этому подробное обсужденіе дѣла въ судебныхъ преніяхъ, при которыхъ предполагается полное вниманіе присяжныхъ, еслибы далѣе предсѣдатель послѣ судебныхъ преній не напоминалъ двойственную возможность рѣшенія, и еслибы въ заключеніе этой рѣчи предсѣдатель по совѣщаніи съ судьями не постановлялъ вопросовъ такъ подробно, ясно и отчетливо, что эти вопросы должны быть понятны и должны относиться къ существу дѣ-

ла. Наконецъ, въ предотвращеніе того, что присяжные могутъ дать приговоръ неясный, судьи могутъ не признать приговоръ рѣшеннымъ. Въ англійскомъ процессѣ присяжные даютъ свой приговоръ однако же нѣсколько иначе, нежели въ нашихъ судахъ. Вотъ почему я сказалъ, что нашъ процессъ походитъ только на англійскій, но не тождественъ съ нимъ. Различіе слѣдующее: на основаніи англійскихъ законовъ, присяжные должны постановлять свой приговоръ на основаніи обвинительнаго акта, а судьи и предсѣдатель не предлагаютъ имъ съ своей стороны никакихъ вопросовъ. Въ Англіи требуется только, чтобы присяжные рѣшили: виновенъ или невиненъ подсудимый въ томъ преступленіи, которое обозначено въ обвинительномъ актѣ. По французской системѣ присяжные рѣшаютъ дѣло отвѣтами на вопросъ предсѣдателя и членовъ суда, но во французскомъ законодательствѣ нѣтъ предшествующей разъяснительной рѣчи. Въ англійскомъ процессѣ, въ этомъ отношеніи тотъ недостатокъ, что присяжные должны основывать свое рѣшеніе на обвинительномъ актѣ, т. е. они сами должны составить изъ этого обвинительнаго акта, какъ бы вопросы себѣ для разрѣшенія. Главный и существенный недостатокъ заключается въ томъ, что обвинительный актъ еще не есть настоящее обвиненіе, что отъ обвинительнаго акта отступаетъ весьма часто самъ прокуроръ, слѣдовательно, постановка вопросовъ только, по содержанію акта, будетъ совершенно одностороннею.

ЛЕКЦІЯ LXXVIII.

Обвинительный актъ различается отъ обвинительной рѣчи прокурора. Обвинительная рѣчь иначе ставитъ объемъ обвиненій, нежели какъ онъ первоначально выражается въ обвинительномъ актѣ. Слѣдовательно, присяжные, имѣя въ основаніе только актъ обвинительный не могутъ съ полною основательностью извлечь матеріалъ для постановки своего рѣшенія. Кромѣ этого въ подобномъ случаѣ предполагается, что присяжные имѣютъ нѣкоторый юридическій навыкъ для разрѣшенія именно той стороны вопроса, который составляетъ

цѣль назначенія рѣшенія, но предполагать подобную степень юридическаго образованія въ присяжныхъ, нигдѣ, ни въ какомъ государствѣ, не возможно и въ этомъ отношеніи англійскій процессъ представляетъ свою слабую сторону. Затѣмъ, въ нѣмецкой судебной практикѣ, тамъ, гдѣ существуютъ суды съ учрежденіемъ присяжныхъ, постановка главнаго вопроса разбивается на нѣсколько частныхъ вопросовъ объ отдѣльныхъ обстоятельствахъ для того, чтобы облегчить разрѣшеніе дѣла посредствомъ присяжныхъ. Но нужно замѣтить, что и въ томъ, и въ другомъ порядкѣ предоставляется, такимъ образомъ, какъ-бы на разсмотрѣніе самихъ присяжные обратить вниманіе на самыя существенныя обстоятельства, заключающіяся въ дѣлѣ, но можно допустить, что нѣкоторыя неважныя обстоятельства не упомянуты въ обвинительномъ актѣ и открывшись только во время судебныхъ преній, могутъ ускользнуть отъ вниманія присяжныхъ. И система нашего процесса дополняетъ этотъ недостатокъ тѣмъ, что постановка вопросовъ возлагается на обязанность судей. Затѣмъ, недостатокъ англійскаго процесса идетъ еще далѣе въ этомъ отношеніи тѣмъ, что законъ постановляетъ присяжнымъ правила, что далѣе предѣловъ обвинительнаго акта присяжные и не должны идти и вообще они не могутъ дѣлать какихъ-либо соображеній, обсужденій или перемѣнъ того, что выражено въ обвинительномъ актѣ. Посмотримъ теперь, какъ у насъ разрѣшенъ этотъ вопросъ Судебными Уставами. Главный вопросъ о томъ, виновенъ-ли подсудимый въ томъ преступномъ дѣяніи, которое составляетъ предметъ обвиненія, можетъ разбиваться на нѣсколько отдѣльныхъ вопросовъ. Практика нашихъ судовъ именно и представляетъ подобную разбивку главнаго вопроса еще на отдѣльныя частныя его подраздѣленія. Обыкновенно спрашиваютъ, совершилось-ли преступленіе, было-ли оно дѣяніемъ преступнымъ, должно-ли оно быть вмѣнено въ вину, если должно, то при какихъ обстоятельствахъ, смягчающихъ. И такъ, если мы не можемъ требовать отъ присяжныхъ, чтобы они знали, за какое преступленіе слѣдуетъ какое наказаніе, то тѣмъ менѣе мы должны требовать, чтобы они знали всѣ оттѣнки, увеличивающіе и уменьшающіе степень

виновности. Если въ этомъ отношеніи касательно степени наказанія помогаютъ судьи, то въ вопросѣ о виновности, который всецѣло принадлежитъ присяжнымъ, нельзя обходиться безъ вопроса объ обстоятельствахъ, увеличивающихъ и уменьшающихъ вину. Основаніемъ же вопроса о существѣ дѣла должны служить въ Англіи — обвинительный актъ, во Франціи—судебное слѣдствіе, у насъ нетолько судебное слѣдствіе, обвинительный актъ, но главнымъ образомъ рѣчь предсѣдателя, указывающая двойственный характеръ рѣшенія. Если разборъ дѣла касается такого преступленія, которое не было предусмотрѣно первоначально въ обвинительномъ актѣ, но обнаружилось только при судебномъ слѣдствіи, то вопросъ предлагается только въ томъ случаѣ, касательно того дѣянія, вновь выразившагося во время судебнаго слѣдствія, когда оно по закону подвергаетъ виновнаго наказанію болѣе строгому, нежели дѣяніе, которое признано въ обвинительномъ актѣ. Если на оборотъ въ обвинительномъ актѣ предусмотрѣно главное преступленіе, а при разборѣ окажется еще преступленіе, но за которое полагается меньшее наказаніе, нежели за первое то объ этомъ дѣяніи судъ и не ставитъ вопроса присяжнымъ. Но изъ этого не нужно думать, чтобы нѣкоторыя противозаконныя дѣла оставались безъ всякаго судебнаго преслѣдованія. Въ подобномъ случаѣ дѣло вновь обращается къ судебному слѣдствію и къ составленію обвиненіе уже по всѣмъ преступнымъ дѣяніямъ въ общей ихъ совокупности. Такъ какъ одно изъ главныхъ правилъ уголовнаго правосудія заключается въ томъ, что виновный въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ долженъ быть подверженъ наказанію по обсужденіи совокупности всѣхъ тѣхъ частныхъ наказаній, которыя слѣдуютъ въ отдѣльности за каждое преступленіе. Затѣмъ, самая форма отвѣтовъ присяжныхъ есть да или нѣтъ—утвердительная или отрицательная. Присяжные могутъ въ своихъ отвѣтахъ не ограничиться только этими краткими словами да или нѣтъ; они могутъ присовокупить къ этимъ словамъ, тѣ собственно слова, въ которыхъ заключенъ самый смыслъ отвѣта; напримѣръ «да, виновенъ». Если судъ спрашиваетъ присяжныхъ «совершилось-ли преступленіе?» и виновенъ-ли

подсудимый, то отвѣты могутъ быть съ прибавленіемъ этихъ выраженій, разрѣшающихъ вопросъ, если присяжные признаютъ, что однимъ только утвержденіемъ или отрицаніемъ не возможно еще съ точностью выразить ихъ настоящее мнѣніе, то они могутъ прибавить и другія слова, которыя они считаютъ существенно необходимыми для того, чтобы ясно было выражено ихъ мнѣніе. Мы упомянули о томъ, что основа для этихъ вопросовъ вырабатывается предсѣдателемъ и что отъ искусной постановки вопросовъ весьма много зависитъ разрѣшеніе дѣла, но предсѣдателю не предоставляется широкаго произвола. Можно представить себѣ подобное положеніе, что предсѣдатель укажетъ присяжнымъ на дѣло умышленно въ извѣстномъ какомъ либо направленіи, но подобное предположеніе разбивается самою сущностью учрежденія присяжныхъ, т. е. присяжнымъ предоставляется небезусловно разрѣшеніе вопросовъ въ одномъ какомъ либо направленіи а двойное; далѣе между присяжными могутъ быть лицами, знающіе законъ, и они могутъ признать подобную постановку вопроса несоотвѣтствующею сущности дѣла; они могутъ выбрать противоположные вопросы и требовать объясненія тѣхъ данныхъ, которыя возбуждаютъ въ нихъ подобныя сомнѣнія. Затѣмъ, если бы постановка вопросовъ не проистекала изъ самой сущности дѣла, изъ самаго значенія судебныхъ преній, то въ такомъ случаѣ возможно бы было подобное предположеніе. Но если съ одной стороны и обвинительный актъ недостаточенъ для полнаго обвиненія, то какъ согласить при этомъ возможность, что предсѣдатель послѣ судебныхъ преній можетъ постановить вопросы, невытекающіе изъ самой сущности обстоятельствъ дѣла. Замѣтимъ, что присяжные могутъ прибавлять къ даннымъ вопросамъ свой новый вопросъ. Эта прибавка вопроса о томъ, заслуживаетъ ли подсудимый снисхожденія или нѣтъ? Если 6 голосовъ утвердительны, то присяжные къ даннымъ отвѣтамъ, обвиняющимъ подсудимаго, присовокупляютъ, что по обстоятельствамъ дѣла подсудимый заслуживаетъ снисхожденія. Это право весьма важно. Оно представляется исключеніемъ изъ правъ, предоставленныхъ судьямъ, но основа заключается въ томъ же самомъ стремленіи закона дать,

какъ можно большую возможность подсудимому къ облегченію и защитѣ его дѣла и къ полному примѣненію всѣхъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя самимъ закономъ указываются для уменьшенія вины. Такъ вообще мы видѣли, что постановка вопроса принадлежитъ только судьямъ. Здѣсь мыв идимъ, что присяжные могутъ прибавлять новый вопросъ. И такъ, права присяжныхъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, выше самихъ судей. Присяжные, могутъ разрѣшить вопросъ о снисхожденіи въ смыслѣ благопріятномъ. Въ силу этого разрѣшенія, слѣдующее по закону подсудимому наказаніе должно быть уменьшено неменьше, какъ на одну степень, а можетъ быть уменьшено и двумя степенями, если въ подобномъ указаніи присяжныхъ и сами судьи убѣдятся, что въ дѣлѣ есть особыя обстоятельства, уменьшающія вину. Мы сказали, что вопросъ о виновности присяжныхъ и вопросъ о наказаніи судей совершенно различны. Это раздѣленіе логично проведено въ Судебныхъ Уставахъ. Однако же изъ этого разсмотрѣнія мы видимъ, что присяжные имѣютъ вліяніе и на наказаніе, даже въ томъ случаѣ, когда они признаютъ подсудимаго виновнымъ, они имѣютъ вліяніе на смягченіе. И такъ, нельзя сказать, чтобы наказаніе безусловно опредѣлялось одними только судьями: присяжные возбуждаютъ вопросъ о снисхожденіи и рѣшаютъ его въ пользу подсудимаго. Но противъ этого права присяжныхъ нѣкоторые юристы возражаютъ и указываютъ на то, что если присяжнымъ предоставляются подобныя права объявлять существованіе смягчающихъ обстоятельствъ, то это можетъ привести только къ тому, что присяжные не будутъ заняты строгимъ анализомъ вопросовъ, а въ сомнительныхъ случаяхъ будутъ прибѣгать, къ смягчающимъ обстоятельствамъ. Но практика показываетъ совершенно иное, именно: судебная практика показываетъ, что о смягчающихъ обстоятельствахъ присяжные возбуждаютъ вопросъ только въ рѣдкихъ случаяхъ и при томъ тогда, когда существенная сила такихъ обстоятельствъ дѣйствительно заявлена во время судебныхъ преній, когда при искусной рѣчи защитника и при слабости возраженій прокурора эти, смягчающія обстоятельства,производятъ подобнаго рода впечатлѣнія на присяжныхъ. Затѣмъ, послѣрѣшенія вопроса о виновности рѣшает-

ся вопросъ о наказаніи. Въ этомъ отношеніи судьи должны отыскать тотъ самый родъ и видъ наказанія, который опредѣленъ закономъ за данное преступленіе. Замѣтимъ въ этомъ отношеніи, что могутъ быть случаи такихъ преступленій, которые не были приведены въ законѣ. Извѣстно, что уголовное законодательство, какъ и всякая другая часть законодательства развивается своимъ постепеннымъ путемъ, извѣстно, что полнота системы преступленій увеличивается по мѣрѣ развитія самой жизни государства, по мѣрѣ развитія законодательства. Тѣ дѣянія, которыя прежде не считались преступными въ теченіи времени, получаютъ подобное значеніе. Однимъ словомъ законодательство, хотя и содержитъ всевозможные виды нарушеній, однако могутъ случиться и такія дѣянія, которыя прямо не опредѣлены въ законѣ, въ смыслѣ преступленій. Какимъ образомъ поступать суду въ такихъ случаяхъ? Не постановить рѣшеніе за недостаткомъ прямаго опредѣленія въ законѣ — это строго запрещается. Судъ во всякомъ случаѣ долженъ постановить рѣшеніе. Для этого онъ долженъ избрать изъ системы преступленій какое либо одно преступленіе наиболѣе сходное съ разсматриваемымъ преступленіемъ и опредѣлить подобное наказаніе. Однимъ словомъ, судъ при неполнотѣ опредѣленій закона обязанъ руководствоваться аналогіей, подобіемъ, сравненіемъ. Затѣмъ, въ постановкѣ рѣшенія должны быть опредѣлены слѣдующія наказанія, какъ главному виновнику, такъ и участникамъ вообще лицамъ, соприкосновеннымъ къ совершившемуся преступленію, но только такимъ, которыя привлечены къ суду. Постановленное рѣшеніе объявляется, затѣмъ оно должно быть приведено въ исполненіе, если не послѣдуетъ на это рѣшеніе въ гражданскомъ искѣ апелляціи, а въ уголовномъ отзыва защитника или протеста прокурора. Вообще, судебные уставы установляютъ еще высшую инстанцію для разбора и повѣрки правильности производства дѣла и постановленія приговора какъ въ гражданскихъ, такъ и въ дѣлахъ уголовныхъ. Судебные Уставы постановляютъ изъ прежнихъ многихъ инстанцій только 2:—по дѣламъ гражданскимъ тяжущіеся имѣютъ право приносить апелляціонныя жалобы въ судебную палату, по дѣламъ уголовнымъ нѣкоторыя изъ нихъ рѣшаются окружнымъ судомъ съ участіемъ присяжныхъ

засѣдателей; сюда относятся болѣе важныя дѣла, другія менѣе важныя безъ участія присяжныхъ. По всѣмъ дѣламъ послѣдняго рода окружные суды даютъ приговоры не окончательные, на нихъ допускаются отзывы въ судебную палату, которая и рѣшаетъ ихъ окончательно. И такъ, вообще пересмотръ и апеляціи опредѣляются судебными уставами въ ограниченномъ числѣ; но за то независимо отъ нихъ законъ предоставляетъ возможность кассаціи приговора въ кассаціонныхъ департаментахъ Правительствующаго Сената. О достоинствѣ и преимуществѣ этого суда мы уже говорили. Въ настоящемъ случаѣ мы должны обратить вниманіе на то, въ какихъ случаяхъ законъ допускаетъ кассацію и что служитъ основаніемъ. Вообще для того, чтобы прекратить возможность ошибокъ со стороны судебныхъ мѣстъ, законъ постановляетъ извѣстный ходъ и правила процесса; ходъ этотъ облеченъ въ извѣстную форму. Нѣкоторыя изъ этихъ формъ и правилъ до такой степени важны и существенны, что если мы допустимъ нарушеніе ихъ, то въ силу этого должны непремѣнно допустить и неправильный приговоръ. Такъ напримѣръ, если судъ не выслушалъ въ дѣлѣ гражданскомъ обѣихъ сторонъ, не выслушалъ отвѣтчика или истца, то подобное дѣло даетъ поводъ кассаціи. Но если нарушено правило второстепенное, если нарушена форма, которая во всякомъ случаѣ не можетъ вліять на существо дѣла? Кто можетъ судить какого рода нарушеніе существенное или несущественное, т. е. въ какихъ случаяхъ можно дать кассацію? Понятно, что сужденіе всѣхъ частныхъ случаевъ подобнаго рода должно быть предоставлено высшему суду. Такимъ образомъ назначеніе кассаціи должно прежде всего заключаться въ обсужденіи, правильно ли было разсмотрѣно дѣло въ его общемъ ходѣ, опредѣленномъ закономъ. Были ли далѣе упущенія или не были? Коль скоро не было упущеній, то нѣтъ и кассаціи; если упущенія были, то вопросъ о томъ, существенны ли они или нѣтъ, опредѣляетъ и дальнѣйшій исходъ дѣла. Съ перваго раза можно подумать, что аппеляція и кассація есть одно и тоже, такъ какъ высшій судъ, разсматривая дѣло, долженъ обратить вниманіе на то, въ правильномъ ли порядкѣ было разсмотрѣно дѣло или нѣтъ, но различіе между ними существенно; кассація имѣетъ своимъ назначеніемъ отмѣнить

приговоръ, постановленный извѣстною судебною инстанціей не потому только, чтобы этотъ приговоръ ему казался неправильнымъ по существу дѣла, но потому, что судъ нарушилъ коренныя правила судопроизводства. Если есть суды, то они должны дѣйствовать въ томъ порядкѣ, какъ это опредѣлилъ законъ, если бы законъ допустилъ обратное, то это уничтожило бы силу и авторитетъ самихъ судебныхъ установленій. Затѣмъ, въ примѣненіи закона весьма важно соображеніе настоящаго смысла и значеніе закона. Судьи суть юристы; тѣмъ болѣе въ кассаціонномъ судѣ, судьи должны быть лица высшаго юридическаго образованія, такъ какъ для того, чтобы судить о неправильности пониманія закона людьми юридически образованными, нужно несомнѣнно имѣть высшее образованіе. Таково назначеніе кассаціи по отношенію къ судебной практикѣ. Мы должны замѣтить, что эти 2 повода кассаціи имѣютъ совершенно неравномѣрное значеніе, т. е. 1-й поводъ рѣже можетъ служить основаніемъ для кассаціи, нежели 2-й. Казалось бы, что чаще можетъ случаться нарушеніе формъ, порядка судопроизводства, нежели неправильное толкованіе, пониманіе закона. А между тѣмъ судебная практика показываетъ совершенно иное: большая часть случаевъ кассаціи основана именно на неправильномъ толкованіи и примѣненіи закона. Всѣ эти постановленія, какъ о значеніи кассаціоннаго суда, такъ и основаніяхъ самой кассаціи являются у насъ учрежденіемъ новымъ. До изданія судебныхъ уставовъ ничего подобнаго не было и различія между кассаціей и аппеляціей существовать не могло. Единственнымъ путемъ опроверженія приговора въ прежнее время была аппеляція и потому во всѣхъ дѣлахъ, которыя окончательно рѣшены, тяжущіеся не смѣли защищать своего права, какъ бы явно оно не было нарушено судомъ. Съ учрежденіемъ кассаціоннаго суда этихъ явленій быть не можетъ въ дѣлахъ, даже получающихъ окончательное разрѣшеніе въ силу самаго закона. Понятно, что кассаія придаетъ закону еще большую силу и крѣпость противъ обыкновеннаго значенія, понятно, что устройство суда при всѣхъ его совершенствахъ предполагаетъ съ другой стороны и справедливое примѣненіе закона. Только съ сохраненіемъ этихъ 2-хъ

условій, только съ извѣстною степенью развитія и совершенства суда и точнаго примѣненія закона, только этими 2-мя сочетаніями обусловливается настоящая гарантія правъ каждаго лица. Вотъ тѣ стороны, которыя достаточно знакомятъ насъ съ общимъ значеніемъ этого новаго явленія въ исторіи нашего права, относящагося главнымъ образомъ къ суду, судоустройству и судопроизводству уголовному и гражданскому. Судебные Уставы, произвели много въ этихъ 3-хъ отношеніяхъ существенныхъ перемѣнъ и улучшеній. Судебные Уставы не остались безъ вліянія и послѣдствій и на прочія части законодательства. Такъ въ силу изданія Судебныхъ Уставовъ оказался необходимымъ дальнѣйшій пересмотръ, дополненіе и усовершенствованіе нѣкоторыхъ частей нашего законодательства въ особенности уголовныхъ. Судебные Уставы произвели много улучшеній въ нашемъ Уложеніи о наказаніяхъ. Съ другой стороны, въ отношеніи къ гражданскому законодательству, Судебные Уставы указали на необходимость многихъ новыхъ дополненій, реформъ и преобразованій по части нашего дѣйствующаго гражданскаго права. Въ этомъ смыслѣ на 1-й разъ мы замѣтимъ, что Судебные Уставы положили начало новому устройству у насъ нотаріальной части. Нотаріусы существовали у насъ весьма давно, но дѣятельность ихъ до такой степени была узка, ограниченна и исключительна, что назначеніе ихъ заключалось главнымъ образомъ въ свидѣтельствованіи разныхъ актовъ и въ собраніи пошлинъ при совершеніи ихъ. Между тѣмъ на западѣ выработался постепенно другой видъ дѣятельности, имѣющій важное значеніе въ юридическомъ смыслѣ. Ничего подобнаго до изданія Судебныхъ Уставовъ у насъ не было. Каждое лицо могло быть нотаріусомъ и маклеромъ, т. е. лицомъ, совершающимъ акты, условія и договоры. Достаточно было представить нотаріусу или маклеру актъ самаго нелѣпаго содержанія, достаточно было представить сдѣлку или договоръ, которые содержали совершенное противорѣчіе закону, чтобы то и другое было засвидѣтельствовано нотаріусомъ безъ всякаго соображенія, потому что вся цѣль ихъ заключалась въ свидѣтельствованіи подписей, въ собраніи пошлинъ и удостовѣреніи, что актъ дѣйствительно совер-

шенъ извѣстнымъ лицомъ. Но, оставляя въ сторонѣ исключительные факты подлога или обмана, нужно сказать, что вообще значеніе договора, акта или условія весьма важно нетолько для тѣхъ лицъ, которыя ихъ заключаютъ, но и для другихъ лицъ, напр. для наслѣдниковъ, которые вступаютъ въ права и обязанности по договору лицъ, отъ которыхъ они получаютъ наслѣдство. Судьба каждаго имущества или наслѣдства цѣлаго поколѣнія зависитъ отъ правильности или неправильности заключеннаго акта или договора. Уже одно это обстоятельство указываетъ, что лица, которымъ законъ поручаетъ совершать подобнаго рода дѣла, должны непремѣнно быть юристами, чего, до изданія Судебныхъ Уставовъ, не было. Лица, облеченныя властію придавать силу и крѣпость засвидѣтельствованіемъ акта, непремѣнно должны понимать и вникать въ самую сущность тѣхъ условій, которыя заключаютъ частныя лица между собою и они должны охранять интересы обѣихъ договаривающихся сторонъ, такимъ образомъ, чтобы договоръ былъ совершенно правомѣренъ, иначе лицо, преобладающее, можетъ заключить договоръ съ другимъ лицомъ и обязать до такой степени къ невыгоднымъ условіямъ, что сдѣлка, кажущаяся правомѣрною на самомъ дѣлѣ, будетъ представлять сумму тяжестей на одной сторонѣ и сумму льготъ—на другой. Вся дѣятельность нотаріусовъ является, такимъ образомъ, ничѣмъ инымъ, какъ примѣненіемъ началъ гражданскаго законодательства къ самой жизни, къ практикѣ дѣла. Само собою разумѣется, что надо хорошо знать право, чтобы примѣнять его подобнымъ образомъ. Въ слѣдующій разъ мы укажемъ на тѣ основанія, которыя существенны въ устройствѣ нотаріальномъ. Здѣсь вообще только замѣтимъ, что основанія, положенныя Судебными Уставами даютъ возможность надѣяться въ будущемъ на то, что наши нотаріусы могутъ быть весьма полезны своею юридическою практикою.

ЛЕКЦІЯ LXXIX.

Съ Судебными Уставами находится въ непосредственной связи и преобразованіе нотаріальной части. Съ перваго взгляда оно кажется нестоль важнымъ преобразованіемъ, какимъ

оказывается при внимательномъ изслѣдованіи этого дѣла. Съ этою цѣлью мы обратимъ вниманіе на положеніе нотаріальной части до изданія Судебныхъ Уставовъ и на тѣ усовершенствованія, которыя вызваны настоящимъ преобразованіемъ. Положеніе нотаріальнаго дѣла было весьма незавидно до изданія Судебныхъ Уставовъ. Нотаріусы, какъ лица, лишенныя юридическаго спеціальнаго образованія, смотрѣли на дѣло составленія актовъ съ чисто формальной точки зрѣнія: написать актъ лишь-бы только написать его на установленной гербовой бумагѣ и взять столько пошлинъ, сколько полагается взыскивать имъ съ каждаго дѣла, вотъ все, о чемъ заботился нотаріусъ въ прежнее время. Положеніе о нотаріальной части ввело слѣдующія перемѣны. Самая важная заключается въ томъ, что для опредѣленія въ должность нотаріуса требуется экзаменъ, который производится въ окружномъ судѣ членами суда; а такъ какъ они юристы, то слѣдовательно подобная мѣра представляетъ извѣстнаго рода гарантію. Затѣмъ, кромѣ этого условія учреждены при окружныхъ судахъ старшіе нотаріусы, которые должны имѣть наблюденіе за практикою и дѣятельностью прочихъ нотаріусовъ. Но вотъ и все, что опредѣляетъ законъ въ этомъ отношеніи. Обратимся теперь къ самой сущности дѣла. Нужно сказать, что составленіе актовъ гражданскихъ весьма важно въ двоякомъ отношеніи: съ одной стороны, по значительному числу исковъ и тяжбъ, которые возникаютъ отъ неправильнаго составленія сдѣлокъ между договаривающимися; съ другой стороны, по отношенію къ интересамъ самихъ частныхъ лицъ въ томъ смыслѣ, что правильно составленный актъ или договоръ гарантируетъ спокойствіе нетолько отдѣльной личности или владѣльца имущества, но на немъ иногда основывается спокойное существованіе цѣлаго семейства и вообще многихъ лицъ. Недостатки въ этомъ родѣ, включенные въ акты, произвольныя условія, противорѣчащія требованіямъ закона, имѣютъ еще ту невыгоду, что подъ видомъ темныхъ выраженій, при самомъ заключеніи ихъ, одна сторона разсчитывала напередъ на обманъ, на изворотъ. Кромѣ того неправильно составленные гражданскіе акты, сдѣлки и договоры подрываютъ общественный и частный кредитъ въ ущербъ раз-

витію успѣховъ экономическихъ, успѣховъ торговли, оборотовъ фабричныхъ, заводскихъ, вообще для правильнаго пользованія правами собственности — для всего этого необходимо развитіе кредита въ государствѣ, т. е. довѣрія. Затрудненія сдѣлокъ и договоровъ, которыми подрываются, такимъ образомъ основы частныхъ правъ на имущества понятно служатъ къ ослабленію подобнаго кредита. Затѣмъ, если мы сообразимъ, что гражданское право имѣетъ цѣлую систему отдѣльныхъ договоровъ и обязательствъ, условій, сдѣлокъ, что каждый изъ этихъ родовъ или видовъ договора имѣетъ свою собственную характеристику, свой особый типъ, который опредѣляется законодательствомъ только въ видѣ взаимнаго охраненія интересовъ договаривающихся, то мы поймемъ, что нотаріусы должны быть знатоками гражданскаго права и изъ цѣлой системы гражданскаго права они въ особенности должны быть знатоками такихъ частей, которыя, ближайшимъ образомъ, могутъ имѣть примѣненіе къ ихъ практикѣ. Посмотримъ, какія это части, на которыя нотаріусъ долженъ обратить особенное вниманіе. Прежде всего сюда должны быть отнесены акты, посредствомъ которыхъ имущество отчуждается или пріобрѣтается: это, такъ называемыя купчія крѣпости, закладныя записи, однимъ словомъ, акты различнаго рода, въ силу которыхъ лицо отчуждаетъ свое имущество и передаетъ свои права другому лицу. Совершеніе подобныхъ актовъ, есть основаніе спокойствія и безспорнаго владѣнія какимъ либо имуществомъ. Кто имѣетъ актъ на владѣніе имуществомъ, совершенный законнымъ образомъ, тотъ можетъ быть увѣренъ, что никто не отниметъ отъ него этого имущества. Но весьма часто случается, что при продажѣ имущества, бывшій владѣлецъ имущества, разставаясь со своимъ имуществомъ, удерживаетъ за собою нѣкоторыя права или льготы въ свою пользу. Очевидно, что эти условія должны быть выражены такъ ясно, чтобы они не ограничивали правъ новаго владѣльца, такими стѣсненіями и ограниченіями собственности, которыя не считаются законными; законъ признаетъ право собственности въ самомъ обширномъ значеніи; если онъ полагаетъ нѣкоторые предѣлы, то только въ видѣ взаимнаго охраненія имущественныхъ правъ. Съ другой

стороны, кромѣ купчихъ крѣпостей и другихъ подобныхъ актовъ весьма важными актами являются различныя другія сдѣлки займа, найма, отдачи имущества на сохраненіе, мѣновыя записи и т. п. Но какъ ни важны всѣ эти отдѣльные акты, еще важнѣе сравнительно съ ними представляется составленіе духовныхъ завѣщаній; свидѣтельствованіе и утвержденіе завѣщательныхъ актовъ опредѣляетъ судьбу цѣлаго имущества, послѣ смерти его владѣльца. Завѣщатели устанавливаютъ иногда послѣ себя особый порядокъ наслѣдованія отличный отъ того порядка, который опредѣляется общимъ закономъ. Завѣщаніе стоитъ въ нашемъ законодательствѣ на первомъ планѣ, т. е. наслѣдство по закону примѣняется только тогда, когда не осталось завѣщанія. Отсюда понятно значеніе и важность этого документа. Но завѣщатель могъ бы включить въ завѣщаніе такія распоряженія, которыя стѣснили бы пользованіе наслѣдниковъ тѣми имуществами, которыя завѣщатель назначаетъ этимъ лицамъ; затѣмъ, его распоряженія могли бы установить въ завѣщаніи такія новыя отношенія юридическаго свойства, которыхъ не признаетъ и само законодательство. Понятно, слѣдовательно, что смыслъ и содержаніе завѣщаній должны пройти чрезъ одобреніе со стороны лицъ свѣдущихъ; такими лицами представляются нотаріусы и если въ завѣщаніе будутъ включены распоряженія, которыя не могутъ быть выполнены, потому что они противорѣчатъ общимъ требованіямъ закона касательно имущественнаго права, то такое завѣщаніе будетъ признано недѣйствительнымъ. Затѣмъ, завѣщатель можетъ руководиться какимъ-либо благимъ желаніемъ сдѣлать добро своимъ наслѣдникамъ, но если онъ выразилъ свои завѣщательныя распоряженія неясно, то въ силу опредѣленія взаимныхъ юридическихъ отношеній между своими будущими наслѣдниками, понятно, что такое завѣщаніе подастъ поводъ къ искамъ, спорамъ, тяжбамъ. Какъ при этомъ случаѣ такъ и при многихъ другихъ усовершенствованіе нотаріальное несомнѣнно будетъ имѣть тотъ результатъ, что значительное число тяжбъ и исковъ прекратится и уменьшиться, такъ какъ каждый гражданскій искъ и тяжба возникаютъ большею частію не изъ чего-либо другого, какъ изъ непол-

ноты, двусмысленности и неопредѣленности постановленій, заключающихся въ договорѣ, сдѣлкѣ. Слѣдовательно нельзя ограничиться тѣмъ, чтобы нотаріусъ по отношенію къ завѣщанію или къ какому либо акту, или договору зналъ бы только требованія закона, хотя эти знанія и заключаются въ томъ, чтобы онъ не допускалъ къ такимъ сдѣлкамъ, которыя запрещаются закономъ, повторяю, мало подобнаго буквальнаго соблюденія закона; необходимо еще теоретическое знаніе для устройства правомѣрныхъ, безспорныхъ отношеній между договаривающимися лицами; нотаріусъ можетъ въ своей дѣятельности руководиться двоякимъ путемъ, или онъ будетъ соблюдать только требованія и правила, которыя выражены въ законѣ, а затѣмъ не будетъ обращать вниманія на достоинство содержанія акта въ отношеніи научнаго или теоретическаго смысла,—эта дѣятельность будетъ безплодна: актъ будетъ имѣть силу и значеніе, но по содержанію своему онъ можетъ возбуждать въ послѣдствіи многіе споры, иски или тяжбы, или нотаріусъ будетъ смотрѣть на свое личное значеніе, какъ на значеніе посредника, облегчающаго частнымъ лицамъ устройство наилучшимъ образомъ ихъ собственныхъ отношеній и съ этою цѣлью будетъ стараться составить содержаніе акта, такъ чтобы впослѣдствіи стороны были удовлетворены въ своихъ взаимныхъ выгодахъ, чтобы не было никакого перевѣса требованій одной стороны надъ другой и чтобы при этомъ въ условіяхъ каждаго договора и сдѣлки, хотя и были бы допущены произвольныя какія-либо прибавленія, но чтобы эти прибавленія клонились не иначе, какъ къ обоюдной же пользѣ договаривающихся сторонъ. Законъ опредѣляетъ, напр. значеніе договора въ слѣдующемъ смыслѣ, что онъ есть взаимное непринужденное соглашеніе двухъ или нѣсколькихъ лицъ о какомъ либо имущественномъ предметѣ или о личныхъ условіяхъ, имѣющихъ цѣнность имущества; но понятно, что кто будетъ заключать непринужденно такое условіе, при которомъ бы на его сторонѣ было менѣе выгодъ, чѣмъ на сторонѣ другаго лица понятно, что такая идея договора требуетъ совершенной равноправности, то въ этомъ случаѣ нотаріусъ и долженъ быть подобнымъ посредникомъ для предупрежденія, чтобы договари-

вающіяся стороны не согласились бы утвердить сдѣлку невыгодную для одной или для другой стороны. Затѣмъи этимъ неограничена по нашему мнѣнію дѣятельность нотаріуса. Прежде составленія каждаго акта нотаріусъ долженъ понять ту цѣль, чего хотятъ, приступая къ извѣстной сдѣлкѣ. Иногда сами договаривающіяся лица неясно сознаютъ тѣ выгоды, которыхъ желаютъ достигнуть заключеніемъ договора. Рабочій, напр. хочетъ заключить договоръ съ подрядчикомъ. Онъ ищетъ только работы, но не думаетъ о томъ что съ работою связываются извѣстныя обязанности, что съ работою связываются извѣстныя права его въ отношеніи подрядчика или хозяина; нужно вразумить обѣ стороны во всей суммѣ ихъ правъ и обязанностей и распредѣлить эту сумму совершенно равномѣрно. Затѣмъ, нотаріусъ долженъ имѣть въ виду и долженъ болѣе заботиться о послѣдствіяхъ акта. Договаривающіяся лица большею частію думаютъ о своихъ личныхъ интересахъ, нотаріусъ же долженъ имѣть въ виду интересы будущихъ наслѣдниковъ, которымъ придется, можетъ-быть, въ силу этого договора, заключеннаго первоначально продолжать исполненіе этихъ обязанностей, которыя приняли договаривающіяся лица. Но иное дѣло исполнять тѣ обязанности, которыя мы сами на себя принимаемъ добровольно, или тѣ обязанности, которыя бы по наслѣдству перешли къ намъ отъ другихъ лицъ; волею или неволею они должны быть исполняемы, потому что съ переходомъ наслѣдства переходитъ обязанность уплатить долги, продолжать выполненіе тѣхъ договоровъ, которые заключили прежнія лица, т. е. тѣ, отъ которыхъ осталось наслѣдство. И вотъ, такимъ образомъ, наслѣдникъ вступаетъ сразу въ сферу новыхъ обязанностей. Если же сдѣлка составлена совершенно равномѣрно и правильно, то понятно, что не можетъ быть никакого затрудненія или ущерба ни той, ни другой сторонѣ. Кромѣ того договоры, и сдѣлки переходятъ иногда отъ одних лицъ къ другимъ по взаимной уступкѣ или соглашенію, и въ этомъ случаѣ уступка или переводъ обязанностей на другое лицо ни когда не должны обходиться безъ предварительныхъ совѣтовъ нотаріуса. Такое положеніе они имѣютъ на западѣ Европы: во Франціи, частью въ Германіи и Англіи они имѣютъ боль-

шой авторитетъ, гдѣ каждое частное лицо имѣетъ своего нотаріуса; это есть домашній совѣтникъ, предупредитель во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ о какомъ-либо имущественномъ распоряженіи. Такъ дѣйствительно и должно быть. У насъ до настоящаго времени положеніе нотаріусовъ было совершенно иное. Къ нимъ обращались въ случаѣ надобности именно для того, чтобы придать акту силу легальную. При подобномъ положеніи у насъ, конечно, можно предположить, что на первыхъ порахъ, на основаніи новаго нотаріальнаго положенія, нотаріусъ нескоро войдетъ еще въ настоящее свое положеніе, но тѣмъ не менѣе они должны стремиться къ этому, они должны заслужить уваженіе отъ цѣлаго общества и довѣріе къ нимъ всѣхъ частныхъ лицъ. Этого можно ожидать только не иначе, какъ при тѣхъ условіяхъ, когда эти лица независимо отъ формальнаго требованія сдачи экзамена въ окружномъ судѣ, будутъ имѣть въ виду постоянное усвоеніе юридическаго образованія; если нотаріусы поставятъ себѣ постоянною задачею изученіе гражданскаго права и въ особенности тѣхъ частей его, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ ихъ практикѣ; если, не ограничиваясь и этимъ ученіемъ, они будутъ выводить полезныя замѣчанія какъ результаты своей практики и наблюденія, если будутъ высказывать эти замѣчанія въ нашей юридической литературѣ, и въ свой чередъ будутъ полезны наукѣ такими замѣчаніями то нѣтъ сомнѣнія, что нотаріальное дѣло сдѣлаетъ значительные успѣхи, а съ этимъ усилится и довѣріе частныхъ лицъ къ подобной дѣятельности. Мы указали на различныя стороны успѣховъ законодательства, тѣсно связанныхъ съ значеніемъ судебныхъ уставовъ, ими же мы и заканчиваемъ нашъ курсъ по Исторіи Русскаго Права. Они безспорно должны быть отнесены къ числу замѣчательнѣйшихъ явленій новѣйшаго законодательства, къ числу усовершенствованій, происшедшихъ въ нынѣшнее царствованіе на ряду съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и устройствомъ земскихъ учрежденій, общее значеніе которыхъ мы опредѣлили въ предъидущихъ лекціяхъ — и потому настоящимъ обозрѣніемъ заканчиваемъ нашъ общій курсъ.